

ОГОНЁК

№ 41 ОКТЯБРЬ 1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕДИНСТВО НАРОДНЫХ СИЛ ВО ВСЕМ МИРЕ—КРЕПОСТЬ, КОТОРУЮ НЕ ВОЗЬМУТ ВРАГИ МИРА

Н. С. ХРУЩЕВ.

30 сентября в советском представительстве в Нью-Йорке Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев устроил завтрак в честь глав делегаций на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Н а с н и м к е (слева направо): Дж. Неру, Н. С. Хрущев, А. Новотный. Г. Насер, И. Броз Тито.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 41 (1738)

9 ОКТЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДЕЛЕГАЦИИ АФРИКАНСКИХ СТРАН НА СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН.

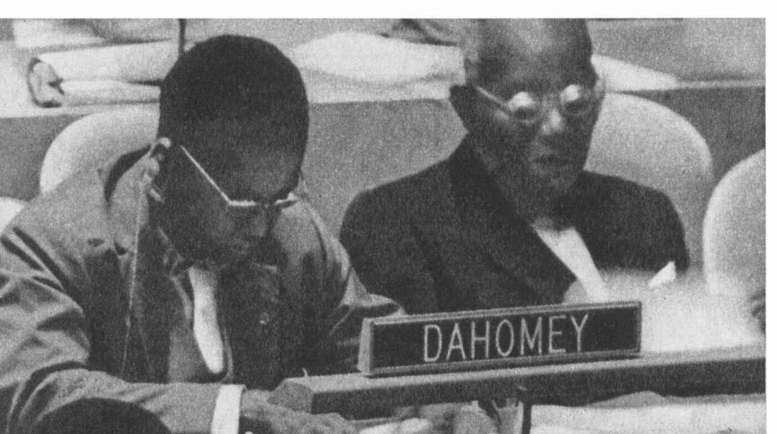
Эфиопия.

Республика Берега Слоновой Кости.

Камерун.

Дагомейская Республика.

За радість нашу світанкову

На хвилях чистого ефіру
У світ полинули слова
Про те, що люди прагнуть миру,
Що правда на землі жива.
Її не в силі подолати,
Не в змозі похитнуть її
Усі лукаві дипломати,
Усі злостиві палії.
Вона — у кожнім нашім кроці,
У кожнім ділі трудовім.
Ми присяглись за мир бороться
І за братерства світлий дім.
За радість нашу світанкову,
За ясне сонце над життям
Спасибі рідному Хрущову
І всім радянським посланцям.

Максим РИЛЬСЬКИЙ

На приеме, устроенном гвинейской делегацией по случаю национального праздника — второй годовщины провозглашения независимости Гвинеи.
↓

Слово родины моей

В пути своем не знающий помех
Мы дальний голос слушали в эфире.
Кончалась осень. Шел двадцатый
век,
Еще жилось тревожно в этом мире:
Еще мечтая все повергнуть в прах,
Толпились генералы в Пентагоне.
Еще в асфальт впечатывая шаг,
Штурмовики маршировали в Бонне.
Еще подлодки шли и крейсера,
Оставив пену за кормою узкой,
И самолеты с ночи до утра
Висели в небе с бомбовой нагрузкой.
Еще темнела грозовая сеть...
А голос шел сквозь рубежи и дали,
И океан старался не шуметь,
Чтоб нашу правду люди услыхали.
И в мире становилось все светлей,
Когда под нараставший гул оваций
Внимала слову Родины моей
Организация Объединенных Наций!

Мих. МАТУСОВСКИЙ

←
Делегация Республики Ганы на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

СИЛЫ РАЗУМА ПОБЕДЯТ!

М. АЛЕКСЕЕВ

Идет ни с чем не сравнимое сражение. Несравнимое ни по исторической значимости, ни по степени накала: силы мира, силы разума дают бой силам зла и безумия. Гул этого воистину великого сражения докатывается до нас сквозь тысячеверстные дали, и мы напряженно прислушиваемся к нему.

Прошло уже три недели с того часа, как «Балтика» причалила к берегам Америки. Но еще задолго до этого капиталистический Запад, утратив ощущение реальной действительности, принялся гадать: зачем **он** отправился в Нью-Йорк, что еще такое замыслил Хрущев? И как только он «решился» без нашего на то согласия?!

В Вашингтоне забили тревогу: «Наш президент не поедет, не рекомендуем и другим, пускай Хрущев будет один!»

«Балтика» между тем плыла и плыла, уверенно рассекая океанские волны. Ее пассажиры спокойно трудились, трудились во имя избавления человечества от ужасов войны, во имя жизни на земле. А за океаном все гадали, лихорадочно подсчитывали: много ли осталось тех, кто по-прежнему слепо и покорно, точно рóботы, пойдет в фарватере политики Соединенных Штатов? Подсчеты, должно быть, оказались малоутешительными для госдепартамента, и тогда-то был дан новый клич, противоположный первому: Эйзенхауэр — в Нью-Йорк! Макмиллан — в Нью-Йорк!

Срочно сочинялись длинные и медоточивые речи. С их помощью, видимо, надеялись «завоевать» сбросившие и сбрасывающие иго колониализма страны Азии и Африки. Президент США выступил в начале работы сессии и решил, что этого достаточно, чтобы его страна вновь обрела давно уже утраченный ею престиж.

Речь Эйзенхауэра, однако, никого не убедила, кроме разве тех, кто предпочитает вообще не иметь своих убеждений. Африка же, которой в речи президента были обещаны златые горы, неожиданно почему-то не умилилась, не пришла в восторг, как рассчитывал, по-видимому, оратор. Устами Кваме Нкрума, президента молодой республики Ганы, Африка высказала свою точку зрения на положение вещей, далеко не лестную и не сладкую для уха империализма. Из Великобритании уже спешил на помощь своему именитому американскому партнеру г-н Макмиллан...

На трибуну Генеральной Ассамблеи поднялся Никита Сергеевич. Он сказал именно то, что и должен был сказать неутомимый и последовательнейший борец за мир. Он сказал, что надо раз и навсегда покончить с колониализмом, покончить во всех концах света и во всех формах проявления, что постыдно и преступно в наш век держать целые нации в рабстве. А уж коли говорить о помощи слаборазвитым странам, то не худо было бы прежде всего подумать о том, где взять средства для такой помощи, из каких источников.

Полное и всеобщее разоружение — вот где надо искать эти средства. Помимо того, что разоружение избавит живущих и жаждущих жизни людей на земле от вечного страха, оно высвобождает неслыханные богатства, которые можно было бы разумно использовать для развития хозяйства, техники, культуры всех народов, населяющих нашу планету.

И это было понятно. Это убеждало неотразимою силой логики, силой разума, силой подлинной человечности, которая, как бы ни пытались ей помешать, в конечном счете всегда выходит победительницей.

Шли дни. Из далеких заморских стран — из Африки и Азии — торопились в Нью-Йорк главы государств и правительств. Многим из них пришлось для этого оставить у себя дома срочные и важные государственные дела. Они торопились на историческую Ассамблею, хорошо понимая, что именно там сейчас решаются самые кровные, самые неотложные для всего сущего на земле дела, решается вопрос вопросов: быть миру или войне,—то есть вопрос жизни и смерти в самом прямом, в самом буквальном смысле.

Народы поняли это и послали на Генеральную Ассамблею самых ответственных и самых высоких представителей, облеченных всей полнотой власти в пределах своих стран. То, что в Нью-Йорк съехались такие представители, советские люди считают фактом само собой разумеющимся и могут только гордиться тем, что инициатива этого принадлежит нашей великой стране, Никите Сергеевичу Хрущеву.

— Он призывает к восстанию! — выслушав речь Н. С. Хрущева, в ужасе завопили империалисты.

В ответ они услышали гордые, исполненные достоинства и силы слова: «Мы протягиваем руку всем тем, кто еще страдает в цепях колониального рабства. Если вы считаете, что это призыв к восстанию, то я горжусь этим и говорю: свободолюбивые народы Советского Союза протягивают руку помощи народам, восстающим против колонизаторов, за свою свободу и независимость!»

Народы Ганы, Гвинеи, Конго, Нигерии, Алжира, вам ли не понять этих слов! Героические сыны мужественной Кубы, разве ваши сердца не отзовутся на них сердечной благодарностью!

Уже три раза поднимался на трибуну Никита Сергеевич. Сила разума, всесокрушающая и неотразимая сила логики, сила правды звучат в его словах.

Где-то среди сотен делегатов сидит чанкайшист. До чего ж надоел всем этот никого не представляющий господин! Но поди ж ты, сидит да и только! Взять бы этот труп, уложить в гроб да поскорее закопать. Так нет же, госдепартаменту надо, чтоб он отравлял здоровый воздух...

Шестисотмиллионный Китай, великая социалистическая держава, не представлен в ООН, и кому-то такое положение вещей кажется нормальным. Это настолько очевидно несправедливо, что даже те, кого устраивает столь вопиющая несправедливость, уже не обременяют себя поисками аргументов, только изрыгают потоки брани: ничего другого у них за душой нет.

«Чего хотят люди, которые выступают против прав Китая в ООН? — задал вопрос Н. С. Хрущев.— Они хотят, чтобы в Организации Объединенных Наций были представлены государства только с одним общественным устройством?»

Нью-Йорк. XV сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Выступление Н. С. Хрущева на утреннем заседании 1 октября.

Никита Сергеевич призвал этих господ хоть на одну минуту задуматься над тем, что случилось бы с ООН, если б Советский Союз и другие страны социалистического мира покинули бы эту организацию. Организация Объединенных Наций не может существовать без Советского Союза и других стран социализма, без нейтральных государств. В самом деле, Кристиану Гертеру и Дагу Хаммаршельду спорить не о чем, никаких проблем обсуждать нечего: достаточно первому пошевелить пальцем, как второй в точности повторит его жест. Хорош будет «всемирный форум»!

В ООН по праву представлены такие социалистические страны, как Советский Союз, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания. Народный Китай точно так же должен был давным-давно занять свое законное место в ООН. Однако этого до сих пор не случилось.

Но это случится. Случится непременно, потому что на стороне разума, на стороне правды стоят сейчас десятки стран, и среди них такие страны, голоса которых вчера еще не были слышны, а ныне звучат на весь мир.

«Мы убеждены,— сказал Никита Сергеевич Хрущев,— что зерна правды дойдут до разума людей, к которым мы обращаемся; мы уверены, что люди, сеющие добрые семена, семена правды, семена жизни, будут вознаграждены за свой труд тем, что правда утвердится и силы разума и мира победят силы войны».

Да, силы разума победят!

3 октября в Нью-Йорке около здания советского представительства состоялась демонстрация трудящихся города в защиту мира.

В ЭТИ ДНИ НА МАНХЕ

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

«Ваши объединенные нации»

В нижнем этаже здания Организации Объединенных Наций расположился маленький магазин сувениров для посетителей. На самом видном месте в витрине — книга, выпущенная отделом общественной информации ООН. Называется она «Ваши объединенные нации». Официальный путеводитель-сувенир. Открывается книга портретом генерального секретаря ООН г-на Дага Хаммаршельда.

В главе, посвященной секретариату ООН, книга «Ваши объединенные нации» рассказывает, что в этом органе работают 4 300 мужчин и женщин. Дальше перечисляются права и обязанности главы этого огромного учреждения — генерального секретаря ООН г-на Хаммаршельда.

«Он несет прямую и персональную ответственность, — говорится в книге, — за работу секретариата. Он отвечает за набор, продвижение и увольнение сотрудников. Он представляет годовой отчет о работе Организации и имеет право делать рекомендации Генеральной Ассамблее, согласно уставу; генеральный секретарь также имеет право обратить внимание Совета Безопасности на любой вопрос, который, по его мнению, может угрожать сохранению мира и безопасности между народами. На верхнем этаже здания ООН ему предоставлены кабинет, конференц-зал и небольшая квартира для личного пользования».

Так книга, которую можно за 50 центов купить в магазине сувениров, в общем, правильно рассказывает туристам о служебном аппарате, который руководит работой ООН в период между сессиями Генеральной Ассамблеи и должен выполнять ее решения.

Во всяком случае, нигде в этой книге не сказано, что генеральный секретарь имеет право злоупотреблять своей властью, использовать ее в интересах определенной группы государств, имеет право, например, обращать военную силу ООН против законных правительств и в поддержку колонизаторов. Нигде не сказано, что он может, используя свое высокое положение, вмешиваться во внутренние дела государств, попирать элементарную справедливость. Как могут узнать туристы из книги, «сотрудники секретариата связаны присягой не искать и не получать инструкций, касающихся их работы в ООН, от какого бы то ни было правительства или властей, кроме самой ООН».

Но оказывается, как показал опыт, господин Хаммаршельд делает именно то, о чем в книге «Ваши объединенные нации» ничего не сказано.

«Ваши объединенные нации»... К кому обращен этот заголовок? Теоретически — ко всем народам земного шара, двум миллиардам семистам миллионам человек, живущих к северу и к югу от экватора, в восточном и западном полушариях. Но практически, как показали дела г-на Хаммаршельда, книга эта адресована к очень узкому кругу государств, связанных единой агрессивной политикой.

Человек, который назвал книгу «Ваши объединенные нации», явно обращал эти слова к своим американским хозяевам. Нет, не к народу США, а именно к хозяевам, людям одного положения с Рокфеллерами, которые владели землей, где стоит теперь здание с шестью тысячами окон.

Но народы мира требуют, чтобы Организация Объединенных Наций представляла интересы всех государств, чтобы о такой организации люди, населяющие нашу планету, действительно могли бы сказать: «Наши объединенные нации».

«Плакаты будут доставлены»

Передо мной лежит газета, купленная в маленьком фанерном киоске на углу 42-й улицы и 3-й авеню. Называется газета «Новое русское слово».

Среди множества объявлений о сдаче внаем комнат, об «интеллигентном мужчине, желающем познакомиться с самостоятельной русской дамой, православной, не курящей, с целью брака», о «лучших похоронах по самой дешевой цене в Нью-Йорке, Бронксе, Бруклине», предлагаемых похоронным бюро некоего Петра Яремы, бросается в глаза помещенный на первой странице, обведенный жирной рамкой, набранный крупными буквами призыв:

«Приходите все на пикетировку —

Сегодня, 1-го, и в воскресенье, 2-го октября.

В 3 часа дня на 75-ю улицу.

Сбор между Медисон и 5-й авеню.

Плакаты будут доставлены.

Исполнительный комитет российских антикоммунистических организаций».

Имеется в виду, как видно, «пикетировка» у здания советского представительства в ООН, которое расположено неподалеку.

Ну что ж, соберется несколько десятков людей, которые разберут доставленные плакаты и, рассказывая друг другу анекдоты дореволюционной давности, будут равнодушно прохаживаться по тротуарам улиц, изображая гневных борцов за «свободную Россию». Изредка «активисты», доставившие плакаты, будут выкрикивать с заметным акцентом (чужие харчи оставляют след на родном языке) подходящие к случаю глупые, клеветнические «лозунги».

Потом демонстранты отдадут плакаты «активистам» и пойдут в «Нон-стоп» смотреть двухчасовой фильм из жизни ковбоев.

Однажды такую толпу «борцов против коммунизма», мешающих плохую русскую, плохую украин-

скую с такой же плохой английской речью, случайно наблюдал один из сотрудников нашего представительства в ООН. Он видел, как подошла грузовая машина с плакатами. «Борцы», окружив ее, деловито поинтересовались: почем платят? Оказалось, 8 долларов. «Идейные противники марксизма» быстро разобрали плакаты, беглым шагом продефилировали, выражая «сочувствие угнетенным народам России», а затем так же быстро и организованно выстроились в очередь. Каждому, кто носил плакаты, выдавали обусловленные 8 долларов. За крики платят гроши, поэтому криков мало: невыгодно да и сорвешь голос, лечиться дороже станет.

Итак, «плакаты будут доставлены»... Эти три слова, по существу, эпитафия к замыслам реакции. Накануне приезда главы Советского правительства в Нью-Йорк американские газеты взахлеб писали о предстоящих демонстрациях, митингах и прочих враждебных акциях в адрес руководящих деятелей стран социалистического лагеря. Нередко эти предсказания носили характер тщательно составленных, хорошо продуманных инструкций: «Нью-йоркцам разрешается **выражать возмущение пребыванием в США премьер-министра Советского Союза**»; «негодую-

ТТЕНЕ

щие нью-йоркцы соберутся там-то и там-то, во столько-то времени, будут носить следующие плакаты (следует примерный текст плакатов)».

Была и такая инструкция, как встречать Н. С. Хрущева у 73-го причала: нанять прогулочные катера и выкрикивать лозунги в сторону «Балтики», устроить забастовку докеров, входящих в гангстерский профсоюз, и т. д. и т. п.

Однако все эти широко задуманные и разрекламированные планы с треском провалились.

Я помню, какое жалкое зрелище являла собой кучка подонков, вышедшая, согласно инструкции, к 73-му причалу встречать «Балтику». Журналистов, кино-, теле-, радиооператоров, фотокорреспондентов было раза в два больше. И, конечно же, вокруг было немыслимое множество людей в пластиковых дождевиках поверх темносиних мундиров — полиция.

Синие мундиры

Вот уже полмесяца, как рослые парни в синем томятся от безделья. Они стоят густыми группами на всех углах и перекрестках, ловко жонглируя тяжелыми деревянными дубинками. Они ездят с устрашающим завыванием сирен в специальных машинах с красными маяками на крышах. Они старательно создают впечатление беспокойства в городе, изо всех сил пытаются доказать, как трудно «обезопасить» Хрущева. Ежедневно газеты сообщают о возможных «заговорах», которые на поверку оказываются блефом.

23 596 нью-йоркских полицейских, возглавляемых полицейским комиссаром Стефеном П. Кеннеди, своими синими мундирами заслонили цвет небесно-голубого флага Организации Объединенных Наций.

В субботу, 1 октября, в жизнь синих мундиров было внесено некоторое разнообразие.

Все дело началось утром, когда посыльный железнодорожного экспресса Джон Галван доставил к зданию советского представительства посылку размером 8×8×10 дюймов. На ней было написано: «Пирог. Не перевертывать». Детективы Альфред Ларго и Роберт Руссл немедленно усмотрели: в пакете что-то неладное. Почему? Трудно сказать. Видимо, это был инстинкт.

Один из них осторожно взвесил посылку на руках и даже понюхал. Запаха пирога он не ощутил. Немедленно был вызван эксперт по бомбам — детектив Хорнидж. Он тоже взвесил посылку на руках, тоже понюхал, даже просветил ее при помощи портативного рентгеновского аппарата и безапелляционно заявил: это не пирог.

Пока детективы осторожно переписывали обратный адрес, стоявший на посылке: «Вирджиния Макклири, РТ I, ящик 138-а, Люлинг, Техас» полиция немедленно перекрыла все движение по Паркавеню, между 66-й и 72-й улицами. Посылку положили посреди авеню и вызвали специальный автофургон, предназначенный для перевозки взрывчатых веществ. Американских журналистов оттеснили из загончика у входа в здание советского представительства, и те галопом бросились к ближайшим телефонам передавать сенсационное сообщение о таинственной посылке.

Скоро фургон, оплетенный снаружи деревянными прутьями, прибыл, и с величайшими предосторожностями двое полицейских, одетые в специальные костюмы с металлическими масками на лицах, перенесли страшную посылку в фургон. Сопровождаемый воем сирен, мигая всеми своими фарами, фургон проследовал в Бронкс, в форт Тилден, где, как говорят, обычно разряжают всякого рода бомбы.

Посылку с надписью «Пирог. Не перевертывать» вскрыли. Перед бдительными нью-йоркскими пинкертонами лежал... пирог. Самый обыкновенный, хороший, добрый, традиционный американский яблочный пирог домашнего изготовления. Его послала та самая миссис Макклири из Техаса, жена рабочего строительной компании, адрес которой значился на посылке. Она послала его в подарок Н. С. Хрущеву в знак добрых чувств.

Инцидент этот немедленно попал на первые страницы газет, и даже самые реакционные из них не могли удержаться от насмешек над синими мундирами.

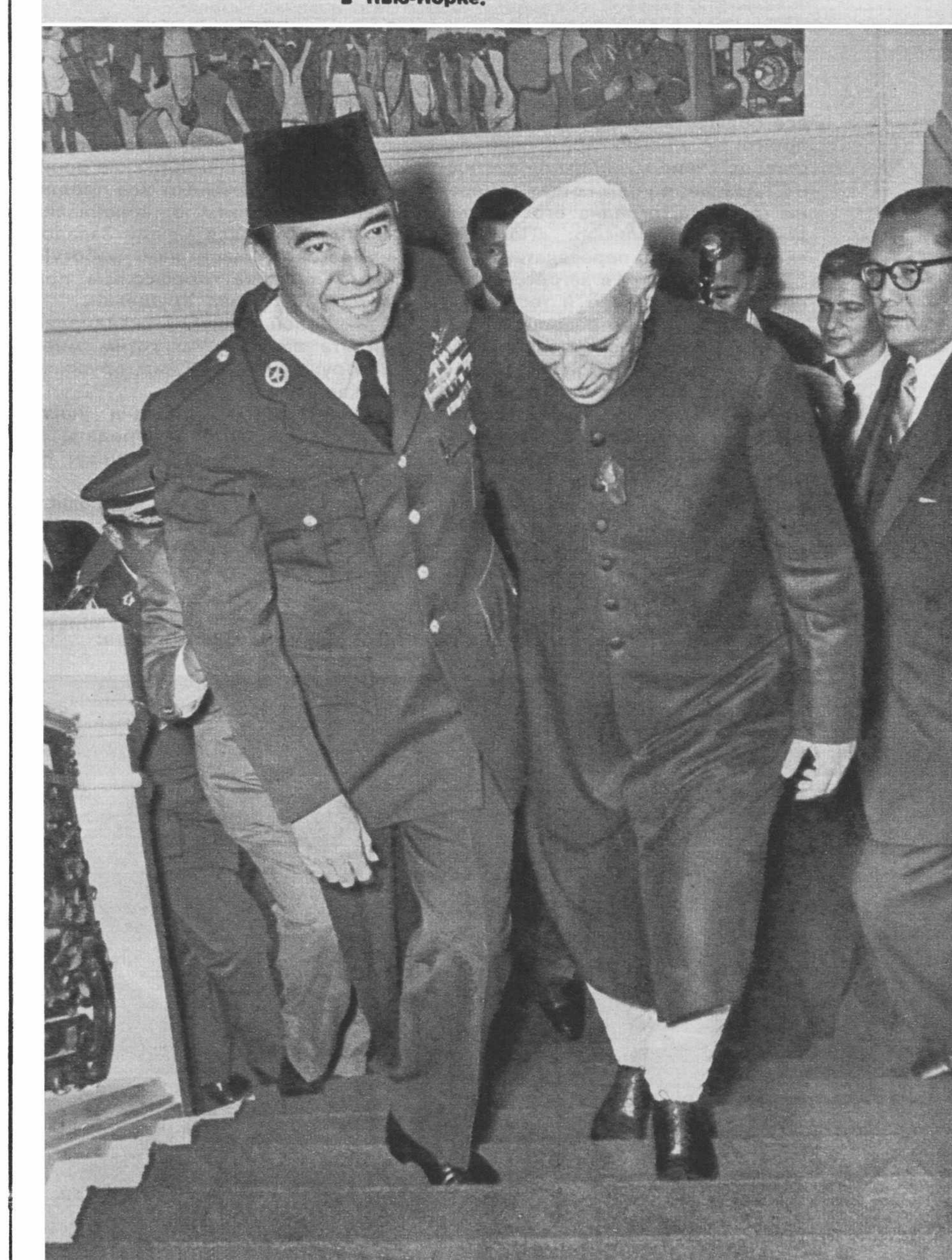
Чувства простых американцев

3 октября в квартале от здания советского представительства к пяти часам вечера собрались старые и молодые нью-йоркские рабочие и их жены.

В дружественной обстановке прошла беседа между Н. С. Хрущевым и президентом Республики Ганы Кваме Нкрума.

Премьер-министр Индии Неру и президент Индонезии Сукарно в Нью-Йорке.

Н. С. Хрущев и А. А. Громыко в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН.

С каждой минутой их становилось все больше и больше. Они хотели пройти к зданию представительства, но синие мундиры не пустили их. Демонстрантам отвели места на тротуаре, оградив его серыми досками с надписью: «Полицейская линия. Не пересекать».

Каждую минуту в загородке становилось все теснее и теснее, но синие мундиры не разрешали выходить за пределы «полицейской линии». Эту демонстрацию американская пресса не баловала вниманием. Здесь не было телевизионных установок, мало было корреспондентов, журналистов. Зато сюда сбежалась целая стая детективов. Они ощупывали глазами каждого проходящего мимо, стараясь запомнить лица.

Объяснялось все очень просто: люди несли плакаты, на которых было написано: «Нью-йоркские профсоюзы — за мирное сосуществование!»; «Нью-йоркские профсоюзы поддерживают все предложения покончить с колониализмом!»; «Торговля между Западом и Востоком даст нам работу!»; «Нью-йоркские профсоюзы приветствуют приезд Хрущева!».

— Долой войну! — скандировали эти люди. — Мы хотим мира. Разоружение — это мир, оружие — это война!

Некоторые из женщин несли цветы. Они хотели передать их Никите Сергеевичу Хрущеву. Но синие мундиры не пустили.

Два американских журналиста атаковали одного из участников демонстрации за мир.

— Вы коммунист? — задал вопрос человек с микрофоном в руках.

— Нет, — ответил демонстрант.

— Прокоммунист? — быстро спросил человек с блокнотом.

— Нет.

— Каковы же ваши политические взгляды? — поинтересовались сбитые с толку корреспонденты.

— Я за мир... Вот и все. К партиям я не принадлежу. Я текстильщик, зовут меня Артур Найт... Я понял, что то, о чем говорил Хрущев, непосредственно касается меня и моей семьи... И вопрос о разоружении, и о колониализме, и, если хотите, о Китае. Я тоже хочу, чтобы ООН была авторитетной организацией и чтобы она защищала мир и справедливость... Вот почему я пришел сюда на демонстрацию... Мне 34 года...

Я видел по глазам двух журналистов, как постепенно они теряли интерес к собеседнику. Не дослушав, они спрятали блокнот и микрофон и отошли.

Сгущались сумерки, а несколько сот американцев, простых американцев, как и весь американский народ, желающих мира, продолжали медленно ходить за полицейской оградой, ощупываемые внимательными глазами детективов.

Через несколько часов появились вечерние газеты — «Дейли ньюс» и «Нью-Йорк миррор». В них сообщались последние новости:

два вооруженных бандита ограбили табачный магазин на 184-й авеню и похитили 2 тысячи долларов;

актер, обвиненный в вождении автомобиля в пьяном виде, предстал перед судом;

известная французская киноактриса Брижитт Бардо вышла из больницы после попытки покончить с собой при помощи сонных таблеток.

О демонстрации на углу 67-й улицы и Парк-авеню не сообщалось ни слова...

Полированная поверхность

Этот звонок раздался в здании советского представительства во второй половине дня, через несколько часов после выступления Н. С. Хрущева на Генеральной Ассамблее по вопросу о представительстве народного Китая в ООН.

До этого выступал представитель США Уодсворт. Он пытался доказывать, что вопрос о восстановлении законных прав в ООН Китайской Народной Республики не следует включать в повестку дня сессии. Аргументы его были лицемерны и смешны, он говорил о «коммунистическом режиме» который якобы не предоставляет человеческой личности «свободы развития».

Н. С. Хрущев посвятил несколько минут своего выступления ответу на эти лицемерные обвинения. Он говорил:

«В Америке линчуют и вешают негров только за то, что они черные. Это же знает весь мир. Об этом пишут книги, об этом сообщают в печати... А представитель США берет на себя смелость клеветать на действительно демократический режим Китайской Народной Республики, которая строит социализм».

Через несколько часов после взволнованной, горячей речи Н. С. Хрущева в здании советско-

На завтраке в представительстве СССР при ООН 30 сентября присутствовал глава государства Камбоджи принц Нородом Сианук.

Теплой была эта встреча у входа в советское представительство.

го представительства раздался телефонный звонок. Попросили к телефону кого-нибудь из журналистов. Дежурный передал трубку мне.

— Я очень прошу извинить меня, — услышал я в трубке женский голос. — Но я очень тороплюсь. Я должна вам сказать все, пока моя хозяйка вышла из комнаты. Она не разрешила бы мне звонить вам по телефону...

Голос прерывался от волнения. Я слышал, как женщина тяжело дышит.

— Я очень прошу, передайте господину Хрущеву, что я и все мы очень благодарны ему за то, что он поднял голос в нашу защиту. Все, что он говорил,— это настоящая правда. Вы еще не все знаете... Спасибо, спасибо ему.

— Кто вы? — спросил я.

— Мне 26 лет. Я работаю прислугой в одном доме здесь, на Манхеттене. Я приехала сюда три года назад с Юга... Я бы с удовольствием рассказала вам о себе, но сейчас придет хозяйка...

— Давайте встретимся с вами. Позвоните мне вечером в гостиницу «Тюдор».

— Это правда? Вы хотите со мной говорить?

— Конечно.

— И вы передадите все, что я вам расскажу, господину Хрущеву?

— Я напишу об этом...

Вечером мы встретились с моей собеседницей у входа в отель «Коммодор» на 42-й улице.

Это была небольшого роста худенькая негритянка, с зачесанными кверху, собранными узлом густыми волосами. На ней было серое, далеко не новое пальто, чуть великоватое для нее, на ногах босоножки.

Высокий солидный швейцар подозрительно косился в ее сторону. Увидев у меня в руках журнал «СССР», она нерешительно направилась ко мне.

Через несколько минут мы вошли в полупустое кафе неподалеку от «Коммодора».

— Пойдемте вон туда, — показала она рукой в дальний угол.

Мы прошли через длинный зал. Я поймал на себе несколько насмешливых взглядов. Мы сели за столик. Подошел официант и, смотря мимо нас, проговорил:

— Здесь сидеть нельзя. Эта секция уже закрыта.

Мы снова прошли через все кафе и сели где-то посредине.

Жоан (назовем ее так условно) мяла руками бумажную салфетку.

— Это Нью-Йорк, а на Юге я не могла бы зайти в кафе для белых.

Ее история ничем не отличается от тысячи подобных историй негритянских девушек. Ее прапрадед и прапрабабушка были вывезены из Эфиопии и проданы в рабство американским плантаторам.

Сама Жоан родилась в Западной Вирджинии. Нет, это не глубокий Юг, но все-таки Юг. Ее бабушка работала прислугой за два доллара в неделю, мать — за три доллара, она — за девять долларов. Отец ее был шахтером. Да, да, как Хрущев. Отец погиб вскоре после войны. Его завалило в шахте. Брата отца, ее дядю, линчевали куклуксклановцы. Все было очень просто. Ночью ее дядя с приятелем где-то в поле попались на глаза подвыпившей компании белых. Товарищ успел убежать, а дядю компания догнала и задавила машиной. Их не присудили даже к штрафу. Это было перед войной.

Она училась. Конечно, в школе для негров. В Западной Вирджинии сегрегация была формально отменена только в 1954 году. Но лишь формально.

С детства она привыкла, что ее звали «нигер». Вначале она не понимала, что это слово презрительное, потом узнала, что «нигер» означало: нет работы, нет денег, нет помощи, нет человеческого отношения.

С 15 лет она работает прислугой за 9 долларов в неделю. А ведь две чашки кофе и два кекса, которые нам подали в кафе, стоят 75 центов.

Три года назад она с матерью приехала в Нью-Йорк. Здесь, как говорили, прислуге больше платят. Действительно, сейчас мать получает 25 долларов в неделю, а Жоан — 20. Дети хозяйки тоже зовут ее «нигер». Нет, здесь, на Севере, особенно в Нью-Йорке, все-таки негру легче, чем на Юге.

— Вот видите, я смогла войти в кафе с вами. Правда, над вами смеются, — она кивнула в сторону посетителей, — но вы не обращайте внимания, я вас очень прошу. Мне так бы хотелось поговорить с кем-нибудь из вас, русских, просто рассказать о себе. А если вам неудобно, может быть, выйдем на улицу и просто походим.

В детстве ей говорили: зачем тебе идти в школу? Ведь все равно ты не получишь другой работы, кроме места прислуги. Эта работа называется «слип ин систем», то есть она имеет ночлег в доме хозяина. Спит по 4—5 часов в сутки. Больше нельзя — выгонят. И дадут такую рекомендацию, что никто больше ее не возьмет на работу. Этому трудно поверить, но это так...

Сейчас она отпросилась на час, сказала, что заболела мать.

— И все это делается с улыбкой, — продолжала Жоан. — Выгоняют с улыбкой: милочка, вы нам не подходите. Бьют по лицу с улыбкой. Убивают, линчуют, наверное, тоже с улыбкой... Вы первый раз в Соединенных Штатах, вам трудно понять. Здесь все отшлифовано на поверхности, все блестит. Вот посмотрите, какие небоскребы, какие красивые окна... А поезжайте в Гарлем... Здесь надо долго жить, чтобы понять, что это такое... Ваш Хрущев понимает. Вы ему скажите спасибо, я вас очень прошу. Рабство не кончилось. Я никому не могу пожаловаться на хозяйку. Никому. Могу только плакать — и все. И работу поменять не могу... Где я буду жить? Я не могу уже видеть, как они тут улыбаются... Президент улыбается, Никсон улыбается. Моя хозяйка тоже улыбается. У меня все внутри холодеет, когда я вижу эти улыбки. Я готова кричать...

Подошел официант и сказал, что эта секция кафе тоже закрывается сейчас.

Жоан посмотрела на часы:

— Мне уже пора, до свидания. Я побегу, иначе хозяйка начнет улыбаться. Так вы передадите **ему**!

Мы расстались с ней у входа в метро Гранд-Централь... По улице мягко проносились великолепные машины. Их гладко отполированная поверхность отражала яркий сияющий свет богатых магазинных витрин...

Нью-Йорк, 3 октября.

Фото Г. Боровика, ТАСС, ООН и Ассошиэйтед Пресс.

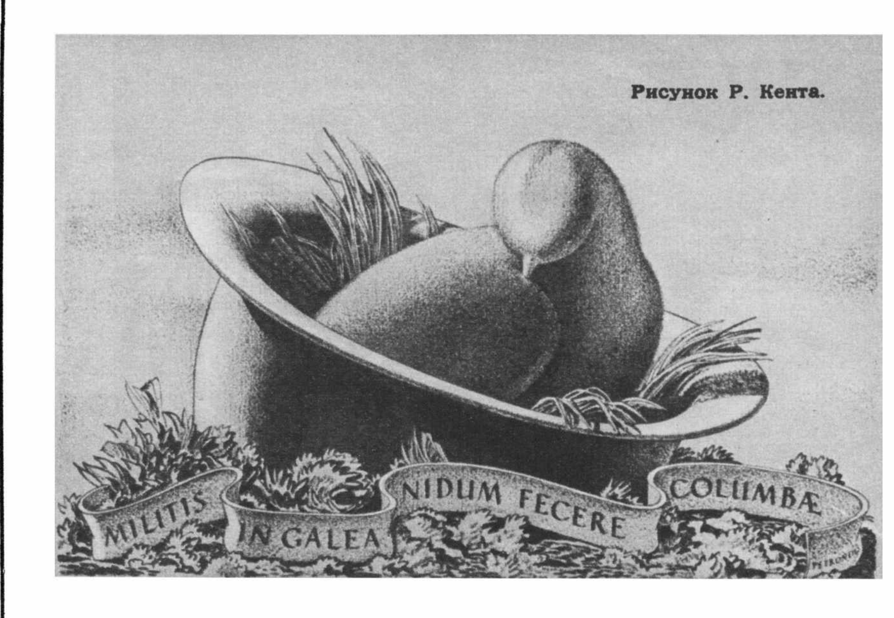

Рисунок Р. Кента.

Говорит Рокуэл Кент

В Советском Союзе вновь гостит известный американский художник Рокуэл Кент. Творчество Кента широко известно в нашей стране. В минувшем году со многими его произведениями советские люди смогли ознакомиться на выставке изобразительного искусства США.

— В Советский Союз я приезжаю не в первый раз, — рассказывает корреспонденту «Огонька» Р. Кент. — У меня в России много друзей, особенно художников, не только в Москве, но и в других городах. Мне будет очень приятно познакомить советских людей — на этот раз более широко — с моими работами. К концу года я предполагаю организовать в Москве большую выставку, которая расскажет о том, что мне удалось сделать за полвека.

Рокуэл Кент говорит не только об искусстве. Убежденного борца за мир, его не могут не волновать те проблемы, к которым приковано сейчас внимание всех людей на земле. Разговор заходит о выступлениях Н. С. Хрущева на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

— Выступления вашего премьера произвели неизгладимое впечатление в Соединенных Штатах. Из попыток «замолчать» их, разумеется, ничего не вышло. Правда всегда пробьет себе дорогу! Упрятать ее невозможно, как невозможно спрятать солнце. Что касается простых американцев, то я убежден, что они испытывают стыд за неблаговидные действия властей, пытающихся затруднить общение представителя великого Советского Союза с нашим народом.

Н. С. Хрущев обратился к ООН с предложением предоставить всем колониям независимость, — продолжает Рокуэл Кент. — Он повторил свой призыв о всеобщем и полном разоружении. И то и другое отвечает самым лучшим надеждам человечества. Вполне разумны и своевременны его слова о том, что следовало бы найти другое место для штаб-квартиры ООН.

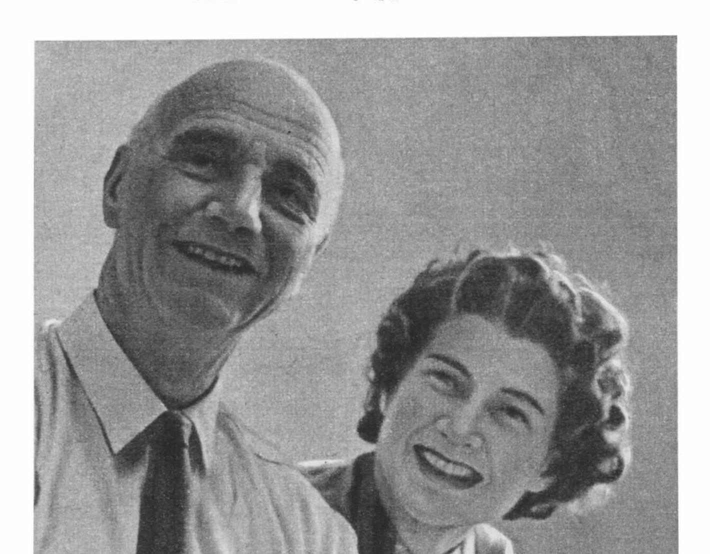
Так же, как г-н Хрущев, думает подавляющее большинство людей Америки. Мне, человеку, родившемуся в США и прожившему там почти 80 лет, нетрудно представить себе, что такое мир без войн. Вот уже сколько лет земля США не знает бедствий войны. Неужели же сейчас мы подвергнем наши дома, наших детей ее ужасам?

С каждым днем растет число людей, начинающих понимать бессмысленность кровопролитных войн. Человек создан для созидания, а не для того, чтобы превращать в пепел и развалины дело рук своих. Подумать только, какие прекрасные горизонты откроются перед будущими поколениями, которым предстоит жить в мире, отказавшемся от оружия!..

Возвращаясь к действиям американских властей по отношению к делегациям некоторых стран на сессии ООН, Рокуэл Кент говорит, что все это не отражает мнения американского народа, как чужды ему и хулиганствующие элементы — беглецы из некоторых стран, устраивающие на улицах пикеты. Ни первое, ни второе не стоит принимать всерьез. Такие факты только лишний раз доказывают растерянность тех, кто хочет на ходу остановить колесо истории.

— Язык искусства помогает людям разных стран лучше понимать друг друга, — говорит в заключение Рокуэл Кент. — Мы знаем: покоряющее искусство, которое цветет в вашей стране, могло родиться только в сердце великого народа. И мы всегда будем друзьями этого народа и вместе будем бороться за мир.

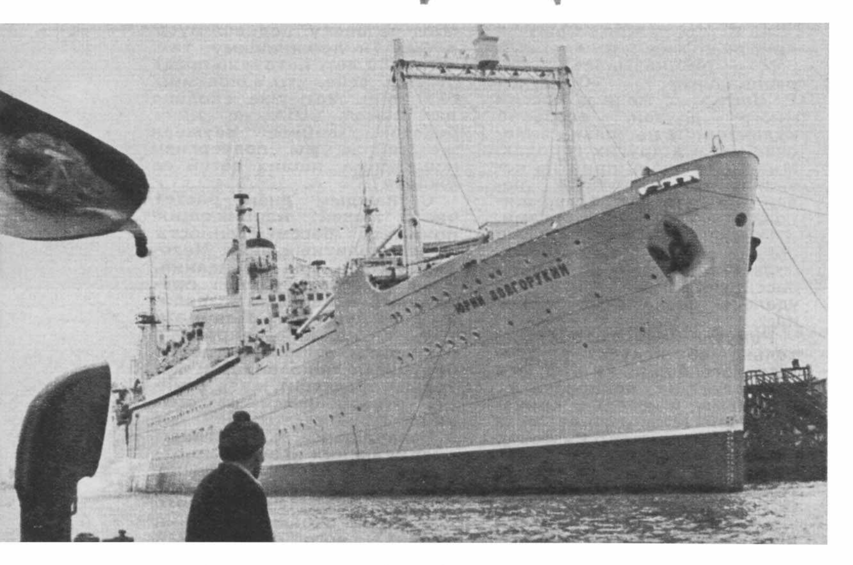
Р. Кент и его супруга С. Кент.

Электросварщик Гюнтер Шмуде работает на верфи Рослау-Дессау.

ГДР

«Юрий Долгорукий» — база китобойной флотилии, построенная для Советского Союза на верфях ГДР.

11 ЛЕТ

Счастливо живет детвора — подрастающее поколение республики. На снимке: детский сад на прогулке в г. Сталинштадте.

«О нас напишут целые тома»

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Их пятеро: Иван Битюков, Нина Чанаях, Леонид Шувчинский, Михаил Медуховский, Виктор Чернов. Все они работают на ждановском заводе «Азовсталь» — мастер газового хозяйства, лаборантка, старший инженер, фототехник и электрик. Это в рабочее время. А в нерабочее — поэт, кинолаборантка, главный консультант съемок, руководитель киностудии (он же сценарист и оператор-постановщик) и осветитель.

Пять человек — съемочная группа самодеятельной киностудии.

Несколько фильмов уже выпущено. Фильм «Металлург «Азовстали» жюри первого республиканского смотра кинолюбительских фильмов признало одним из лучших. Демонстрировался в кинотеатрах еще один фильм заводской студии — «Наша цель — семилетку досрочно». Это своеобразная кинолетопись. Языком кинокадров рассказывает она и о том, как досрочно был выполнен план первого года семилетки; и о том, как на 34 дня раньше срока закончили сооружение домны; и о том, как друзья помогали старшему горновому Корневу в строительстве дома; и о том, что на «Азовстали» каждый четвертый учится.

Свой заводской поэт Иван Битюков написал стихи для фильма.

Когда-нибудь историки седые
О нас напишут целые тома,
Как мы трудом заводы возводили,
Варили сталь и строили дома.
. . . .
И он придет, мы знаем без сомненья,
За семилеткой солнечный наш век,
Лишь потому, что силой вдохновенья
Его создаст советский человек.

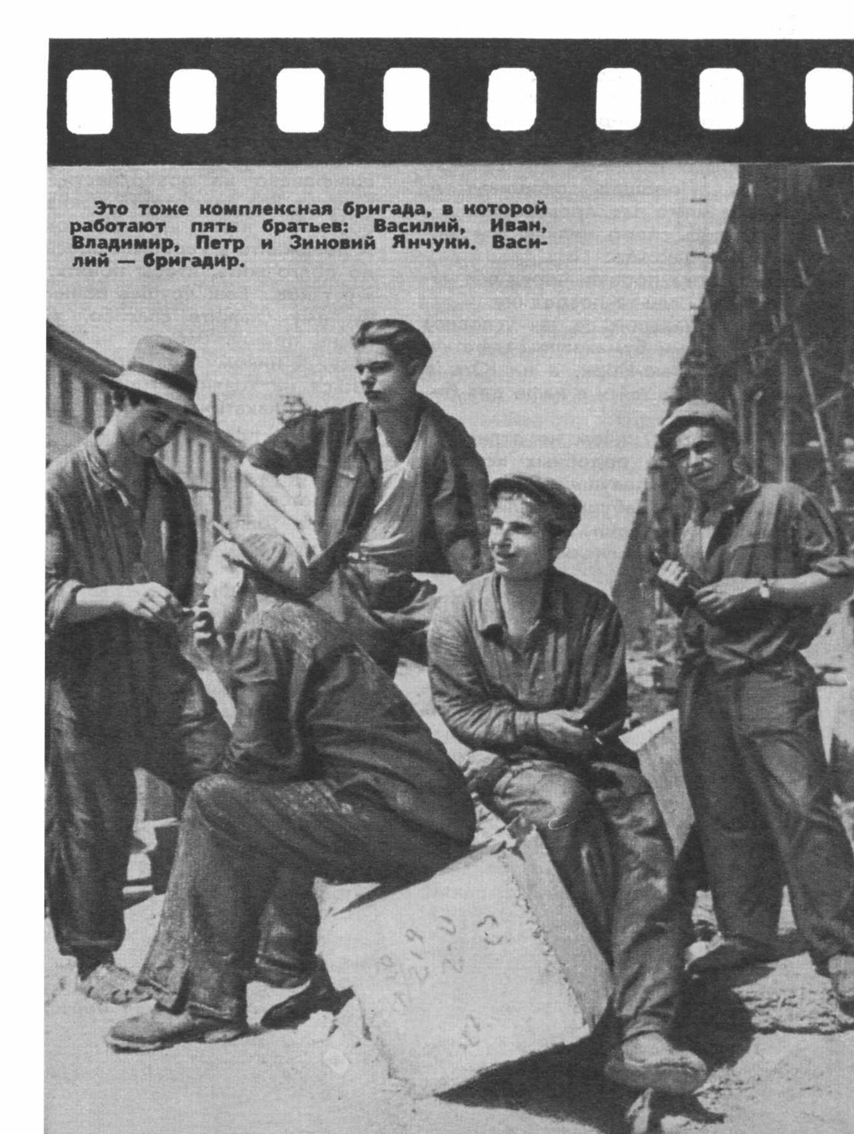
И вот сегодня студийцы идут в очередную экспедицию, чтобы вписать в кинолетопись новые страницы. Съемочная группа теперь частенько выходит за пределы завода: в видоискателе кинокамеры — родной город Жданов.

Возьмем фотоаппарат и вместе с заводскими кинолюбителями отправимся в небольшое путешествие. То, что вы увидите на этих страницах,— как бы «тезисы» будущего фильма из жизни одного огромного завода и чудесного южного города у самого Азовского моря.

Итак, вот эти «тезисы».

Этот цех, наверное, будет самым светлым. Окно монтирует целая комплексная бригада — бригада Буршилова.

Владимир Шабанец варит всемирно известную азовскую сталь (снимок справа).

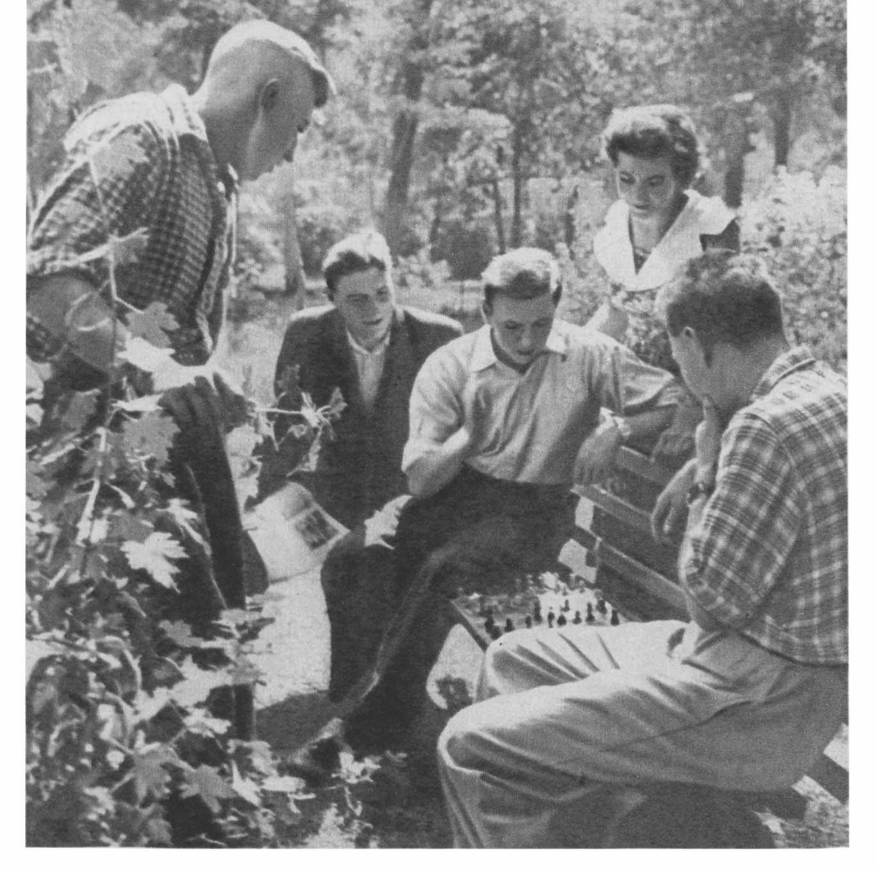
Это тоже комплексная бригада, в которой работают пять братьев: Василий, Иван, Владимир, Петр и Зиновий Янчуки. Василий — бригадир.

Дружная семейная пятерка. Бригадир монтажников лауреат Ленинской премии Сергей Павлович Кильдишов воспитал себе достойных помощников. Сын Виктор — мастер, Иван — машинист крана, Николай — монтажник, дочь Надя тоже работает на кране. По субботам в семье проходит острый шахматный «чемпионат». Не остается безучастным и Сергей Павлович: пожурит за опрометчивый ход, похвалит за удачный...

«О нас напишут целые тома»

НА СНИМКАХ СЛЕВА (сверху вниз):

— Что, не клюет?
— Должна клюнуть,— отвечает Коля Кривенко, ученик 14-й школы.

Хорошо посидеть на свежем воздухе! А кое-кому и поспать.

Ждановский загар не уступит ялтинскому. Алла Крывченко убедит в этом любого...

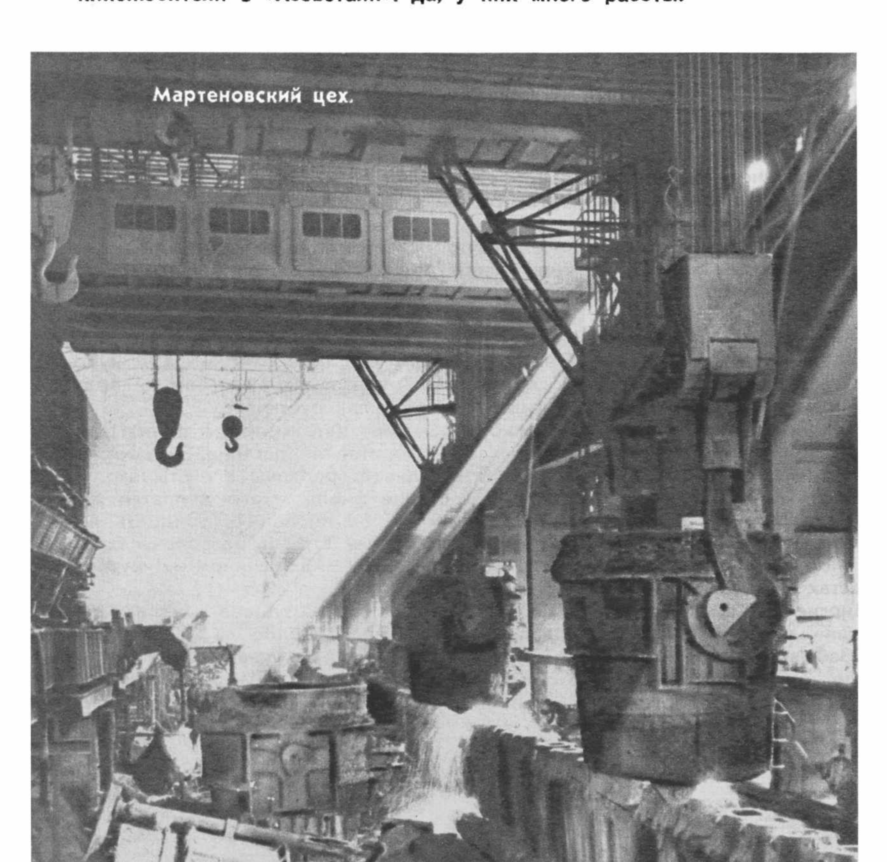
Заводские Поленовы и Левитаны на этюдах.

А этот снимок сделан в магазине как раз в тот момент, когда решался немаловажный вопрос: «Какие духи лучше?»

«...у витринных книжных груд».

Вот и все наши «тезисы». Их могло быть гораздо больше. Мы не успели побывать в гостях у капитана теплохода «Пионер» Героя Социалистического Труда Натальи Николаевны Кисса, в молодежном клубе завода имени Ильича «Беспокойные сердца», в морском «Клубе интересных встреч», на оперетте Дунаевского «Вольный ветер», поставленной драматическим коллективом моряков, у ждановских планеристов, на заседании Совета ветеранов труда завода «Азовсталь», не заглянули к любителям цветов, к голубятникам...

Но мы не сомневаемся, что здесь побывают со своими камерами кинолюбители с «Азовстали». Да, у них много работы!

Мартеновский цех.

Из многих стран...

Нередко в магазинах можно слышать у прилавка такой разговор покупателя с продавцом.

— Эта ткань отечественного производства?

— Нет, это индийский габардин. А вот и наш, советский. Есть еще китайский, французский...

— Можно посмотреть чехословацкую шляпу?

— Пожалуйста!

— Скоро ли появятся в продаже английские трикотажные костюмы?

— Ожидаем.

На полках наших магазинов мирно соседствуют товары социалистических и капиталистических стран. Ассортимент стал богаче, более полно удовлетворяются вкусы потребителей.

— Какие новые импортные товары будут завезены к нам и появятся в продаже в ближайшее время?

На этот вопрос директор конторы товаров широкого потребления «Разноэкспорт» М. А. Овчинников ответил:

— В этом году Советский Союз закупил в других странах значительно больше товаров широкого потребления, чем когда-либо в прежние годы. Совместно с Союзглавторгом Госплана СССР наше объединение много поработало, выбирая наиболее подходящие вещи из всего того, что предлагали иностранные фирмы.

— Привлекались ли к отбору фасонов представители артистического и художественного мира?

— Это мы собираемся сделать в ближайшее время.

— Из каких стран завозятся товары?

— Из многих: из Чехословакии, Венгрии, Польши, Китая, Болгарии. Увеличивается завоз товаров из Англии, Австрии, Финляндии, Франции...

В этом году впервые появилась в наших магазинах готовая одежда с марками английских фирм.

В то же время в Англию вывозятся советские товары широкого потребления.

В ассортименте ввозимых изделий самые разнообразные трикотажные изделия, от модных норвежских спортивных костюмов до красивого и недорогого немецкого белья.

Финляндия поставляет в нашу страну хорошие мужские костюмы из трелона — прочного и ноского материала, который не мнется, не требует утюжки. Нашим женщинам, несомненно, понравятся нейлоновые платья, изготовленные в Германской Демократической Республике.

В Венгрии закуплено много женских пальто из новых современных тканей, в том числе и из ткани марки «Мокуш», которая пользуется большим спросом среди москвичей.

Много хлопчатобумажных женских платьев поставляют нам Венгрия, Болгария, Китай, Чехословакия. Как показала Московская ярмарка в Лужниках, эти платья пользуются успехом у ее посетительниц.

Поступают заграничные товары и к зимнему сезону. Теплое белье закуплено в Китайской Народной Республике. Шерстяной трикотаж присылают англичане, чехи, венгры, болгары, австрийцы. Впервые появятся в магазинах так называемые утепленные женские и мужские пальто, пригодные и для осени и для зимы. Из новинок укажу еще на черные мужские костюмы. Специально для женихов. Они закуплены в Польше и в ГДР в связи с открытием в столице магазина для новобрачных. Из Англии прибыли женские нейлоновые шубы. Это уже для модниц всех возрастов! Можете посмотреть образцы товаров, которые мы закупили в других странах.

Спускаемся по лестнице в склад, где на полках, стеллажах и в шкафах лежат и висят тысячи образцов всевозможных товаров с марками «Сделано в Чехословакии», «Сделано во Франции», «Производство народного предприятия ГДР».

Я. ЛАПИН

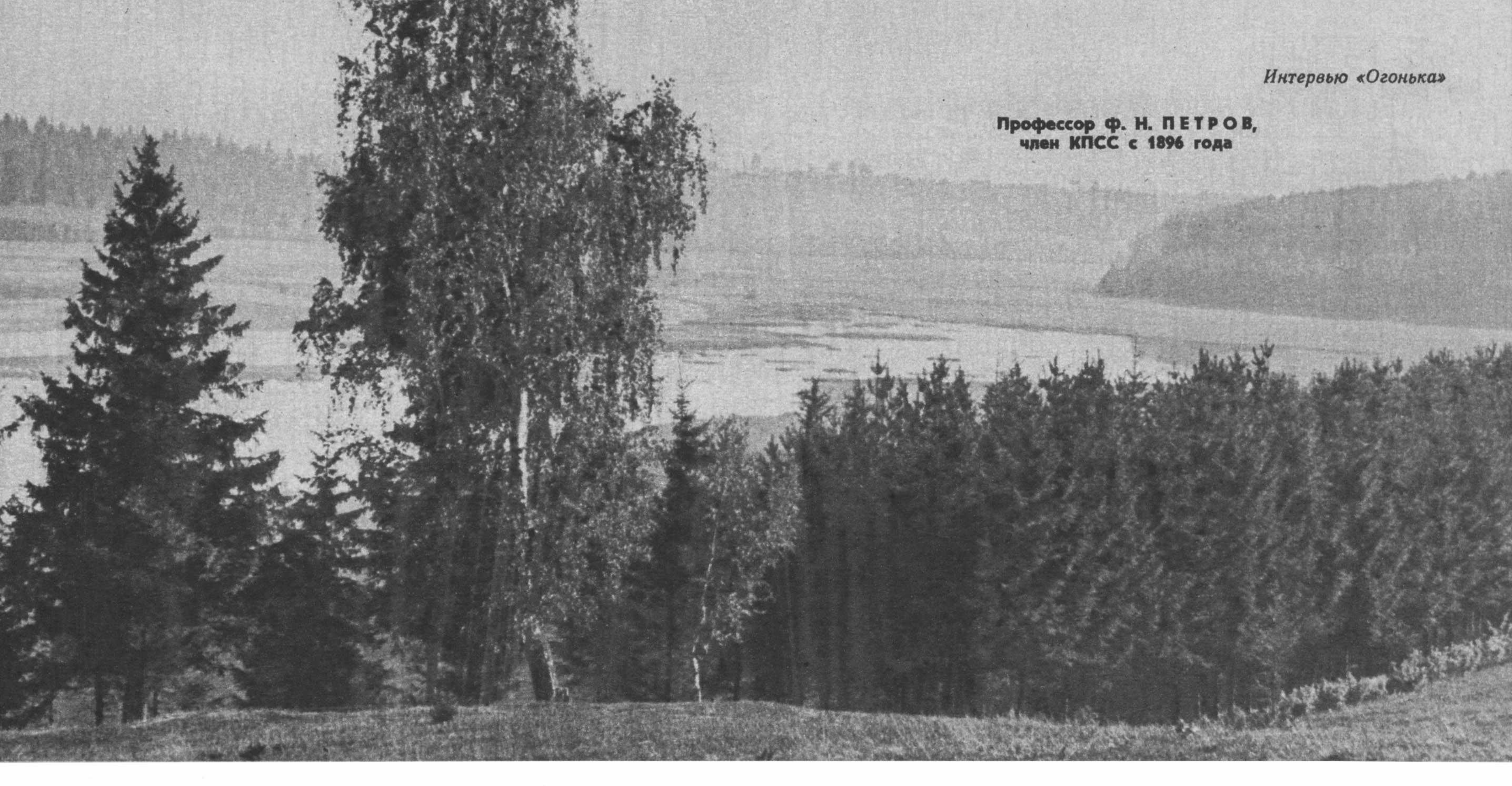

Нейлоновое пальто из Англии.

Финский трикотаж.
Фото Г. Санько.

Профессор Ф. Н. ПЕТРОВ,
член КПСС с 1896 года

ДУМАЯ О ПОТОМКАХ

Когда меня спрашивают об охране природы в нашей стране, я чувствую, будто мне прямо в душу пытливо смотрит комсомолец двухтысячного года. Перед ним я держу ответ. Ведь это для него, человека будущего, любознательного, деятельного, духовно богатого, обязаны мы сохранить все красоты и богатства нашей земли. И не просто сохранить. Каждое поколение должно оставить своим наследникам землю более щедрую, чем получило от своих отцов. Так говорил Карл Маркс. Эти слова Маркса я часто слышал от Владимира Ильича Ленина.

Декреты революции о том, что поля, луга, леса, земля и ее недра объявляются государственной собственностью, были вместе с тем и первыми декретами об охране природы. Народ, став собственником земли, брал ее под свою защиту.

Хорошо помню то время, когда Ленин подписал декрет об организации Астраханского заповедника.

В тот год я сражался в Сибири в одном из партизанских отрядов. Но и к нам донесся слух, что по инициативе Ленина создана специальная комиссия, подготавливающая закон о заповедниках. В ней работают научные сотрудники Астрахани, ученые из Москвы и других городов. Многие удивлялись: ведь тогда совсем недалеко от Астрахани рвались бомбы и земля вздрагивала от орудийных взрывов...

Потом мне не раз приходилось беседовать с Владимиром Ильичем, непосредственно от него получать указания, связанные с вопросами охраны природы.

Однажды Владимир Ильич вызвал Луначарского и меня к себе. Я был тогда заведующим одного из главков Наркомпроса — Главнауки. Ленин работал над планом реорганизации Академии наук. И вот он предложил подумать с учеными, как связать дело охраны природы с новыми задачами развития научных учреждений.

Какой же это был план? Заключался тесный союз науки и практики. Защита природы объявлялась прежде всего проблемой экономической.

Вопрос об охране природных богатств Владимир Ильич тесно связывал с самим процессом их эксплуатации. «Для того, чтобы охранить источники нашего сырья,— писал Владимир Ильич,— мы должны добиться выполнения и соблюдения научно-технических правил. Например, если речь будет идти о сдаче леса, то надо предусмотреть, чтобы правильно велось лесное хозяйство... Таким образом, тут нужно соблюдение научно-технических правил и рациональная эксплуатация».

Все материалы, нужные нам для жизни, мы так или иначе получаем от природы. Но потребности людей, потребности нашего производства постоянно растут. Значит, природа должна неустанно пополнять свои ресурсы по принципу расширенного воспроизводства, так, чтобы ресурсы ее никогда не иссякли.

«Расширенное воспроизводство? — можете спросить вы.— Да ведь это термин политической экономии?»

А природа — разве это не своеобразное производство? Ведь природа кормит, поит и одевает нас! Поэтому мы должны неустанно заботиться об умножении ее богатств. Иначе мы сами, не замечая того, влезем в долги к природе, пустим по ветру ее основной, неприкосновенный капитал. И тогда природа начнет мстить.

Представим себе такую картину. Текла чистая, веселая речка. По ее берегам высились безмолвные леса, зеленели поля. Однажды все леса по течению речки вырубили. С земли содрали ее древний покров, и незащищенную почву начали разрушать ветры, дожди, талые воды. Негде было задерживаться снегу, он таял сразу, и весной речка далеко разливалась, а потом мелела. Тут пошел в наступление коварный, притаившийся враг — эрозия почвы. От бурного таяния снегов, от ветров и дождей стали образовываться борозды в земле, затем они превратились в овраги. Овраги притягивали грунтовые воды, вода не могла подниматься по капиллярам, и ближние посевы начали страдать от засухи. И вот уже от овражка во все стороны побежали щупальца. Образовались клинья, которые нельзя распахать, и пропала ценная земля. В лесах водились птица и звери. Они исчезли. Река летом пересыхала, и постепенно пропадала рыба...

Это, так сказать, пример абстрактный, а вот и конкретный. За последнее десятилетие непростительно увлеклись порубками леса на Украине. В некоторых местах велись даже рубки в счет 1980 года! Многие ретивые лесозаготовители наивно полагали, что они «только» перевыполняют план. Забыв о постоянном воспроизводстве в природе, они транжирили ее основной капитал, вырубая леса, подвергали опасности землю. Пошли овраги, начались оползни... Понадобилось вмешательство правительства, чтобы приостановить эту бесхозяйственность.

В наше время родилась новая наука — природоведение. Это наука о плановом, хозяйском использовании щедрот природы, глубоком познании и правильном применении ее законов, неустанном восполнении ее богатств. И действенной может быть эта наука только в странах социализма, где народ — хозяин земли... Трудно даже перечислить, сколько наук вносят свой вклад в природоведение: биология, зоология, ихтиология, экономика, химия, физика, механика... Я уже говорил о том, какой вред сельскому хозяйству приносит эрозия почвы. Но с ней можно бороться, если следить за правильной обработкой земли. Нельзя, например, производить пахоту в направлении уклона скатов. Тогда каждая борозда становится зачатком быстро растущего оврага. И вот инженеры и конструкторы уже создали для распашки на склонах тракторы специального типа. Недавно Сталинградский завод начал выпускать челночные тракторы. Они сыграют большую роль в борьбе с эрозией.

Или еще один пример. Известно, что некоторые заводы и фабрики спускают плохо очищенные промышленные воды в реки, пруды, озера. Об этом с тревогой и болью говорили на втором съезде Всероссийского общества содействия охране природы. А вот инженеры и конструкторы Верх-Исетского завода поставили у себя прекрасные очистительные фильтры и сразу, как говорится, убили двух зайцев — в реку возвращаются теперь чистые воды, и на заводе экономятся цветные металлы. Они сэкономили уже только на медном купоросе, который раньше выбрасывали в воду, больше трехсот тысяч рублей.

А сколько может дать природе химия! Она уничтожает вредителей растений, удобряет почву, останавливает барханы в пустынях...

У нас в стране очень много делается для охраны природы. За последние тридцать лет на территории нашей страны расселены сотни тысяч особей многих видов животных: нутрия, ондатра, лось...

По инициативе Н. С. Хрущева началась посадка полезащитных полос в Казахстане. XXI съезд КПСС предусмотрел новое и повторное устройство лесов на площади в 262 миллиона гектаров, посев и посадку леса

на площади приблизительно в 11 миллионов гектаров.

Лет пять тому назад Министерство сельского хозяйства СССР и научные сотрудники Института леса Академии наук СССР вместе с работниками многих колхозов и лесных хозяйств провели интересное обследование. Они проверили влияние на урожайность лесных полос в 580 колхозах, расположенных в 150 различных областях Украины и России. Средний прирост урожайности оказался около двух с половиной центнеров на гектар. Профессор В. Г. Нестеров подсчитал, что к 1965 году общая прибавка урожая по стране только под влиянием полезащитных полос может достигнуть двухсот пятидесяти миллионов пудов зерна!

Но иногда мы забываем о самых простых вещах.

Возьмем, скажем, браконьеров: и тех, кто в одиночку с ружьем и неводом губит зверя, птицу и рыбу, и тех, кто это делает организованно, прикрываясь планом. Не слишком ли благодушное у нас к ним отношение?

Я помню такой случай в жизни Владимира Ильича Ленина. Он узнал о хищническом лове рыбы в низовьях Дона и сейчас же направил в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции записку: «Начальник охраны вод Донпродкома был отстранен от должности за хищнический лов рыбы в низовьях Дона. Этого господина **только** отстранили от должности. Надо узнать — где он и проверить **посерьезней**, достаточно ли он наказан».

И еще один вопрос мне бы хотелось поднять. Это о роли в охране природы экономического хозяина области — совнархоза. Почему нет среди совнархозов ни одного коллективного члена Общества содействия охране природы? Может быть, совнархозы думают, что они должны только эксплуатировать природу? Но ведь охрана природы начинается с правильной, комплексной эксплуатации ее богатств...

Природа — это не только хозяйство и экономика нашей страны. Природа — это наше здоровье, богатство наших мыслей и чувств. Я сам врач, хирург, и мне лучше, чем комулибо, известны целительные силы природы. Для тех, кто знает роль леса в народном хозяйстве страны, лес — это ткани, лаки, этиловый спирт, глюкоза. Для поэтов и художников лес — источник вдохновения, а для меня, врача, лес — это здоровье человека, борьба со склерозом, борьба со старостью...

Начал я беседу с вами со взгляда в будущее, с думой о тех, кому мы передадим нашу землю, а закончить хочу обращением к моим современникам, людям шестидесятых годов.

Почтенные люди, убеленные сединой, прошедшие и гражданскую и Отечественную войны, молодежь новостроек Сибири и Дальнего Востока и вы, пионеры, юные ленинцы, будьте требовательными, но чуткими и бережными к природе! По-хозяйски оглянитесь по сторонам и подумайте, что может сделать каждый, чтобы помочь нашей стране сохранить богатства природы. Ведь это все останется людям.

Помощники земледелия

Синтетические полимеры! Еще недавно эти два слова были понятны только людям, причастным к химии, а теперь в любой аудитории не надо пояснять их значение: слова понятны всем. Недаром академик Н. Н. Семенов назвал двадцатый век веком полимеров.

К сожалению, в сельском хозяйстве полимеры пока не нашли должного применения. И может быть, как раз потому, что почти ни одно предприятие не выпускает их специально для нужд сельского хозяйства.

Давно мы говорим о широком внедрении полимерных светопрозрачных пленок в теплично-парниковое хозяйство. В «Минькове», недалеко от Ленинграда, растут огурцы без укрытий и под укрытиями, сделанными из полиамидной пленки. Сажали их одновременно, и почва была совершенно одинаковой. И что же? В теплицах с полиамидной пленкой огурцов собрано ровно в четыре раза больше и, что тоже очень важно, на полмесяца раньше срока.

Под пленками можно выращивать многие теплолюбивые культуры на Севере, например, дыни. Вдобавок пленки увеличивают скорость созревания, и урожай овощей можно собирать даже по нескольку раз в год.

А вот еще ряд опытов. Надо сказать, что это один из немногих случаев, где полимерные материалы разработаны по заказам сельского хозяйства.

Немало еще земли у нас занято бесплодными песками и солончаками. Подвижные пески заносят плодородные участки, дороги, уничтожают растительность. Вот тут-то и пригодилось свойство полимеров образовывать длинные цепочки из мономеров. Определенным составом опрыскивают почву, и пески прекращают двигаться — полимеры «связали» и остановили их.

Некоторые полимеры, «склеивая» почву, улучшают ее структуру. То, что делают травы в течение нескольких лет, полимеры делают за несколько часов. Почва после такой обработки делается рыхлее, лучше задерживает и экономит влагу, урожаи на ней становятся значительно выше. Были разработаны и соединения, которые могут сделать почву гидрофобной — не пропускающей влагу.

Надо полагать, что полимеры скоро найдут применение и в сельскохозяйственном машиностроении, при силосовании кормов, и строительстве гидротехнических сооружений.

Они помогут нам бороться с эрозией почвы, вырастить леса на сыпучих песках, собрать богатые урожаи с солончаков.

В. ВЕРШИНИН,
руководитель лаборатории полимеров Агрофизического института, профессор.

1 из 15.000.000.000

Что самое сложное создала природа? На этот вопрос, пожалуй, все ответят одинаково: человеческий мозг.

Самая совершенная «думающая» кибернетическая машина — детская игра по сравнению с теми процессами, которые происходят в человеческом мозгу. И все чаще инженеры спрашивают физиологов: «Как работает мозг? Может быть, вы подскажете нам новые пути в создании новых «думающих» машин?»

...Медики и биологи зарисовали в атласах все до одного нервы тела человека и животных; они подсчитали, что нервная система человека состоит из 15 миллиардов клеток! Электрофизиологи научились изучать электрические явления каждого нерва. Но даже самый тонкий нерв — это жгут из многих-многих одиночных нервных волокон. Величина же одной нервной клетки совсем ничтожна — какие-то десятимиллионные доли кубического сантиметра.

Потом были созданы сложнейшие приборы, которые записывают электрические волны головного мозга. Но эти волны — слабый электрический шум миллиардных толп нервных клеток. А можно ли узнать о здоровье человека по шуму и крику гигантской «толпы»?

Физиологи давно мечтали: «Вот если бы можно было «влезть» внутрь одной клетки, пощупать ее сверхчувствительными приборами!»

Но «ворота» туда были плотно закрыты. И только в последние годы ученые подобрали «ключ» к этим «воротам». «Ключом» оказалась малюсенькая стеклянная трубочка — капилляр с кончиком толщиной в одну десятитысячную миллиметра. Физиологи назвали его микроэлектродом.

Микроэлектрод, не повредив клетки, проник внутрь ее и зарегистрировал с помощью сверхчувствительных приборов электрический потенциал между ее поверхностью и внутренним содержанием. Многие ученые в разных лабораториях и разных странах установили, что его величина — несколько сотых вольта. Но «одна из пятнадцати миллиардов» чрезвычайно сложна. Например, вы знаете, что является «источником животного электричества? Положительно и отрицательно заряженные ионы. Их разное количество внутри и снаружи клетки. При ее возбуждении начинается интенсивное передвижение ионов, и электрический потенциал резко усиливается. Отростки-веточки «принимают сигналы», сигнал «бежит» со скоростью 360 километров в час.

Микроэлектрод должен выяснить, как и чем отличается клетка головного мозга от спинного, сетчатки глаза от нервных клеток сердца, а это нелегко. Ведь все пятнадцать миллиардов работают чрезвычайно дружно, как говорится, в тесном контакте. Отросток одной клетки заканчивается «пуговкой», которая касается поверхности следующей.

Ну, а как передаются «сигналы» в месте контакта? Вот по этому поводу ученые еще не достигли единства. Одни считают, что «бегущий» по нерву электронный потенциал возбуждает следующую клетку. Так думают сторонники электрической теории передачи нервного возбуждения. Другие доказывают, что возбудителем является особое химическое вещество, которое выделяется из «пуговки». В 1958 году в электронный микроскоп при увеличении в пятьдесят — сто тысяч раз даже сфотографировали внутри «пуговки» пузырьки, которые лопаются, когда до места контакта доходит «сигнал».

Всем этим сложнейшим вопросам была посвящена недавняя киевская конференция по электрофизиологии нервной системы. Крупный специалист в микроэлектродной технике киевский физиолог П. Г. Костюк сделал интересный доклад об электрофизиологии.

«Ключ» к клетке найден, наступление на ее тайны продолжается!

М. РОСТОВ

Свежая рыба сохраняется годами

На деревянных стеллажах, в стеклянных аквариумах и чанах выставлены образцы мяса морских зверей и рыб — кита, тюленя, белухи, дельфина, акулы, трески, окуня. Они присланы сюда, во Всесоюзный институт животноводства, с Белого, Балтийского и Черного морей. Ведь все это ценный корм для домашнего скота, птиц и пушных зверей.

М. Е. Прахин в своей лаборатории.

У одного из стендов мы встретились с кандидатом химических наук М. Е. Прахиным. Этого ученого приглашают к себе рыбники Литвы, Латвии, Одессы, Калининграда, Архангельска...

Чем же заслужил такое внимание химик Прахин, никогда не занимавшийся рыболовством?

Дело было так: находясь в командировке в Мурманске, Прахин много раз посещал рыбный порт, присутствовал при встрече промысловых судов, возвращавшихся из рейсов. И вот однажды Прахин заметил, как с некоторых судов выбрасывали за борт много рыбы, добытой в длительном и трудном плавании.

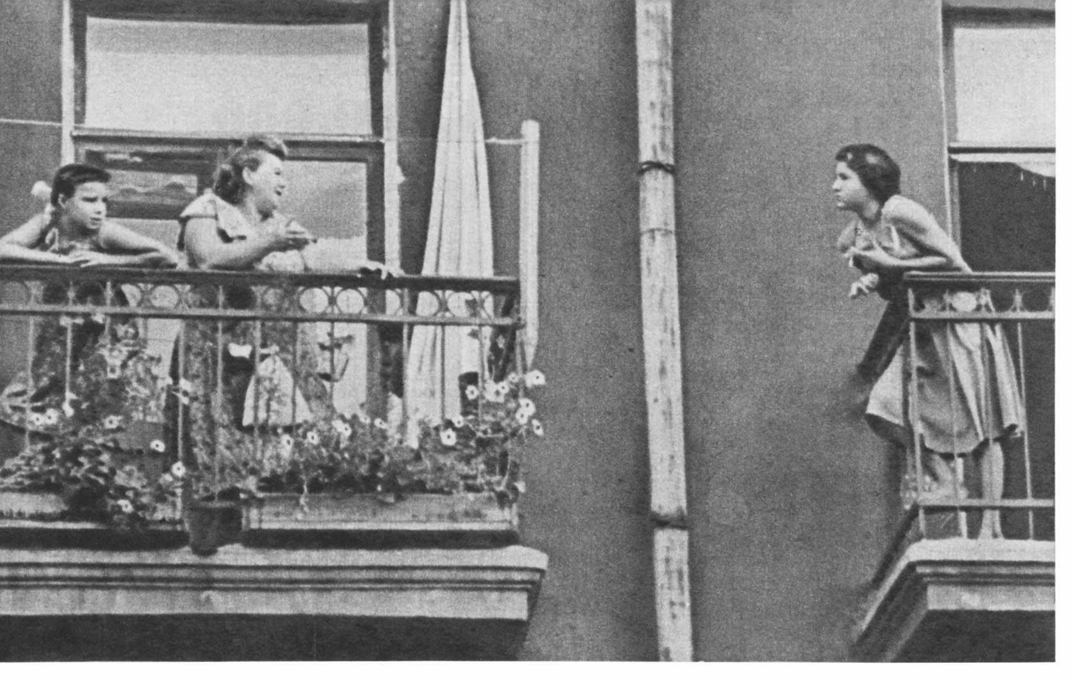
— Испортилась, не уберегли,— огорченно говорили капитаны.

Ученый решил помочь рыбникам. После многочисленных исследований он предложил пиросульфит натрия — сухой консервирующий препарат, с помощью которого можно сохранять свежую рыбу годами.

Действие нового препарата проверялось в лаборатории, в заводских условиях и на кораблях на Балтике, Черном море, на Севере.

Консервированная рыба и мясо морских животных хорошо сохраняют все витаминно-белковые свойства. Предложенный М. Е. Прахиным способ доступен для каждого рыболовецкого судна.

М. ЛЕОНИДОВ

С добрым утром!

И. Лысенко — управдом.

Любопытные.

Валя Елисеева, студентка, очень торопилась в институт.

А это пенсионеры — актив двора.

Весело девчонкам!

И снов
светлы
день

Семейный транспорт токаря Б. Сотникова.

Ни минуты покоя!

а–
й

Римма ЛИХАЧ

Николаев — южный рабочий город... Тут на верфях рождаются большие корабли и отсюда уходят в большие плавания.

Быстро растут новые районы города: Пески, как тут говорят с ударением на «е». Новый водопой. Центральная площадь. Застраивается Юго-Восточный район — говорят, там будут николаевские Лужники. И на Херсонской улице, только что переименованной в проспект имени Ленина, сплошь новые корпуса.

Я зарядила фотоаппарат и пошла по городу. Вот проспект имени Ленина. Вошла в ворота дома № 37. Большой, благоустроенный двор. Бесчисленные окна смотрят на меня. И за каждым — своя жизнь, свои радости и заботы.

Утро. Тихо. Но вот стукнула дверь, на балкон вышла женщина. А с соседнего балкона слышится: «С добрым утром!»

Двор ожил. Из подъездов выходят люди. Впечатление такое, что это одна большая семья расходится на работу.

Выбежали дети и рассыпались по двору. Забилось на веревке белоснежное белье. Хозяйки с полными сумками возвращаются с базара. Кажется, будто они задумали сварить коллективный обед.

День двора идет своим обычным порядком. Бабушки и внуки заняли свои привычные места. Потом двор затих — люди вернулись с работы, обедают. А вечером весь двор снова вместе. Выйдут посидеть пенсионеры, раскроются ворота общего гаража — у автолюбителей наступят «часы отдыха».

Затихнет город. Разойдутся соседи. Погаснут огни.

Промелькнул еще один день. Добрый, трудовой день. Много хороших дел свершилось до вечера. Потому что работают в городе так же дружно, как живут в этом дворе, куда я забрела невзначай.

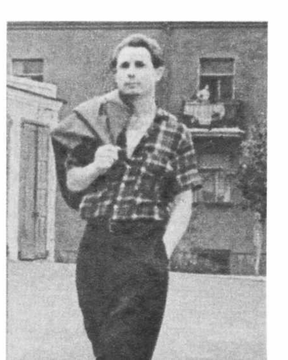
Николаев — южный рабочий город...

Общий домовый гараж.

Считалочка.

Слесарь В. Слесаревский пришел с работы.

Скоро придут мамы.

В БЕСКРАЙНЕМ КРАЕ

Вл. ЛИДИН Рассказ Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

В сквер привезли хорошей парниковой земли, и Валя договорилась с садовником, что он уступит ей немножко. Садовник был седенький, с седой щетинкой, сквозь которую просвечивала глянцевитая кожа загорелых щек; он был большой мастер и сейчас готовил цветочную клумбу-календарь, с тем чтобы каждое утро менять цифру.

Валя пришла, везя детскую колясочку перед собой, и садовник, которого звали Гавриил Алексеевич, хмуро покосился на колясочку.

— Это, милая, уже не щепотка, как ты просила, а на целую клумбу.

— Так я же это не только для себя, а для всех жильцов в нашем флигеле... такой ужасный у нас двор, гараж и еще типография,— сказала Валя торопливо.— Ни одного цветка во дворе... у меня самой детей нет, а у других дети.

Садовник насыпал ей земли в колясочку, пошлепал сверху лопатой, чтобы уровнять, и прибавил еще, так что коляска заскрипела колесами от тяжести.

— Упитанный, должно быть, ребенок-то! — сказал кто-то смешливый, когда Валя вкатывала коляску в глубокий проем ворот.

Двор был действительно такой плохой: гараж и типография, зимой машины стреляли под окнами, а сейчас, летом, пахло разогретым бензином и маслом; в типографии печаталась газета, и тяжелые катушки с бумагой громоздились во всю длину здания, за широкими окнами которого работали типографские машины.

Флигель, где Валя жила с мужем, окнами выходил к гаражу, и даже после дождя лужи перед ним были затянуты радужной пленкой от автола. Муж Вали, Григорий Григорьевич Нефедов, работал шофером на бензовозе. Он был рослый, медно-загоревший, даже волосы на его руках выгорали за лето до белизны; его широкое лицо было всегда суровым, но Валя знала, что он добрый и только представляется обычно чем-то недовольным. Несколько дней назад Валя упросила знакомого плотника сделать из досок разбитой обшивки для кип тесовый заборчик вдоль фасада флигеля.

— Тебе, Валя, не откажешь,—вздохнул плотник,— тебе ни в чем не откажешь. Ты к людям уважительная, как тебе отказать!

Плотник Афанасий Степанович был в то же время и водопроводчиком, и ни одно дело в доме не обходилось без его рук. Он тоже был седой, как садовник, но брови у него были черные, а поседел он на войне. Афанасий Степанович набрал досок от кип, разделал их под штакетник и соорудил настоящий заборчик с калиточкой.

— Вот, Валя, пользуйся,— сказал он, сам довольный своей работой,— сажай цветы. Только твои цветы расти здесь не будут. Их газы погубят.

— Еще как будут расти! Я для них земли хорошей привезу. А потом, я не цветы посажу, а березки.

Валя была тоненькая, складная, как девочка, со светлыми, нежными волосами, поделенными на прямой чистый пробор, и когда она шла рядом со своим большим мужем, со стороны казалось, что это гуляют отец с дочерью. У нее было слабое сердце, и врачи посоветовали годик отдохнуть: в цинкографии, где она работала, пахло кислотами от гальванических ванн. Настоял и муж, чтобы она некоторое время не работала, а занималась домашним хозяйством.

— Знаешь, Гриша, я так пропаду,— сказала Валя уже через неделю, как ушла из цинкографии,—я без работы не могу... я так хуже буду себя чувствовать. Я по дому что-нибудь организую, а то у нас все женщины на работе, а дети одни. У нас помещение прачечной пустует, я там живой уголок организую, все лучше детям, чем под машинами бегать.

Муж посмотрел на нее, на ее худенькое личико с синеватыми жилками на висках. Он иногда действительно чувствовал ее вроде дочки, Нефедов, особенно когда она шла рядом с ним, доверчиво прижимаясь к его плечу. Она была совсем маленькая рядом с ним, и он, скосив глаз, видел ее чистый пробор в свежих, слегка пушистых волосах — она была чистюля, его Валя, мыла голову чуть ли не каждый день, и от нее всегда пахло хорошим мылом. Мыло было ее слабостью, и он обычно покупал ей мыло, а иногда и духи — тоже хорошие, лучше пореже покупать, но хорошие. Он даже научился, покупая, слегка раскачивать стеклянную пробку флакона и сквозь бумажку принюхиваться. Конечно, это немножко смешно, что он, шофер Нефедов, привыкший к запаху бензина и автола, стал разбираться в духах; но ведь Валя стирала его рубахи и даже лоснящиеся от масла, как лакированные, комбинезоны, такие жесткие, словно они были из луба, и он видел не раз, что кожа на кончиках ее пальцев добела сморщилась от стирки, а иногда руки были и стерты.

— Не знаю,— говорил Нефедов, доставая флакон,— продавщица хвалила... «Каменный цветок», вроде ничего.

Валя брала из его рук флакон, отставляла в сторону, не нюхая, и обнимала загорелую шею мужа.

— Что бы ты, Гришенька, ни купил, все для меня хорошо,— говорила она.

Бензовоз, раскаляясь на жарком солнце, всегда немного подтекал, и Нефедов сам чувствовал, входя в комнату, что с ним входит мутный запах бензина, и избегал поздороваться, прежде чем отмоется. Потом они садились за стол, Валя принималась кормить мужа, и тогда Нефедов чувствовал себя не огромным, пропахшим бензином мужчиной, а совсем маленьким, словно Валя была его матерью.

— Я тебе борща еще подолью,— говорила она озабоченно.— Я специально за фасолью на рынок ходила.—И она следила, как он ест, и тревожилась, хорошо ли сготовила.

За обедом она рассказывала новости, они обычно всегда накапливались, хотя день прошел, как всегда, и ничего особенного во дворе не случилось.

— Сегодня Ваня Микушин для живого уголка трех лягушек привез с дачи... поместила в террариум вместе с ящерицей, наверно, уживутся. Вера Васильевна, из третьего номера, обещала до осени снегиря своего отдать... она уезжает в Одессу к матери, а снегирю у нас прекрасно будет. Мы клетку повыше на окошко повесим, чтобы кошки не достали. Теперь у нас семь кроликов, крольчиха расплодилась, детишкам дела досталось: за травой на бульвар ходят, да и в овощном ботвы им дают. Все лучше, чем между машин шмыгать.

— Гришенька,— попросила она раз,— будешь за городом, выбери время — выкопай маленьких березок с десяток, только постарайся, чтобы побольше земли осталось на корнях.

— Это для чего же? — полюбопытствовал Нефедов.

Валя рассказала, что договорилась с плотником Афанасием Степановичем, тот сколотит заборчик, а березки она высадит вдоль фасада. Через годик-другой они поднимутся и отгородят гараж с его запахами.

— Фью! — сказал Нефедов.— Через годик-другой мы с тобой если не целую квартиру, то комнату в новом доме получим. Считай, что последние годы здесь живем... такого плохого двора не скоро найдешь.

Валя помолчала.

— Не все сразу новые квартиры получат,— сказала она.— И здесь люди останутся жить... что же, неужели о себе только думать?

Нефедов ничего не ответил, но, когда поехал на базу за город, выкопал в березовой рощице с десяток маленьких березок, завернул их в мешок, чтобы не обсыпалась с корней земля, и привез в город. Березки по дороге все-таки завяли. Лунки Валя приготовила заранее в привезенной со сквера земле и посадила в них хилые тельца березок. Потом она зашла в гараж, нацедила в ведро воды из крана и носила ведро за ведром, пока в лунках не забулькала и запенилась вода. Валя горстями стала брызгать воду на сникшие листья, тихо вздыхая про себя: муж поторопился, мочки у корней были кое-где оборваны, и так мало надежды, что березки оживут. Проходивший мимо знакомый гравер из цинкографии, длинный, худой Ерофеев, облокотился о заборчик, поглядел на березки и сказал:

— Зряшная работа, Валя. Ничего из этих березок не получится. Ну, может, вырастут немного, а как доберутся корнями до камня, тут им и конец. А внизу камень, фундамент.

— Что же, вы думаете, я так уж без понятия? — отозвалась Валя обиженно.— Я землю раскапывала, прежде чем посадить. Тут чистая земля на целую лопату с ручкой, а сверху парниковая. Зачем вы так говорите, Владимир Андреевич?

— А бензин? Вы думаете, бензин полезен для растений? Ничего тут не вырастет.

Ерофеев ушел, а Валя заплакала. Соседка Вера Васильевна, слышавшая из окна, сказала:

— Для Ерофеева не вырастет, а для тебя вырастет, Валя. Для таких, как ты, вырастет.

— А зачем он так говорит? — сказала Валя, по-детски хлипнув носом.— Он же видит, что я стараюсь... он же сам, Ерофеев, раз пять на день этим двором проходит, неужели ему не хочется, чтобы деревья появились здесь?

Но на другой день Ерофеев вдруг окликнул ее снизу. Валя подошла к окну — во флигельке было всего два этажа, и они с мужем жили на втором этаже.

— Спуститесь,— сказал Ерофеев,— я вам кое-что принес.

Она спустилась вниз. У Ерофеева в руках был большой пакет.

— Это суперфосфат,— сказал он.— Лучший друг растений и ваших березок, между прочим. Разведите, как сказано в инструкции.

Он оставил пакет и ушел. Валя прочитала инструкцию, развела порошок, как было указано, и полила землю. Березки стояли помертвелые, и не чувствовалось, что они останутся жить. Пришли Лихаревы — мальчик и девочка, дети линотипистки; мальчику Вове было семь лет, в будущем году он поступал в школу, а Любе недавно исполнилось четыре года, ножки у нее были совсем кривые от рахита, и линотипистка Екатерина Лихарева страдала за дочь. Валя отвела девочку в консультацию, там прописали рыбий жир, но рыбий жир Люба пила с ревом, и Валя перехитрила ее: она заливала сверху сиропом, давала заесть кусочком черного хлеба, а потом запить ситро. Муж удивлялся, находя бутылку из-под ситро. Валя фруктовую воду не любила, но она убедила его, что полюбила ситро, а потом уж призналась, для чего покупает его.

— Екатерине Петровне, подумай, как трудно одной с детьми, муж ее бросил, бывают же такие на свете... А у девочки рахит. Что же, так ей и расти с кривыми ножками? А с ситро она принимает, только надо сейчас же дать ей хлебом заесть, да чтобы на губах густо сироп остался, тогда она только облизывается.

Нефедов смотрел в окно, на свой плохой двор.

— Мерзавец этот Лихарев,— сказал он только.— Я всегда знал, что он мерзавец.

Валя была уверена, что муж одобрит ее: Екатерине Петровне трудно одной с детьми, муж это понимал; он всегда все понимал, хотя казался строгим и его побаивались. Но она знала его, она так хорошо знала его и любила его такого.

Вера Васильевна уехала наконец в Одессу, и ее снегиря повесили на единственное окно в живом уголке. Лягушки ужились с ящерицей в террариуме, и по лягушкам можно было определить, какая погода будет завтра: если они выбирались из воды и сидели на лесенке — значит, завтра будет хорошее утро. Мальчики-школьники устроили террариум так,

как у них в школе: была вода, была и суша. Лягушки жили в воде, но выходили по временам на сушу, а ящерица жила только на суше, зарывшись наполовину в песок, воду же она ходила пить.

Чудо все-таки случилось: как-то старший механик гаража Чугунов, человек мрачный и неразговорчивый, остановился возле заборчика и долго смотрел на посадки. Валя высунулась наполовину из окна, зная, что Чугунов спроста не остановится.

— Живут,— сказал он вдруг, не поднимая головы.— Живут твои березки.

Больше он ничего не сказал, но для Чугунова и этих слов было много. Валя спустилась вниз, когда он ушел в гараж, и поглядела на свои деревца. Всю ночь шел дождь, погода изменилась, жара спала, и за ночь березки ожили. Их листья были уже не опавшими, а с блеском, словно в них наконец проникли соки, и они мелко шевелились под низовым ветерком.

— Помог все-таки ваш суперфосфат,— сказала Валя проходившему мимо Ерофееву.

Он подошел и тоже посмотрел на деревца.

— Минеральные удобрения,— сказал он.— Чудо двадцатого века. Между прочим, скучно стало без вас в цинкографии, Валя. Когда вы вернетесь?

— Может быть, осенью,— ответила она неуверенно.

— Валентина Нефедова,— произнес Ерофеев вдруг.— Такая фамилия годилась бы для актрисы или женщины-ученого. Софья Ковалевская, Вера Комиссаржевская, Валентина Нефедова.

Валя несмело посмотрела на него: таких фамилий она никогда не слышала.

— Знаменитая женщина-ученый и знаменитая актриса,— пояснил Ерофеев.

— Ну, а я-то при чем?

— А вы знаменитый человек, Валя... вы даже не представляете себе, какую роль на земле играет знаменитый человек.

— Чем же я знаменитый человек? — спросила Валя чуть обиженно, заподозрив насмешку.

— Тем, что вы посадили деревья во дворе, где не было ни одного деревца... Тем, что вы верите в добро, Валя, и других учите верить в добро. Тем, что вы живете в бескрайнем крае, Валя, только сами не знаете об этом,— сказал Ерофеев серьезно.— Честное слово, возвращайтесь поскорее в цинкографию... Я раньше лучше работал, когда вы были рядом.

Он ушел, длинный и нескладный, но все-таки именно Ерофеев достал суперфосфат, значит, он думал о ее труде, и Валя была благодарна ему за это.

— Знаешь,— сказала она мужу, когда он вернулся и она сидела за столом напротив него, наблюдая, чтобы он ел хорошо и много,— я сегодня подумала, что, если мы даже получим через год-другой квартиру или комнату в новом доме, я все равно буду приходить сюда. Березки уже принялись, теперь они пойдут, а защитников у них много, весь наш флигель и все дети со двора тоже. Вот я приду и посмотрю: может быть, березки уже до наших бывших окон во втором этаже дотянутся... Все-таки мы с тобой жили здесь, и столько хорошего было здесь у нас с тобой, Гришенька. А потом я все-таки вернусь работать в цинкографию, вот и Ерофеев зовет, да и не могу я без работы. Ты ведь это должен понять... Ты целый день на своем бензовозе, и я всегда беспокоюсь за тебя.

— Чего же ты беспокоишься?— спросил муж снисходительно.

— А «огнеопасно»? Думаешь, это не беспокоит?

— Я осторожно, рядом не курю и другим не позволяю.

Но на строгом лице Нефедова появилось что-то виноватое, нечто такое нежное, что в эту минуту никто не подумал бы о нем, как о суровом человеке. Она положила ему руку на плечо. От руки свежо пахло мылом—она была чистюлей, его Валя,— но, конечно, ему никогда не пришло бы в голову сравнивать ее со знаменитой женщиной-ученым или с актрисой, как это делал Ерофеев; он просто любил ее трудной мужской любовью, она была его жизнью со своими заботами о снегире Веры Васильевны, о дочке Екатерины Лихаревой — Любе с ее кривыми от рахита ножками, о лягушках, которые ужились с ящерицей в террариуме,— она была его жизнью, Валя, и где и как он нашел ее? Она была его жизнью и дочерью, когда он шел рядом с ней, и матерью, когда она следила, как он ест,— Ерофеев, наверно, придумал бы еще какие-нибудь сравнения, но он, шофер Нефедов, ничего не мог придумать, да и ни к чему это.

— Ладно,— согласился он.— Придем смотреть на твои березки, я их выкопал плохо, сознаюсь... Торопился и просто повыдергал. А ты их выходила. Родить — нехитрое дело, а вот вырастить потруднее.

Валя промолчала, детей у них не было, но ни он, ни она никогда не говорили об этом друг другу... но для материнского сердца мир велик, если сажаешь деревья не только для того, чтобы они шумели под твоим окном.

— А знаешь,— сказала она оживленно,— сегодня было просто чудо... Чугунов заговорил, я никогда и не слыхала его голоса. Он говорит с кем-нибудь когда-либо?

— Говорит,— засмеялся Нефедов.— Говорит: «Действуй!» или «Всё». Больше слов он не знает.

— Нет, знает, — сказала Валя убежденно. — Наверно, люди сами виноваты, что он мало говорит. Наверно, с ним никто и не поговорил ни разу как следует. Он на наши деревца смотрел, и лицо у него было такое доброе.

После обеда Нефедов лег спать, а Валя прошла в кухоньку и осторожно, чтобы не разбудить его шумом воды из крана и плеском в корыте, принялась стирать его засолоневшую от пота рубаху. Она стирала, по временам откидывая сгибом локтя прядку волос со лба, в рубахе были труд и пот мужа, он работал на своем бензовозе, а она бросила цинкографию, но прошло уже пять месяцев, и она достаточно отдохнула.

Когда она вешала рубаху во дворе, Ерофеев шел с работы.

— Владимир Андреевич,— позвала его Валя.

Он подошел и сразу заслонил собой свет вечера.

— Как, Владимир Андреевич,— спросила она,— если бы я вернулась в цинкографию, нашлось бы сейчас место для меня?

— Что за вопрос, Валентина Нефедова!— сказал он.— Что за вопрос! Я готов расстелиться по двору, чтобы вы прошли по мне до входа в цинкографию.

— А то, знаете, как-то очень трудно без работы, как-то словно зря живешь. Я мужу пока говорить ничего не стану, а как устроюсь, скажу... Он, может, и посердится, но поймет, он всегда понимает меня.

— Он не все понимает,— сказал Ерофеев не то печально, не то осуждающе.— Он не понимает, например, что вы знаменитая женщина, не хуже Софьи Ковалевской.

— Опять вы за свое!—отозвалась Валя недовольно.— Лучше скажите, кто у нас теперь ретушером работает, ведь Галя Семенова ушла.

Ерофеев рассказал, кто работает сейчас ретушером вместо Гали Семеновой, которая вышла замуж и уехала с мужем в Новосибирск. Они поговорили еще о делах цинкографии, и Ерофеев ушел. Рубашка стала уже просыхать, от нее пахло мылом, свежестью выстиранной ткани и еще чуть-чуть солоновато, наполняя нежностью к мужу с его трудом и поездками на огнедышащем чудище с надписью по всему его округлому телу «огнеопасно».

— Валечка,— окликнула ее Екатерина Лихарева,— миленькая, приглядите за Любкой. Я только в булочную за хлебом сбегаю. Я быстро.

Она подвела Любку, и та стала рядом на своих кривых ножках.

— Я рыбий жир пить не буду,— сказала она низким голосом.

— И не пей,— одобрила Валя.— И не пей. Лучше мы с тобой ложечку сиропа полижем и ситро запьем. Ничего нет на свете вкуснее ситро.

Она взяла Любку за руку и повела за собой, перекинув через плечо сыроватую рубаху мужа.

— Только тихо,— сказала она на ходу.— Пей так, чтобы не булькало в горле.

Она привела девочку в дом, достала бутылку ситро и расстелила рубаху на столе; электрический утюг скоро нагрелся, и можно было начать гладить.

А. ДЕЙНЕКА

Искусству нашему расти и расти

Заметки художника

Начинать с творчества молодых очень заманчиво и в то же время проблематично, но молодость есть молодость, а значит, у нее все преимущества. Она пытлива, расточительна на эксперименты. Ей каждый день несет новые познания, новые открытия. Было бы смешно, если бы ученик несколько лет решал одну и ту же задачу. Для него каждый урок — плод для новых размышлений, практического накопления опыта. Нельзя предположить, что растущий молодой художник будет из года в год повторять одно и то же.

Академическая условность в композиционных канонах живописи — все, на чем стоял по-своему прекрасный педагог Чистяков, было отвергнуто его учениками сейчас же по выходе из стен академии. Стоит посмотреть на портреты Брюллова, Бруни, Зарянко, самого Чистякова и сравнить их с работами Репина, Сурикова, Серова, чтобы понять, как изменился за тридцать лет не только колорит, но и самый дух портретного искусства. Сравните Щедрина с А. Ивановым, Поленова и Васильева — с Левитаном, и вы поймете, как беспрерывные поиски образа меняют живописный язык. Суриков буквально на другой день по окончании академии забыл все наставления по творческим законам и тематическим программам. Почти невозможно было по школьным вещам представить себе, во что выльется творческая индивидуальность Виктора Васнецова, автора «Аленушки» и «Богатырей». А Врубель и Серов — сколько поисков и срывов! У ремесленничества же поисков нет, работа идет по заученным шаблонам.

Каждый период в искусстве находит свои эстетические нормы, свое понятие красоты. Вот почему мы ревниво оберегаем все прогрессивное в жизни и искусстве. Даже исторические сюжеты подлежат нашему пластическому толкованию. Александр Иванов искал идеалы красоты в пропорциях антики и так называемого классицизма. Репин находил красоту в окружающей его жизни. А самые «мастеровитые» художники с блестящей техникой, не отвечающие на запросы своего времени, быстро забывались.

Талант всегда связан со своим временем. Трудно представить себе, чтобы после Моне появилась новая школа барбизонцев.

Всякое изображение условно, даже фотография, хотя бы потому, что она черная. Условность в живописи начинается с представления трехмерного пространства на плоскости холста. Условен низкий рельеф в скульптуре. Мы можем забыть, что бронзовый Пушкин совсем иной, чем выполненный в мраморе. Человек, как зритель, видит разумнее, чем все начетчики реального. Такие условности — просто свойство изобразительного искусства и ничуть не противоречат реальному смыслу изображения.

В наше время существует изумительное слово — «новаторство». Во всем прогрессивном, искрением, ищущем мы видим корни этого понятия. Новаторство придает новый, более глубокий смысл трудовым процессам — будь это на заводе, на полях, в лабораториях ученых. И всегда новаторство меняет видимый облик окружающей действительности. Нельзя делать электровоз по экстерьеру даже самого первоклассного паровоза, а автомобиль — по расчетам коляски; хотя на заре автомобилестроения это так и было. Но дело не только в том, что меняется лицо земли. Меняется и наше отношение к миру. Дороги и в Америке хорошие, но зачем они безработному? Наше новаторство вытекает из социальной природы нашего общества. Вот почему художник должен особенно глубоко присматриваться ко всем новым явлениям, находить в них пластику, живописную красоту, формы, раскрывающие духовный мир советского человека. И это тоже будет новаторством в искусстве.

Новаторство надо уметь видеть, глубоко чувствовать. Здесь лежит основа бесконечного **образного** расширения понятия реального. Права молодежь — да и не только молодежь, — когда ее искренняя революционность и вера в дела отцов заставляют писать картину на глубоком дыхании, писать в повышенной красочной гамме. Показывать плечи труженика шире, чем они есть, петь во весь голос, любить до восторга. Нашему искусству нужны большие страсти. Молодежь должна быть смелой, упорной, боевой, обнимающей друзей так, чтобы кости хрустели, чтобы дух захватывало от размаха дел советского народа...

Настоящее, большое произведение всегда неповторимо по форме и демократично, доходчиво по содержанию. С разными задачами идут художники в искусство. Многогранно советское искусство, как многогранна советская жизнь. Зритель остановится и перед красотой русского раздольного пейзажа и перед цветовой россыпью полевых цветов; он глубоко взволнуется героизмом советских бойцов в Отечественной войне и созидательным пафосом строителей новых мирных городов. Но он без восторга, хозяйским глазом заметит мелкотемье картин и с досадой отметит картины, давно виденные, в новых повторениях.

Искусство создается и воспринимается по-разному и по разным причинам. С разными чувствами зарождаются настольная фарфоровая статуэтка и величественный монумент. Мы иногда слышим от художника, как тяжело было ему писать картину. Другой, наоборот, как П. Кончаловский, видел в творчестве радость, полноту жизни, счастье труда. Я отношу эти свойства и к характерам художников и к цели их труда. Вероятно, «Траурный марш» приносил Шопену тяжелые переживания. Но «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса рождались любовью к жизни, полнокровным и радостным преклонением перед прекрасной природой... Большое произведение по-разному затрагивает человеческие чувства, давая каждому пережить личное и общественное.

Проходит время. Но оно, как живое, вновь и вновь дает радость творчества все новым и новым поколениям.

Часто говорят: «Мне эта картина непонятна». Я думаю, что применяется не тот термин. Что значит непонятна? Понять, разобраться в любой картине можно, но нужна ли она, не равнодушны ли вы к ней — вот в чем дело. Однако бывает и так, что человек **привык** по ряду причин считать одно красивым, а другое некрасивым, и тут стоит поговорить всерьез.

На наших рынках мы видим еще сотни украшательских вещей: вазы, коврики, всякие копилки и пепельницы пошлейшего свойства. Тем не менее они имеют спрос как «красивое». Не виноваты ли художники, когда они пишут цветы в таких вазах и прививают скверный вкус ко всякой роскошной рухляди? Мы до сих пор считаем — правда, только на картинах — красивыми полуразвалившиеся избы, грязные дороги, купеческую мебель, старые люстры. В наших вузах студенты рисуют бородатых мужиков и медные самовары... Говоря откровенно, только во времена старой академии бородатый натурщик был необходим для всяких икон с апостолами или исторических картин допетровской Руси.

Почему же все это у нас еще бытует как живописная красота, как эстетическая мерка?!.

Не надо пристрастно путать смысл слов «схема жизни» и «обобщение», которые иногда прилагают к тем или иным картинам. Обобщение — значит выявление, подчеркивание главного. Обобщал Микеланджело, когда одним деревом давал представление о величии пейзажа, обобщал Рублев, когда отбрасывал всю окружающую бытовщину, чтобы подчеркнуть величие человеческого образа. Простоте старинной новгородской архитектуры соответствовали простые и величественные фрески Феофана Грека. Простоту планировки больших архитектурных планов, величавый аскетизм скульптурного декора мы видим в провиантских складах на Крымской площади архитектора В. Стасова. Но меня сочли бы сумасшедшим, если бы я предложил эту архитектуру при сооружении современных элеваторов на больших железнодорожных артериях страны. Они для нас прекрасны и целью и формой в самом современном значении этих слов. А еще и сейчас мы видим современные клубы, построенные в стиле дворянского ампира.

Таких «сковывающих канонов», как говорят искусствоведы, еще очень много в практике не только архитектора, но и живописца. Современной архитектуре пришлось многое пересмотреть, чтобы наконец отказаться от колоннад и капителей. Простота вкуса и технические устремления современной архитектуры создают ансамбли социалистических городов. Живопись в аляповатых рамах не может уживаться с простыми светлыми залами общественных мест и квартир, так же как монументы на площадях, носящих имена героев нашего народа, не могут украшаться «причесанными» скульптурами, сооружаемыми по стилевым эталонам второй половины девятнадцатого века.

Советское искусство отличается самым положительным свойством — оптимизмом, желанием видеть самое лучшее, самое красивое в нашей жизни, в жизни каждого советского человека. Мне кажется, из этого вытекает и другое качество нашего отношения к искусству — терпимость к индивидуальным особенностям творчества того или иного художника. Терпимость необходима и к возможным ошибкам художника в поисках прекрасного. Но... «Но» заключается в том, чтобы ошибки не стали обычной формой работы, когда они как бы заранее предрешены сущностью работы, переходящей в формалистический нигилизм. Поиски без учета тради-

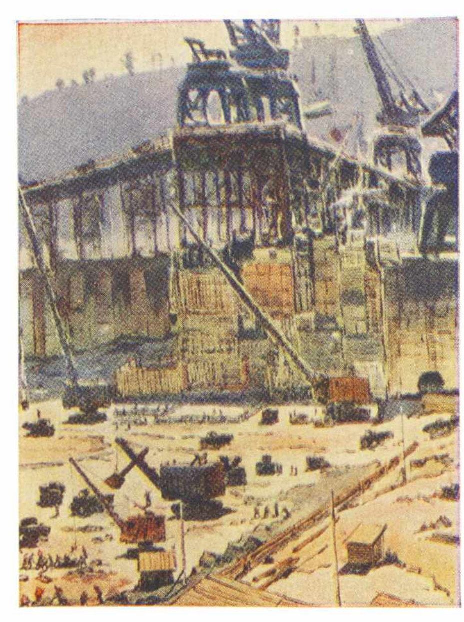
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Б. Корнеев. ОСВОЕНИЕ СЕВЕРА.

А. Ткачев и С. Ткачев.
ДЕТВОРА.

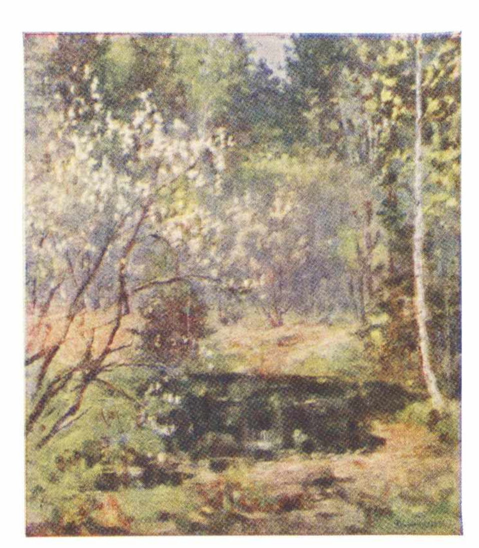
В. Артамонов.
НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ.

С. Куприянов.
СТРОИТЕЛЬСТВО ГЭС.

В. Игошев.
МОЛОДОЙ ОХОТНИК.

И. Сошников.
МАЙ (из серии «Пейзаж моей родины»).

С. Чуйков.
МИРНЫЕ БУДНИ. (Картина из триптиха «О простых людях Индии»).

Е. Голихин.
ХЛЕБ. 1929 год.

Н. Ромадин.
ОЛЬХА.

ций, опыта искусства прошлого, без ясной цели не приведут к новому и доброму.

Мне молодежь часто задает вопрос: как я отношусь к Пикассо и абстрактному искусству? Мне думается, если искусство абстракционистов непонятно, а еще важнее, чуждо людям, то на кой черт такое искусство! Вместо прекрасной человеческой речи нам предлагают нечленораздельное мычание! Вместо великолепного мастерства, когда можно сказать, что «Человек — это звучит гордо», картины мажут пятками, закрывши глаза. Есть что-то тревожное и тягостное в патологическом искусстве сюрреалистов, во всех изображениях человека расфасованного, разлагающегося, с признаками патологии. Абстрактному искусству чужды простые человеческие чувства: смотреть, слушать, осязать, любить, восторгаться, ненавидеть. «Деятельность» абстракционистов не имеет ни прошлого, ни будущего. Поэтому всегда настораживаешься, когда слышишь, как смакуют картины шизофреника...

Пикассо всегда поднимает бурю протестов у зрителей, идущих на выставку смотреть что-то знакомое и приятное. Но я понимаю, что его творчество рождается в Париже, что он подает мир как нечто некрасивое. Мне кажется, что он своими вещами, как и его зрители, отрицает многое из того, что видит вокруг. Но это большой художник, блестящий живописец, и его надо принимать таким, какой он есть. Вокруг его искусства давно уже идут споры. В последних же его вещах я не вижу ничего позитивного для человека.

Нездоровое любопытство возникает и перед картинами крайне «правого» толка. А ведь здесь, кроме голого техницизма и передачи оболочки вещей, тоже ничего нет. Эти картины наводят скуку...

Социалистический реализм, как метод нашего искусства, дает широчайший простор индивидуальности каждого художника, его вкусам, характеру, манере, работе в кругу любимых тем. Но социалистический реализм, а значит, наше советское общество, обязывает художников создавать картины и скульптуры, которые завязывают со зрителем большой разговор. Но и этого мало. Искусство должно раскрывать красоту нашего общества, вызывать в нем то, что делает его внутренне еще богаче либо же рождает законный гнев на фальшивое, уродливое и просто скверное, что встречается в нашей жизни.

Страна строит десятки новых городов, миллионы новых домов. Здесь уместно задать нам, художникам, вопрос: что же мы делаем для их украшения?

Нет, я не забываю огромный труд художников-прикладников, создающих тысячи все более и более красивых вещей. Этот вид искусства на подъеме. Но им мало занимаются, медленно внедряют в производство. Умные инженеры создали и создают хорошие машины, чтобы одеть людей красивее и добротнее. Но и форму и цвет, орнамент и фактуру вязки в трикотаже, например, в нейлоновой шубе, создает художник. И уже сейчас есть беспокойство за разрыв, который наметился между инженером и художником. Последних мало. Обучают их неверно. Машину они знают понаслышке. Вот почему у прикладников мы видим качественные вещи лишь в единичных экземплярах, сделанных, так сказать, ручным способом. Наша забота, чтобы этих вещей было много. Значит, надо их уметь «заправить» в машину. Значит, художник обязан уметь проделать все расчеты, технические и творческие. Здесь то же, что и в архитектуре: надо сделать хороший проект, найти убедительную форму, донести доходчивее мысль.

Наше градостроительство обслуживается самыми передовыми материалами и машинами, но недальновидные проектировщики, глядишь, дом поставили близко к автостраде и забыли о полосе озеленения. Закройщик портит отличный трикотаж. Наши пузатые гардеробы — результат «указания» некоторых начальников-мещан со вкусом своих бабушек, тех бабушек, которым шили платья за 20 рублей, а прикладу поставляли на 100. Наша страна огромна, у нее разный климат, природные богатства, а учитываем ли мы это в нашем декоративном искусстве? Не может художник, живя в Ленинграде, глубоко знать, передать думы, чувства, заботы казаха. Поэтому в его произведении мы увидим общий, схематичный план с трафаретными пустотами. Произведение будет лишено главного — сердечного очарования, самого ценного в искусстве.

Все эти размышления приходили мне в голову, когда я бродил много раз по обширным залам Центрального выставочного дворца в Манеже на выставке «Советская Россия». Многое, что родилось в нашей стране, прекрасно отражено выставкой. Свежим ветром, могучей удалью веет от больших тем в произведениях художников. Очень многих из них можно поздравить с удачами, большими и малыми находками, а зрителей — с новыми талантливыми именами.

Во вводном импозантном зале выставки мы видели ряд панно и мозаик монументального порядка. Кажется, впервые на наших больших выставках достойно был представлен этот вид искусства. Огромное панно Мыльникова и Королева «Строители коммунизма», правда, в известном смысле спорно, потому что в нем символика спорит с реальностью. Трудно до конца смотреть его как флорентийскую мозаику: масляная живопись только имитирует ее и, конечно, далеко не во всю силу. Хорош величественный эталон — фрагмент будущей мозаики для какого-либо большого сооружения нашей семилетки художников Михеева и Нестерова, названный «Россия». Настоящий декоративизм отнюдь не противоречит реализму в мозаике Скрипкова и Мерперта.

Можно было часами, днями обозревать выставку и находить все новое и интересное. Конечно, в первую очередь бросались в поле зрения большие картины и скульптуры. Но большие по размерам вещи носили иногда печать этюдизма. Много пустот, которые заполнены бездумными, неиграющими атрибутами: платки на стульях, лишние безликие фигуры с подчеркнуто фальшивыми жестами. Порою досадно никчемный сюжет занимает не по заслугам почетное место. Много повторений. И тревожно, когда картина молодого художника на современную, боевую тему смотрится, как старый список. Но вот неожиданно открываешь новые картины, скульптуру, графику, и от них веет настоящим, человеческим отношением к увиденному, здоровым мужеством, покоем бескрайних просторов нашей Родины, романтикой освоения целинных земель, суровостью Севера и зноем Юга. Очень трогательна «Северная деревня» Н. Ломакина — серебристая, чистая, с налетом светлой грусти. Суровы, величественны «Бойцы Сталинграда» Гландина, написанные с истинным волнением. Много новых имен, может быть, впервые набранных печатным шрифтом, радует потому, что от них получили люди много хорошего.

На выставке можно было отметить отрадное явление. Уже известные художники во имя жизненной правды начали ломать свои амплуа, искать новые решения, как, скажем, это делают Гаврилов, Шевандронова. Хороши «Освоение Севера» Корнеева, «Гости» Богаевской. Насколько же эта вещь чище, проблемней, чем объедаловка Китаева, вся замешанная на неприятной физиологии!

В целом ряде работ на выставке чувствовалось глубокое дыхание наших дней, величие дел. Мы это видим и в картине Козлова «Доярки», у Смолиных в триптихе «Колхозницы Дагестана», у Кривицкого в «Первом рабфаке».

Ткачевы прекрасно, на хорошей живописной основе создали глубоко правдивую картину «Между боями». Мужественны рыбаки Кудинова «В море». Труфановский черно-белый «Шахтер» мне бы понравился целиком за размах, за хорошую позу, за своеобразную величавость жеста, если бы не висящий рядом портрет женщины в фиолетовой блузке. Здесь налет ненужного шика в живописи и пустота характера, слишком приблизительного, чтобы увидеть в нем духовную сущность человека. Еще раз присмотревшись к «Шахтеру», я и в нем заметил назойливую хлесткость и этюдизм.

Коржевский рабочий «Поднимающий знамя» перерастает в монументальный образ, достойный украсить большую архитектуру. Но вот его картина «Влюбленные», наоборот, выглядит, как мне кажется, громоздкой по размеру и недосказанной по смыслу.

Мы за традиции великого русского искусства. В лице Мочальского, в его серии картин, написанных на целине, мы заметим влияние Рябушкина. Заветы Рылова без труда можно увидеть в пейзажах Нисского. Но в то же время какие они разные по духу и времени! А многие поняли традицию как простое подражание художникам прошлого. Талант Стожарова на службе подражания Петровичеву. Иные ученически копируют Коровина, другие Бродского. Это не столбовая дорога современного нашего искусства!

На выставке представлена серия вещей Кукрыниксов «О дряни». Я напомню из серии карикатур такие вещи, как «С «малым» велик, с «великим» мал», «Пустое место», «Вирус квартирус». Человек в образе стула всем понятен. И как же он обличающе язвителен! Эти рисунки понятны для любого зрителя. Художники нашли образную форму обличения. Вот почему рисунки так доходчивы. И вот почему сюрреализм на Западе, в лице хотя бы Сальвадора Дали, так безнадежно никчемен и вреден. У него искажение реального предмета не несет в себе смысла общественной проблемы, а скорее выражает отношение опустошенного художника к себе и миру, его окружающему.

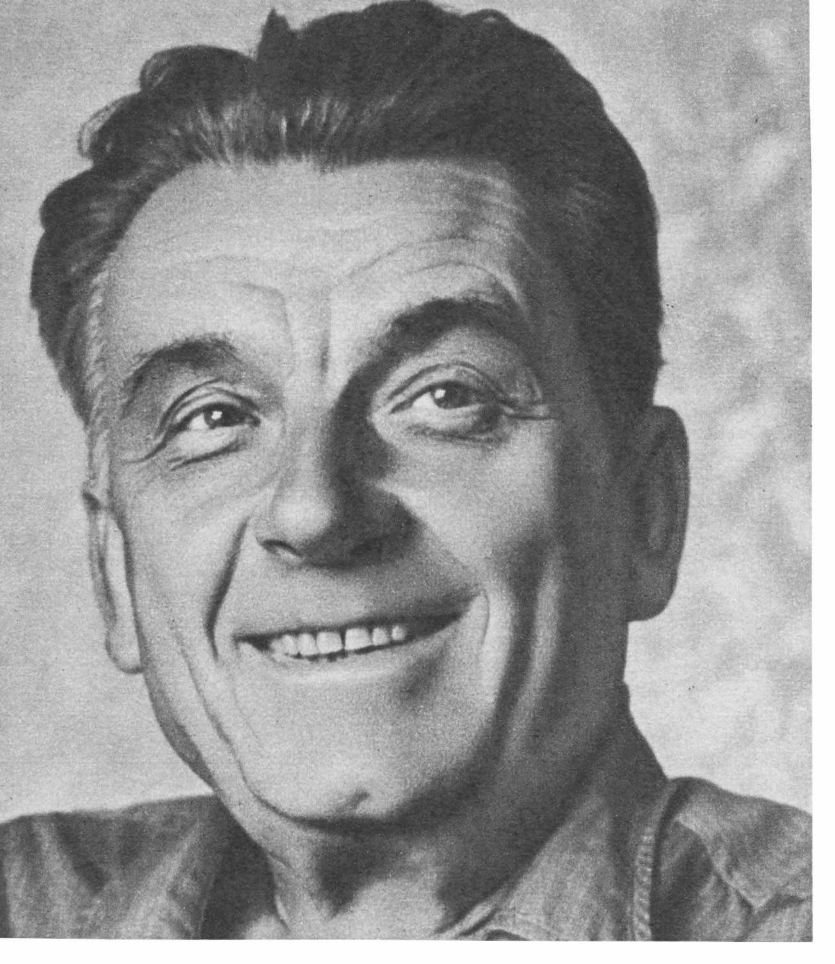
На выставке представлена блестящая серия работ Пророкова. Плакатные, врезающиеся в память картины клеймят позором империалистов. Поданные в черно-белой обостренной трактовке, они надолго запоминаются. Прекрасна серия иллюстраций Дубинского к «Поединку» Куприна. Цигаль своим Дагестаном вводит нас в интереснейший мир смелыми композиционными приемами, цветовой локальностью, подчеркнутой декоративностью своих листов.

В скульптуре молодежь не жалеет времени на наблюдения, на поиски выразительной пластики, на затрату сил. Мы видим и чеканную медь, и гранит, и керамику, и дерево, и бронзу. Слабее выглядят вещи в мраморе. Причина тому ясна. Мраморщики-подмастерья начисто обрубают трепет талантливой руки, «приблизительно» трактуют пластику. Это особенно заметно в больших, трудоемких вещах, когда с гипсовой модели их переводят в мрамор.

Запомнилась своим занимательным декоративизмом хорошего вкуса двухфигурная композиция Нероды. Суровой пластикой веет от чеканной вещи Шаховского. Настоящий ход к большой форме с удовольствием можно видеть в «Строительнице» Кремневой, овеянной величавой скромностью. Привлекательна, жизненна вещица Мурашева «Петька Спичкин». А сколько задора, потехи в красивом фарфоре Страхова «Чья возьмет»! Великолепен ефимовский кованый «Козел». Можно еще и еще говорить про художников, хороших и разных. Но статья не каталог — у нее иные задачи. И, подводя итоги виденному, хочется повторить вновь и вновь: жаль, что многие художники все еще идеализируют кустарщину, которую с успехом выкорчевывает народ. Жаль, что художники обходят современную технику, жаль, что они не в дружбе с наукой, мало мечтают о завтрашнем...

Архитектор, инженер, рабочий, простая труженица-мать, ученик-подросток—каждый по-своему думает о завтрашнем. А вот живописцы больше любят вспоминать. Их тянет к повторению вчерашних «новостей». В этом, может быть, и кроется причина ряда серьезных неудач в основной задаче нашего искусства — поисках образа современника. На выставке мало запомнилось хороших портретов: живописные приемы не отвечают духовной сущности нашего современника, а, наоборот, искажают эту сущность. Сказывается и малое знание человека. Поэтому в портрете больше общих мест, чем в других жанрах.

Значит — как ни прост этот вывод, надо с ним согласиться,— необходимо изучение жизни, людей, окружающего. Изучение не формальное, но творческое. В нем залог дальнейшего роста нашего искусства.

АДМИРАЛ ВОЮЕТ НА СУШЕ

Эминэ **АБДУЛЛИНА**

Даниил Андреевич Туз.

Фото Галины САНЬКО.

Поселок Краснолесье. Машина остановилась, и я с восхищением оглянулась. Тенистые шатры необыкновенно высоких кленов. Липы-великаны. Каштаны. Воздух чуть влажный: сказывается близость Балтики. Первые наши переселенцы отметили прелесть природы этой самой крайней области Российской Федерации на западном рубеже—поселки носят здесь красивые поэтические названия: Краснолесье, Дивное, Отрадное...

И вдруг среди всей этой красоты — лужа. Большая и, прямо скажем, не очень живописная. А рядом обшарпанное крыльцо давно не ремонтированного здания конторы. Пожелтевший макет стенгазеты рядом с пустующей доской показателей. Неужели это тот самый хваленый совхоз «Янтарный», где директором работает контр-адмирал запаса Даниил Андреевич Туз?

Часом позже я увидела его: сильно загоревший мужчина в светлой куртке из водоотталкивающей ткани. Шел он твердым шагом военного человека, правда, чуть сгорбившись, но это уж манера людей высокого роста. Куда девалась его неполная шестидесятилетка?

Познакомились. Адмирал суховато сдержан. Чувствуется, чем-то обеспокоен, встревожен, на что-то досадует, но старается скрыть свое настроение.

В чем дело? Что случилось? Парторг Иван Кириллович Мефодьев доверительно сообщил мне:

— Адмирала одолели корреспонденты. Написали такое... Много преувеличений, надуманного, ненужных восторгов.

Может, действительно, не стоило чрезмерно восторгаться? Еще не совершено ничего такого, о чем можно говорить серьезно. Назначен в убыточный совхоз, работает всего несколько месяцев. Хозяйство принял в тревожно-беспокойные дни весеннего сева. И сразу началась ожесточенная борьба. Идет она по сей день. Понадобятся, пожалуй, два, а то и три года...

Позже адмирал говорил:

— Поставил перед собой задачу создать через два года образцовое хозяйство. Но не надо изображать меня чудаком, который умоляет: «Дайте мне самое захудалое, самое паршивое хозяйство!» Пошел туда, куда послали.

Я понимаю его. В самом деле, какой директор предприятия не мечтает спокойно разрабатывать важные, интересные проблемы перспективного развития хозяйства, смело заглядывать в заманчивые дали! А тут пока приходится только выкручиваться. Все запущено. В последние три-четыре года к совхозу присоединилось множество мелких соседних хозяйств. Поголовье скота увеличилось, а кормовая база слабая. Туго с жильем.

Конечно, можно понять корреспондентов. Приезжают потому, что интересно. Работает в совхозе контр-адмирал. Как он действует на суше, если учесть, что тридцать с лишним лет его жизни отдано флоту? Но директору пока не до корреспондентов. У него трудности. Некогда передохнуть.

А тут анекдоты! Один из корреспондентов в своем очерке привез директора в совхоз в адмиральском мундире, вывел на прогулку к морю, заставил кланяться ему... Что за беззастенчивое сочинительство! Да ведь он со дня приезда не был у моря. Хозяйка квартиры кормит его обедом иной раз в час ночи.

* * *

Крупный дождь робкой дробью застучал по брезентовому верху старенького вездехода, а потом сашумно зачастил ливень.

— Все! Все идет кувырком!

В голосе у директора не было даже отчаяния: настолько все казалось безнадежно-скверным. Происшествие за происшествием. Катастрофа за катастрофой.

На маслозаводе с трудом приняли молоко: слишком высока кислотность.

— Невозможно подойти к сепаратору,— тихо пожаловалась женщина в белом халате, встретив Даниила Андреевича на заводе.— Такой кислый запах... Это же на сливках отражается!

Самое неприятное произошло в Тихореченском поселке. Директор встретил подвыпившего тракториста Котенко. Ох, Котенко, Котенко! Как же это он, а?

День субботний, солнечный. Каждый волен распоряжаться своим досугом. Но сегодня имел право гулять кто угодно, только не Котенко. Он должен был опрыскивать поле химикатами. Сегодня солнечный день, а Котенко в кукурузном звене!

Едва адмирал пришел в совхоз, как принял все меры, чтобы возвести культуру кукурузы в высокий сан королевы полей. Площадь посева увеличили в пять раз. Создали специальное механизированное звено из четырех трактористов, почти вдвое повысили им заработок.

И, как на грех, дожди! Первый месяц лета опрокинул все расчеты. Полетел план химической прополки. Как можно опрыскивать сорняки раствором, если его тотчас смоет дождь! Ядовито-желтой скатертью раскинулась сурепка, зловеще поползли осот и пырей. А у королевы был весьма жалкий вид.

Но солнце, видно, не окончательно потеряло совесть: выглянуло. Пропололи поля химикатом трактористы Калугин и Лобанов. Торопились: надо было ловить каждый погожий день и даже час для химической прополки. И только Котенко прозевал, потерял прекрасный долгожданный солнечный день. А вдруг завтра пойдет дождь?..

Котенко, увидев директора, самого главного шефа кукурузы, начал трезветь на глазах. Растерянно улыбаясь, шагнул неверной походкой навстречу Даниилу Андреевичу, хотел было заговорить с ним, но директор отвернулся, молча махнул рукой, поспешно отошел.

А теперь этот ливень! Да, здесь можно потерять самообладание...

Если трудно добиться быстрого и большого успеха на войне, то в сельском хозяйстве и вовсе невозможно. Здесь свои непреложные законы. Упустил, например, сегодня в хозяйстве что-то важное или ошибся, то считай — потерял завтрашний успех. Кайся, бейся, как говорится, головой о стену — не поможет. А посему действуй сегодня, если хочешь победить завтра. И в стиле работы нового директора людям нравится то, что он учит ловить минуту:

— Давайте эту скирду закончим сегодня...

— Давайте сегодня поговорим с этим человеком и сразу решим вопрос...

* * *

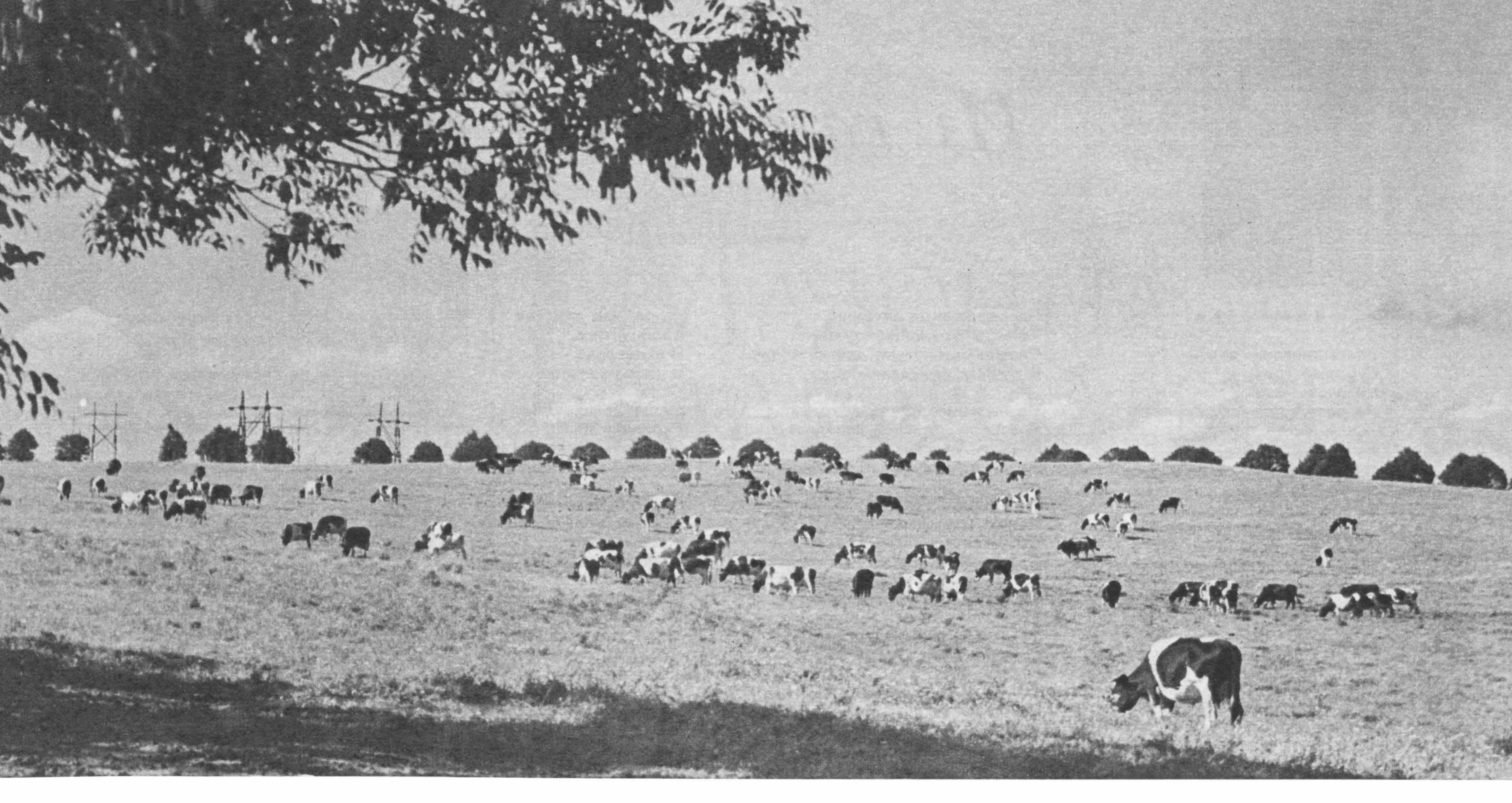
«Меня мое сердце в тревожную даль зовет...»

Значит, и у него получилось так, как поется в песне. Да, он мечтал об этой работе. Да, ему понадобилось это директорство, потому что загорелся желанием создать образцовое хозяйство. Не просто рентабельное, а высокодоходное.

Ему предстоял заслуженный, хорошо обеспеченный отдых. В жизни у него все, как у людей. Он моряк и странностями не страдает. Все на месте, крепкая семья, дети...

Вообще-то говоря, всласть отдыхалось в первые дни после увольнения из флота. Целые дни беспечно распевал с братом родные украинские песни, поэтичнее которых нет, кажется, на земле. А приехал в Москву — и затосковал. Значит, не мог. Значит, не утерпел. Значит, много сил в запасе.

И агрономические знания тоже были в запасе. Еще до морской службы закончил он Уманский сельскохозяйственный техникум, поработал агрономом. С тех пор много воды утекло. Но контр-адмирал был в курсе того, что происходило сегодня в деревне. Через трудные годы войны пронес он любовь к земле. Значит, юношеские планы, мечты тлели в течение десятилетий, если так вспыхнули, разгорелись с такой силой,

что заставили написать заявление с просьбой...

Знал, что будет трудно. Но пришел-то он сюда не из пустыни. В течение десятилетий управлял большой армией людей, вершил вместе с ними в отчаянно трудных условиях замечательные дела. В дни Великой Отечественной войны они иной раз ставились в пример всем флотам страны. Орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Нахимова — всего четырнадцать наград получены за боевые заслуги. Но там, на флоте, с ним были его многочисленные помощники, был адъютант-секретарь, умевший координировать действия, держать в руках нить событий, действовать быстро, четко. А попробуй здесь дозвониться в третье отделение! В самом крупном, четвертом отделении и вовсе нет телефона.

Нет, значит, будет. И телефон будет, и дисциплина, и многое другое, тоже очень нужное и важное. Для того и приехал сюда Даниил Туз.

Сложнее с командными кадрами. Надо «сработаться» со специалистами, и надо добиться, чтобы они не отставали от времени, разбирались в новой технике, следили за достижениями науки. Директор часто советуется с ними. Очень важно, как они отнесутся к его предложениям, поискам. С волнением ждет он их возражений. Пусть выскажутся. Пусть будут споры. Только бы не равнодушие!

Совхозный поселок маленький, и все здесь как на ладони. Когда пришел новый директор, все думали, что старый уйдет. Но получилось иначе. Новый директор пригласил работать бывшего директора Л. Т. Карпова главным зоотехником — у него ведь высшее специальное образование. Некоторые думали: «А вдруг «бывший» начнет куролесить?.. Святых-то людей нет!»

Карпов, видно, вспомнил дни молодости, когда учился в Ленинградском зоотехническом институте и мечтал получить в руки хозяйство с солидным поголовьем. Устал директорствовать, потому что попал в этот отстающий совхоз четвертым по счету директором, при нем менялись агрономы, зоотехники. И теперь, приступив к работе по своей специальности, видно, все увидел по-новому. Коечто подсказал директору, прислушивается и к его предложениям. Повел обстоятельные разговоры с бригадирами ферм, со скотниками, доярками.

На что годится специалист, если от него нет пользы в трудную минуту! Что за жизнь, если приходится ему вечно подсказывать! Вот прораб К. А. Бычков. Он должен действовать сегодня же, немедля! Надо строить и строить новые жилые дома, ремонтировать старые. А прораба приходится толкать, порой довольно чувствительно.

Но лед, кажется, трогается. Специалисты предъявляют требования друг другу: главный зоотехник — главному агроному, а оба они вместе — главному инженеру.

На предуборочном совещании управляющий отделением Давыдов прямо-таки в краску ввел прораба:

— Мы ставим задачи перед доярками, скотниками. В то же время у нас кое-кто из начальства без задач. Такой у нас прораб. Не пора ли включиться в дело, товарищ Бычков?

* * *

На берегу Калининградского залива, на богатых лугах пасется 600 голов молодняка крупного рогатого скота. Вдали от людей вот уже третий месяц здесь живут молодые рабочие совхоза супруги Артемьевы — Иван и Дашенька, пасут одну из нагульных групп.

Работа пастуха — очень ли это хитрое дело? Давай скоту полную свободу! Захочет в загон — пусть идет. Проголодается — рядом луг. Охота на водопой — пожалуйста. Первоклассный санаторий для скота! Важно одно — не принуждай его, закрывай загон только в грозу. Скоту свобода, а пастуху работы больше: все время на ногах, пасет днем и ночью, круглосуточно.

Работники бухгалтерии закончили полугодовой отчет. В нем были зачеркнутые слова: «потеря мяса». Значит, государству сдается мясо высокой упитанности. Вот такие рабочие, как Артемьев, владимирский парень, потомственный пастух, вносят приятные коррективы в записи бухгалтерских книг! Артемьев добился самого высокого среднесуточного привеса — полтора килограмма. Пастух был приглашен на слет животноводов в Зеленоградск: оказался победителем соревнования во всем Приморском районе. Но в бухгалтерской книге отразился не только его труд, но и труд директора: он часто приезжал к пастухам, интересовался их делами. Вместо шалашей здесь построили будки. Приготовить обед теперь дело простое: есть плита.

Все решает забота о людях, внимание к их труду, вера в их силы. И вот первые хорошие итоги: янтаровцы перегоняют других. Но директор упорствует:

— Больших радостей еще не было. События местного масштаба...

Заметим в скобках: стиль адмирала заражает. Василий Алексеевич Давыдов, рассказывая мне, как добились первенства по молоку и заготовкам сена, вдруг спохватился:

— Рано хвалюсь! Цыплят по осени считают...

...По улице проходит гусеничный трактор с прицепом, доверху нагруженным сеном. Оно хрустит, шумит, звенит. Это — богатство совхоза, будущие центнеры мяса и молока.

Кукуруза одолела сорную траву. Чистые поля зазеленели пышными растениями. Будет отличный корм. У янтаровцев это только первый опыт выращивания кукурузы на крупном массиве. А вот в других районах области... Во весь рост стоит посреди своей кукурузы молодой тракторист совхоза «Железнодорожный» Леонид Федотов, улыбается со страницы газеты. Двухметровая высота в первой половине июля — чем не королева!

* * *

Часы в кабинете директора показывают без четверти шесть: и утром, и днем, и ночью. Может быть, неважно, что часы в конторе стоят. Следить за ними и вообще заботиться о мелочах быта пока некому. Хозяину кабинета не до часов: идет уборка, не прекращается заготовка кормов.

Надо ли было новому директору сразу браться и за быт? Бесспорно, да. И вовсе не мелочь, если директорские часы станут показывать точное время, а в совхозных поселках будет чистота.

В первый день приезда Даниил Андреевич действовал в своем кабинете довольно активно: выбросил громадный шелковый абажур с пышной бахромой подозрительно-непонятного цвета, застелил стол чистой бумагой. И все...

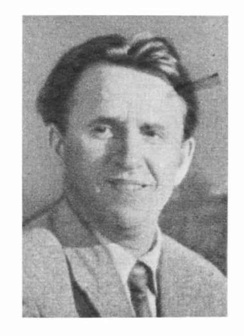
Чисто в Поваровском поселке. Думается, оттого, что там живут совхозный врач, медсестра, помещается сельсовет. Надо бы им взять на себя заботу о быте всего совхоза, подсказать кое-что новому директору. Нужен то ли комендант, то ли заместитель директора по строительству и благоустройству. Он будет заниматься всем, что имеет отношение к быту людей, идет ли речь о ремонте крыш или уборке мусорных ящиков и ям.

Надо строить жилые дома. Не забыть и о строительстве новой мастерской, гаража. Совхоз разросся, он получает все больше и больше машин: комбайнов, стогометателей, пресс-подборщиков, молоковозов...

* * *

Товарищ директор совхоза «Янтарный»!

Я, кажется, ударилась в другую крайность, написала про ваши дела, про ваш совхоз более чем скромно и в основном о трудностях и недостатках. Хочется сказать вам на прощание, что верим: ваши желания исполнятся, мечты осуществятся.

Из камчатской тетради

Виктор БОКОВ

КАМЧАТКА

Здесь снежные сопки,
Суровые горы,
Не очень тепло,
Но растут помидоры.

На рынке не надо
Подолгу рядиться.
Московские цены
На лук, на редиску.

Картошка, одевшись
Подчеркнуто пышно,
Кричит: «О цинге
На Камчатке не слышно!»

Такая травища
Густеет вдоль речек,
Что встанешь —
И скроешься в ней, как
кузнечик.

А в речках самих
Золотая добыча:
Кета и горбуша,
Лосось и чавыча.

Селедка, чтоб встретиться
С рыбаками,
В Берингово море
Идет косяками.

— Ловите меня!
А сама убегает.
Ее отыскать
Самолет помогает.

Здесь есть агрономы,
Здесь есть полеводы,
Охотники, сплавщики,
Оленеводы.

Подъемные краны
В камчатском пейзаже.
Куда ни гляди —
Пограничник на страже!

Гудят пароходы
Над морем протяжно,
Дома подымаются
Многоэтажно.

Камчатка год о́т году
Ярче, богаче,
Добрее, теплее.
А как же иначе!

В ОКЕАНЕ

Я брился в Тихом океане.
Бил по борту соленый вал.
И прыгала вода в стакане,
И борщ чечетку танцевал.

Мне улыбалась повариха,
Кренясь в салон плечом тугим:
— Узнал, почем у нас фунт
лиха?
Узнал, тогда скажи другим.

Мне все в пути казалось ново!
И то, что пыль морская в грудь,
И то, что шли без останова,
И то, что нет земли вокруг.

Вода, вода, вода — и только,
Одна она со всех сторон,
Над ней моя морская койка
И мой несухопутный сон.

Непроходимые глубины,
Таясь в молчании ночном,
Скрывали, сколько душ сгубили,
В пучину приняли живьем.

Не надобно других доходов
Коварной древней западне!
И кости русских мореходов
Лежат на дне, лежат на дне.

Не оценить ценою денег,
Ценою самых сильных чувств
Обыденного слова «берег»,
Слетевшего с рыбачьих уст.

На горизонте горы, горы,
Бесстыдно камень обнажен.
Когда тонули командоры,
Они, наверно, звали жен.

Но так ли это было — тайна,
Но вымысел еще не факт,
Но бухта с именем Наталья
Мне говорит, что было так.

Я здесь твержу другое имя!
Всем расстояньям вопреки
Глазами серыми твоими
За мною смотрят маяки!

ЗА СЕЛЬДЬЮ

Капитану рыболовного
сейнера А. Неверову.

Палубу вымыли,
Люки задраили.
На море вышли из бухты
Во здравии.

Не километрами
Меряем милыми
Дали морские,
А милями, милями.

Сутки идем
Сквозь туманы и изморось,
Море покойное
И некапризное.

Солнце порой
Еле-еле проклюнется.
Море, как площадь,
Море, как улица.

Море, как рожь
На июньском безветрии,
Даже спокойнее
И незаметнее!

Вдруг ни с того ни с сего
Разволнуется:
Это норд-осту
Оно повинуется.

Море — увалами,
Море — буграми.
Так и танцует
И пляшет под нами.

С качки морской,
Как ворона к вороне,
Миски летают
Друг к другу в салоне.

У капитана
Волненье, эмоции,
Смотрит то в карты,
То в толстые лоции.

Смотрит из рубки
И в голос смеется:
— Как бы на камешки
Не напороться!

Море, как русская
Баба-шутиха,
Побушевало —
И снова утихло.

Стало покачивать
Бережно, плавно:
— Я успокоилось, милые,
Ладно.

Вдруг прозвучало,
Как выстрел: «Селедка!» —
И завизжала
Стальная лебедка.

Шлюпку — за борт,
Кошелек — на глубины.
Здравствуй, наш промысел,
Древний, любимый!

Лбы рыбаков
Запотели, как стекла,
Куртка на каждом
До нитки промокла.

Не поскупилось
Берингово море:
Так и трепещет
Добыча в каплёре!

Трюм наполняется
Свежим товаром.
Ох, и попалось —
Навалом, навалом!

Все в чешуе,
Словно рыцари в латах.
Радость, как сборище
Чаек крылатых,

Взмыла над морем,
Летит поднебесьем
Берег порадовать
Доброю вестью!

СЕРОГЛАЗКА

Вы послушайте, это не сказка
И не вымысел, это быль.
Есть рыбачье село Сероглазка,
На Камчатке оно, я в нем был.

Там колхозники морю — соседи,
Нравом, духом круты и прямы.
Как уходят на промысел сельди,
Так и нет их до самой зимы.

В море Беринга, в море
холодном,
К ним идет в кошельковую сеть,
Трепеща серебром
благородным,
Государыня матушка сельдь.

Государыня! Шапку ломят
Сероглазовцы перед ней,
Потому что в морях они ловят
Все могущество трудодней.

Все богатства и все пожитки —
Всё дает им морская вода.
Там у каждой колхозной калитки
Всюду сушатся невода.

Вот зачем этот берег хотели
Англичане с французами взять.
Словно коршуны, налетели,
Стали русскую землю пытать.

Стали сбрасывать камчадалы
Неприятеля в кипень воды.
Петропавловска не отдали,
Берег выручили из беды.

Средь героев была героиня,
Что бросалась в огонь,
не дрожа.
Вы не спрашивайте про имя,
Все запомнили только глаза

Светло-серые, как туманы,
Беспокойные, как волна.
Заживали смертельные раны,
Если их бинтовала она.

— Сероглазка, родная сестрица!
Стонут раненые в цепи.
То она подавала напиться,
То она говорила: «Терпи!»

Как давно, как давно это было,
Сколько лет с той поры
пронеслось!
Но Камчатка ее не забыла:
Сероглазкой село назвалось.

Нынче здесь безо всякой опаски
Мирно трудятся рыбаки.
Современная Сероглазка
На медпункте дает порошки.

Люди здесь не из хилых и
хворых,
Да хворать-то и некогда им.
Вот и все. Пограничники, порох
Постоянно держите сухим!

БОЦМАН

Боцман — это попросту завхоз,
На все руки мастер и работник.
Если море стонет — он матрос,
Если море спит — он просто
плотник.

У него рубаночек в руке,
То он пилит, то весь день
строгает,
То он весь в опилках, то в муке,
И ему никто не помогает.

Это он и шлюпку починил,
Сеть усовершенствовал для
лова,
Как-то даже что-то сочинил
И послал — но толку никакого.

— Зажимают,— жалуется мне,—
Может, почерк плох и
неразборчив?
Но пишу-то я ведь на волне,
И не на столе — на днищах
бочек.

У него брезентовый берет,
Серая просоленная роба,
И ему совсем немного лет,
У него в Москве живет зазноба.

Он уж сорок книжек прочитал,
Он не только производством
занят.
У него на книжке капитал,
Но какой — одна невеста знает.

Он зимою купит чемодан,
Кружку, ложку и дорожный
чайник,
Скажет: — До свиданья,
«Ромадан»,
Мне пора к своей невесте
чалить!

— А вернешься?
— Вот еще вопрос!
Кто меня теперь от моря
спрячет?!
Я не просто я, а я — завхоз,
Или боцман, это что-то значит!

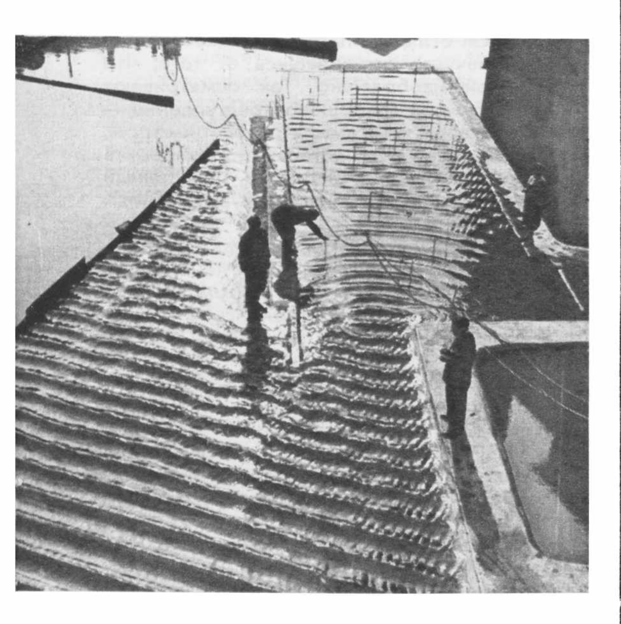
ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА Румынской Народной Республики, который с большим успехом гастролировал в Москве, привез свои лучшие постановки: музыкальную драму Г. Думитреску «Восстание», оперу Верди «Отелло», комическую оперу П. Константинеску «Бурная ночь», балеты З. Ванчи «Лесовик» и М. Жоры «На рынке». На снимке: сцена из оперы «Отелло». Заслуженные артисты РНР Г. Зобиан в роли Отелло и А. Флореску в роли Дездемоны.

Фото А. Гладштейна.

ПЯТЬСОТ ОБРАЗОВАНИЙ ОБНАРУЖИЛИ НА ЛУНЕ СОВЕТСКИЕ АСТРОНОМЫ, изучив негативы, полученные из Космоса. В связи с этим в ближайшее время будет выпущен в свет новый лунный атлас. На снимке: художник Е. Тюляев корректирует лунный глобус.

Фото Д. Ухтомского.

МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО ПОРТА ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ГОРНООБОГАТИТЕЛЬНОГО КОМБИНАТА создана в Институте водного транспорта в Ленинграде. На тысяче квадратных метров воды ведутся исследования, которые помогут строителям нового порта рационально и экономно возводить его.

Фото Б. Уткина.

Николай АСАНОВ

МАДОННА БЛАГОРОДНАЯ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

8

У входа в костел экскурсанты шумно усаживались в автобусы. Стало как будто светлее. Я заметил, что ветер утих.

Такси, на котором мы приехали, ушло. Мы двинулись пешком.

По-видимому, Брегману было неловко от нашего принужденного молчания, а может, он хотел привлечь внимание Марты, только он сразу заговорил. Говорил он беспорядочно, перескакивая с одного на другое, и я видел: это для того, чтобы не молчать. Молчание предполагает мысль. Он не хотел, чтобы мы о чем-то думали.

Возле падающей башни я остановился.

— Я еще зайду в музей,— сказал я.— Все-таки там есть несколько заслуживающих внимания картин: «Месть девушки», «Голова монаха», «Женщина в красном»...

— Плохое освещение сегодня,— спокойно возразил Брегман.

Я невольно сжался, так естественно он это сказал. И тут же он добавил:

— Впрочем, я давно там не был и не видел новой экспозиции.

— Господи, и вам не надоело? — с унынием в голосе спросила Марта.— Мы же только что мерзли там битый час!

Брегман взглянул на меня, но я смиренно опустил глаза.

— А что это за «Женщина в красном»? Я совсем не видела...— непоследовательно заинтересовалась Марта.— Но я туда не пойду! И не зовите! — решительно возразила она вслед за этим и обратилась к мужу: — Пойдем в «Балтику», там хоть тепло...

Александр Николаевич, безучастно слушавший наш разговор, вдруг бросил на меня острый взгляд, затем кивнул мне головой и, взяв жену под руку, неторопливо пошел с нею и Брегманом. Я видел, что Брегману очень хочется последовать за мной, но Марта что-то защебетала, и он послушно пошел рядом.

Возвращаться в музей я не стал, а взял такси и снова поехал в собор. Туристы уже откочевали куда-то в другое место, и никто не мешал мне.

Отдернув штору с реставрируемой иконы, я долго рассматривал работу мастера. Она так заинтересовала меня, что я сделал несколько снимков моим маленьким фотоаппаратом, останавливаясь на тех деталях, по которым только что прошелся Брегман. Если снимки получатся, то о манере реставратора можно будет написать целую статью.

Затем я отыскал ксендза, который командовал этим кораблем христовым, плывущим по бурным волнам светской жизни. Ксендз оказался совсем еще молодым человеком. Жил он при соборе в отличной квартире, которую стерегли и обхаживали две почтенные матроны, вероятно, из «бывших», как называли когда-то у нас людей, потерявших в результате революции все свои привилегии.

Ксендз показался мне весьма осторожным и сдержанным человеком. На мои вопросы отвечал уклончиво, однако когда я осведомился, есть ли в соборе какие-нибудь особо ценные произведения живописи, вдруг заволновался. Очевидно, мои документы подсказали ему, что вопрос я задал не из любопытства...

— Я с удовольствием покажу наш храм,— живо сказал он.

Это был умный гид. Он не стал рассуждать об архитектуре и росписи собора, просто повел меня к алтарю и отдернул одну из штор, которыми были прикрыты иконы.

Передо мной было небольшое полотно, изображающее явление Христа в Эммаусе. Для тех, кто не знает евангельских легенд, поясню: Христос воскрес на третий день после казни и в Эммаусе встретил своих учеников. Когда об этом сообщили апостолу Фоме, он и произнес свои знаменитые слова о том, что, пока не вложит свои персты в раны учителя, он не поверит в его воскресение... Как мы видим, реализм и тогда боролся с мистицизмом!

Из всех картин, посвященных этому драматическому евангельскому сказанию, лучшей, вероятно, является картина Рембрандта «Неверие Фомы». Но и то, что я видел, было написано отлично. Христос предстал перед учениками не человеком, а тенью, в профиль от зрителя, и ученики не могут скрыть своего потрясения. Они боятся этой тени!

Снять картину ксендз не соглашался: она была вмонтирована в стену на шипах. Головка шипа скрыта в раме под позолотой, а шпора, сделанная под углом, врезана в кладку и затем заштукатурена. Но на этот раз я сам был похож на Фому неверующего. Сделав шаг вперед, я осторожно потрогал раму. Она *сдвинулась*.

Ксендз побледнел примерно так же, как бледны были ученики на картине, увидевшие Христа. Бросившись ко мне, он резко толкнул раму — она висела на одном болте. Остальные были разрезаны тонкой пилкой. Очевидно, похитителю что-то помешало закончить работу...

Больше мне нечего было делать в храме. Я был уверен, что ксендз или снимет икону, или поставит возле нее самого дюжего из верующих. Своих подозрений я ему не высказал...

В «Балтику» я не пошел. Не хотелось глядеть на несчастное лицо Гордеева. Да и у Марты, я думаю, вид был не очень счастливый: ведь мы уезжали.

В «Вечерних новостях» мне показали маленькую клетушку, в которой «отписывался» Галиас, если он вообще хоть что-нибудь писал для газеты. На сей раз Галиас был там. Конечно, он не писал, а просто разглядывал в маленькое карманное зеркальце свое лицо,

Окончание. См. «Огонек» №№ 38, 39, 40.

особенно синяк под глазом. Я думаю, только этот синяк и удерживал его на службе, а то мне пришлось бы искать его с собаками.

Жалобно поглядев на меня, Галиас спросил:

— Ну, можно ли идти с таким лицом на свидание?

— Дня три придется посидеть дома,— ответил я.— Но если она любит...

— Врет! — уверенно ответил Галиас.— Это Криста, та, беленькая, что танцевала с медведем Яном. Она была год или два женой Брегмана, и я подумал...

— Тогда идите! — весело посоветовал я.— Она сочтет вас рыцарем! Особенно, если вы скажете, что все это устроил Брегман из ревности. И посмотрите, не осталось ли у этой Кристы каких-нибудь работ Брегмана. А пока проявите мне пленку и сделайте несколько пробных снимков...

Когда снимки были высушены, я разложил их на столе и бросил рядом фотографию «копии» с «Мадонны Благородной», которую ловкий похититель оставил вместо картины. Галиас невольно присвистнул.

— А ведь манера похожая! — воскликнул он.

Да, было сходство в мазках и даже в излюбленных оттенках, которые избирал художник. Я коротко рассказал о пропаже картины и о том, как мы нашли вместо «Мадонны Благородной» «Женщину в красном», которая якобы отправлена на реставрацию в мастерскую Гордеева, где ее никто не видал. Галиас невольно заторопился на свое свидание...

Не меньше часа просматривал я комплект «Вечерних новостей». Я узнал много любопытного: о «флирте цветов», который выпущен местным картонажным комбинатом по цене в десять рублей за комплект на потребу мещан; прочитал репортаж о десятке разных уголовных дел; узнал в «Уголке фенолога», что уже прилетали жаворонки, но откочевали обратно в связи с внезапными заморозками и метелями... Одним словом, тут было все, что положено печатать вечерней газете.

Вернулся Галиас. Он, открыв дверь, подмигнул мне, отчего по синяку пробежала фиолетовая тень, и исчез. Но мне сразу стало легче ждать.

Минут через двадцать он вернулся и швырнул веером на стол с десяток только что отпечатанных фотографий, еще мокрых от промывки. Я склонился над ними.

Это были фотографии картин, эскизов, набросков.

— Когда вы это успели? — удивился я.

— Попросил Кристу сходить за вином. Она, верно, сейчас удивляется, что я исчез, но я оставил записку, что приду попозже: срочно вызвали в редакцию...

Даже и черно-белые фотографии показывали искусство мрачное, жестокое, с модернистскими преувеличениями теней, угловатости, величины мазка. Представлялось, что перед нами не работа кистью, а лепка красками, которые художник берет ножом или лопаткой и швыряет на полотно, мало беспокоясь, как они прильнут к грунту и в каком порядке лягут. И все-таки это была работа талантливого художника...

Взгляд мой вдруг прицепился к одному из снимков, и я уже не мог оторваться. Это был хаос пятен, из которого, как птенец из яйца, проклевывался какой-то знакомый мне образ, почти неуловимый и в то же время заставляющий думать, искать, ждать, пока он проявится совершенно и вдруг встанет во весь рост. Я смотрел и смотрел на этот хаотический набросок, словно бы толкая его к пробуждению, к действию, к жизни, и вдруг отдельные пятна слились в отчетливые ассоциации, неприметные ранее линии объединились и потекли по всей картине, соединяя отдельные клочья и пятна, брошенные художником на холст, и я воскликнул вслух:

— Да это же незаконченная копия «Женщины в красном»!

— Чепуха! — уверенно сказал Галиас.— Это портрет Гордеевой!

— Портрет? — Я взглянул на Галиаса.

Он упорно смотрел на фотографию. Потом оторвался от нее, пошарил по столу, сказал:

— Вернее, набросок портрета Гордеевой. Как и вот эта работа...— И положил рядом со своим снимком мой снимок «копии» «Мадонны Благородной».— Неужели вы не видите, что это наброски одного и того же портрета? Если бы художник довел дело до конца, то даже из этой мазни получились бы два приличных портрета одного и того же человека — Марты Кришьяновны.

Теперь, когда он убедил меня, я и сам видел это.

Но я знал и другое: этой «мазней» можно было подменить «Женщину в красном», как подменили «Мадонну Благородную». И только Брегман мог это сделать, но почему-то не сделал. Возможно, дежурная сидела слишком близко. Помнится, отверстие калорифера, у которого грелись сотрудники галереи, находится как раз напротив. К калориферу постоянно подходили погреться и другие сотрудники: огромное здание галереи отапливалось плохо. А может быть, идея отправки картины на реставрацию возникла во время одной из встреч с Мартой...

Для меня главным было то, что среди работ Брегмана имелась «копия» украденной картины «Женщина в красном», пусть и незаконченная, несовершенная, но исполненная в той же манере, что и «копия» «Мадонны Благородной». А психологическую разгадку, почему на обеих этих «копиях» проглядывает лицо Марты, должен решать Гордеев.

Но, видно, я не сумел скрыть своего огорчения, потому что Галиас вдруг потупил взгляд. Больше он не высказывал никаких догадок. Собрал сырые снимки, обработал их спиртом, сложил меж листами пропускной бумаги и вручил мне. Я нехотя собирал свои «доказательства», почему-то вдруг переставшие меня радовать. Присоединив их к тем снимкам, что дал мне Галиас, я торопливо попрощался и ушел.

Когда я вернулся в гостиницу, Гордеевы были уже дома. Самолет отлетал через час.

Не знаю, о чем говорила Марта с Брегманом, но мы снова увидели художника на аэродроме. Он стоял у кассы, регистрировал билет. Нам он непринужденно сказал, что решил взять неделю отпуска в соборе, чтобы восстановить в памяти работы Рублева.

— Уж если обновлять иконы,— посмеивався, иронизировал он над собой,— так делать это с блеском! А кто писал иконы лучше Андрея Рублева?

Гордеев мрачнел все больше, Марта смущалась, а я был даже рад. Я надеялся, что в Москве Брегман окажется под более строгим присмотром. Деятельность этого «мастера» мне все меньше нравилась...

9

В Москву мы прилетели ночью. Брегман попрощался с нами на аэродроме и сразу исчез—вещей у него не было, кроме маленького ручного чемоданчика,— а нам пришлось долго ожидать разгрузки самолета. Если он о чем-нибудь и сговорился с Мартой, то незаметно; пока Гордеев таращился в ночное небо из окна самолета, подчеркивая перед женой свое благородство, я, человек незаинтересованный, потихоньку приглядывал за Брегманом. С Мартой он не разговаривал.

Рано утром я был в мастерской у Гордеева.

Марта чувствовала себя плохо и не собиралась выходить из дома, это сказал Гордеев. Сам он был очень встревожен: картина неизвестного художника «Женщина в красном» действительно поступила в одной из посылок в мастерскую, ее видел экспедитор, видел регистратор. Регистратор записал картину за начальником мастерской. Почему он записал ее за Гордеевым, он не помнил, может, потому, что Гордеев любил такие работы, и регистратор знал это, а может, получил устное распоряжение от самого Гордеева или его заместителя... Во всяком случае, после этого картину никто не видал.

В нашем управлении новости были тоже плохие. «Мадонна Благородная» не появлялась. «Женщина в красном» была сдана на комиссию по подложному паспорту: И. Н. Ивановой в природе не существовало. То есть были разные люди с этой фамилией, но не было той, которая предъявила паспорт при сдаче украденной картины в магазин. Оценщик магазина заявил, что картина предлагалась по дешевой цене, можно было рассчитывать на покупателя, а тут же полученные комиссионные для магазина считаются удачей. Картина была в довольно плохом состоянии, о подлинности вопрос не стоял — ясно, какая-то грубая копия. Картину он помнил: непривычно удлиненные линии лица, резкий, как будто рукой ребенка написанный колорит. Почему он так хорошо помнит? Право, не знает! Что? Подлинник Эль Греко? Да бросьте вы шутить, товарищи!

Оставив Гордеева в кабинете, я пустился в путешествие по мастерской.

В мастерской вкусно пахло воском, медом, смолой. На длинных деревянных столах лежали гладкие мраморные плиты, на которые укладывают картины при реставрации. Тут картины проклеивали, проглаживали, медленно и осторожно снимали с изнанки старое полотно, как будто сдирали кожу, чтобы, когда на мраморной плите останется только слой краски, в давние годы нанесенной мастером, наложить на этот слой новое полотно, приклеить и дать картине вторую жизнь.

Работали человек двадцать. Они неспешно, но очень ловко возились возле длинных столов, не обращая на меня внимания, как если бы я был тенью, и только когда эта тень закрывала картину, они осторожно обходили меня.

Я зашел в запасник, где висели и лежали на стендах обновленные картины, приготовленные к отправке в музеи и галереи. С удовольствием осматривал я как бы помолодевшие полотна.

Внезапно все мое внимание сосредоточилось на одной из картин. Я еще не понимал, чем она привлекла меня: очередная голова какого-то святого — не то Иоанна Крестителя, не то какого-то пророка. Но у меня было примерно такое же ощущение, какое охватывает охотника перед встречей со зверем. Он еще не видит и не слышит затаившегося зверя, еще и собака не взлаивает, однако нервы напряглись, он чувствует: сейчас что-то произойдет... Не знаю, передал ли я это ощущение, но знаю, что часто испытывал его в лесу, и именно перед удачным выстрелом.

Широко известен анекдот об одном великом художнике, который в ответ на жалобу ученика, что вот картина написана, а все выглядит неживой, взял кисть и тронул ею написанное учеником полено возле очага. И произошло чудо: ожила вся картина, все фигуры людей, огонь в очаге, даже предметы домашнего обихода, еле намеченные учеником, стали достоверными. Был, видно, и в висевшей передо мной картине такой секрет, ничем другим не мог я объяснить, почему именно это полотно так притягивало меня.

Я принялся оглядывать картину методично, медленно, начисто отрешившись от того, что было на ней изображено. Так осматривают комнату, в которой совершено преступление,— начиная от двери, сантиметр за сантиметром, занося в акт все, что постепенно попадает в поле зрения: коврик у порога, уроненный стул, дамская шпилька, диван, окурок у ножки стола.

Сантиметр за сантиметром оглядывал я заинтересовавшую меня картину и не находил ничего примечательного. Во всяком случае, такого чуда, о котором говорилось в приведенном анекдоте, тут явно не было. Обыкновенная картина, и только!

Я добрался до нижнего правого угла, «читая» картину примерно так же, как читают криптограмму, тайнопись, и ничего не видя. В этом углу полотна светло-коричневый фон, на котором была написана голова, постепенно переходил в глухой, черный цвет. И вдруг я увидел. Фон был тоже подновлен, но мазки тут были другие: широкие, гладкие, словно их наносили не кистью, а брали краску просто комьями и потом раздавливали и разглаживали ножом. Или мастихином, как делал это Брегман в соборе.

— Кто реставрировал эту картину? — спросил я у экспедитора, готовившего картины к отправке.

Экспедитор, тщедушный человек, в синем, не по росту, халате, и без того уже напуганный предыдущими расспросами, долго копался в бумагах, потом с видимым облегчением ответил:

— Марта Кришьяновна...

— Бывают случаи, когда художники остаются в мастерской после рабочего дня?
— Конечно. Особенно, если есть срочная работа.
— Марта Кришьяновна задерживалась?
— Наверно. Точно я не знаю, но это можно выяснить у сторожа. Он опечатывает дверь, когда все уходят...
— Снесите картину в кабинет директора,— попросил я.
Гордеев сидел в полной отрешенности от мира и, судя по раскиданным на столе бумагам, от дел своей мастерской. Он не обратил внимания и на служащего, поставившего картину у стены.
— Ну, что вы еще нашли? — неприязненно спросил он меня.
Я понимал, как неприятно ему было видеть меня. Вряд ли вообще кому-нибудь приятно видеть постороннего человека, разрушающего твой собственный, пусть и не очень уютный мирок. Но жалеть Гордеева я не мог. Слишком дорого могла обойтись такая жалость. Я спросил:
— Брегман бывает в мастерской?
— Нет,—удивленно взглянув на меня, ответил он.
— Кто работал над этой картиной? — спросил я, поворачивая холст к свету.
— Марта...
— Давно?
— Недели две-три назад.
Он постепенно обретал спокойствие.
Я поставил картину перед Гордеевым и спросил:
— Марта работает мастихином? Да еще при восстановлении картины?
Взгляд его, как недавно и мой, скользил по картине, твердый, словно бы ощупывающий, и вот споткнулся, замер. Я понял: он увидел то же самое, что увидел и я.
— Значит, она с ним встречалась! — хрипло сказал он.
— Да! И именно тогда, когда был послан подложный вызов на «Женщину в красном», когда картина пришла сюда, когда она исчезла... В тот день, когда Брегман заполучил картину, он очень торопил Марту... Вот почему он сам помогал ей «доделать» эту работу.
— Значит...
Я понял, о чем он не договорил. И поторопился успокоить его:
— Марта ничего не знала. Брегман уговорил ее встретиться в мастерской. Он так умело разыгрывал роль влюбленного, что она поверила.
— Какой подлец! — У Гордеева перекосилось лицо.— Но ведь, значит, и «Мадонна Благородная» у него! — вдруг спохватился он.— Что же вы сидите здесь? Брегман может просто уничтожить картину, как опасную улику...
— Не думаю. Вероятно, он уже передал ее. И приехал сюда именно потому, что возникли какие-то осложнения с вывозом. Заказчики не простят ему исчезновения шедевра. Скорее всего, от него потребуют, чтобы он сам умудрился доставить картину через границу. Опыт с «Женщиной в красном» показал, что таможенная служба не спит...
— Но ведь он действует! — яростно воскликнул Гордеев.
— Конечно! — согласился я.— И, возможно, Марта Кришьяновна помогает ему.— Увидев, что Гордееву не хватает воздуха, что он вот-вот задохнется, я торопливо добавил: — Конечно, без умысла! Как без умысла помогла ему заполучить «Женщину в красном».
Гордеев поднял трубку телефона.
Я знал, что он звонит домой, и знал, что он не дождется ответа. И опустил глаза, чтобы не видеть его лица.
Он прослушал с десяток длинных, тоскливых гудков. Думаю, что они звучали для него, как рев пароходной сирены в тумане, когда корабль вот-вот наткнется на скалы. Когда коротко звякнул рычаг под опущенной трубкой, я взглянул на Гордеева и не узнал его. Лицо стало землисто-серым, словно он уже побывал на том свете и возвращение было более мучительным, чем сама смерть.
Но это был боец, который мог бы победить и самое смерть. Едва переведя дыхание, он строго спросил:
— Что надо делать?
— Съездим в управление. Пора подытожить наши догадки и доказательства.

Встреча с Байкалом

Цырен БАДМАЕВ

Волны разыгрались на просторе,
словно стонет на Байкале синь.
Я к тебе пришел, родное море,—
твой законный сын.

С сердцем, полным в будущее веры,
я пришел к вам, волны-табуны,
чтобы новые сказанья — улигеры —
зачерпнуть из светлой глубины.

Чайки словно над водой повисли —
с воздуха добычу стерегут.
Мелкие не одолеют мысли
на крутом байкальском берегу.

Здесь в труде упорном,
как на фронте,
добывать победы молодым!
Тает пароход на горизонте,
рассевая тусклый дым.

А строители среди стволов горбатых,
там, где сосны на ветру звенят,
вздернув к небу паруса палаток,
солнечный возводят комбинат.

Химия построит чудо-вещи,
удивляя всю мою страну.
И Байкал героям рукоплещет,
поднимая громкую волну.

Перевел с бурятского
В. ЖУРАВЛЕВ.

Он встал из-за стола, застегивая пиджак негнущимися пальцами, молча оделся и вышел первым. Шел он так, словно покидал свою мастерскую навсегда. Оглядел кабинет, в проходной мимоходом провел рукой по стоящей на мольберте картине какого-то передвижника, словно приласкал ее. Я сердито сказал:
— Не делайте трагедии из пустяков!
Выйдя из помещения, он оглянулся, грустно спросил:
— Вы думаете, это пустяки? Я потерял все: дом, работу...
— Ерунда! Никто вас ни в чем не обвиняет!
— Я сам себя обвиняю! — резко ответил он.
— Ну и напрасно!— Я не хотел больше сдерживаться.— Вы должны были бороться! Когда вы увидели, что этот хлыщ сбивает Марту с пути, вы были обязаны удержать ее! Впрочем,— тут я нарочно сделал паузу,— вы и сейчас еще имеете такую возможность...
Он сделал вид, что не слышит, но я не желал уступать. Усаживая его в машину, я преувеличенно грубо сказал:
— Стоит доказать, что этот ее избранник — подлец, и Марта отвернется от него...
— К кому? — спросил Гордеев.
— К вам! К вам!—Я был готов избить его за это глупое «непротивленчество». Неужели он не видел, как мучилась его жена все это время? Ведь ей тоже не просто было сделать выбор. Не могла же она не понимать, что тот, другой, себялюбив, жесток, властен. Чем, как не приказом, действовал он, когда захотел сделать ее своей сообщницей? Да и сообщница ли Марта ему? Может быть, она так же обманута, как и все мы?
Но Гордеев не желал слушать меня. Этакое гордое самоуничижение, та простота, которая хуже воровства. Я продолжал, злясь все более:
— Если вы не бросите это глупое донкихотство, клянусь, я не приду к вам, когда вы будете праздновать освобождение от злого духа...
— Злой дух не оставляет своих жертв.
К счастью, машина уже остановилась, а то кто знает, до чего бы мы договорились.

Я вспомнил о том, что обязан изображать хозяина.
Начальник управления ждал нас.
— Ну-с, что мы теперь знаем об Эль Греко? — спросил он.
Я подивился его самообладанию. В конце концов мы знали не так уж много.
Но на Гордеева этот спокойный тон подействовал, как холодный душ. Может, мы слишком близко ходили возле огня, потому он и обжигал нас? А издали пожар был виднее и не казался таким опасным?
Выслушав мои предположения, начальник сказал:
— Может быть, вы и правы. Мы получили вашу телеграмму и установили наблюдение за вашим подопечным. В одиннадцать часов утра он встретился в том же магазине с одним иностранцем и о чем-то поговорил с ним, был весьма озабочен. В два часа дня у него состоялось еще одно свидание... с молодой дамой... Они прошли к нему в гостиницу...
— Моя жена...— словно выдохнул Гордеев.
— ...были там не больше десяти минут. Дама вышла очень взволнованная, ваш же подопечный держался значительно спокойнее. Они позавтракали в кафе; если учесть, что подопечный еще ничего не ел, это был завтрак, хотя и пополудни. Из кафе дама направилась домой, подопечный зашел вместе с нею в квартиру, пробыл там полчаса. После этого он поехал в кассу Аэрофлота и взял билет на вечерний самолет. Сейчас...— начальник взглянул на часы,— он уже летит домой...
— Зачем же он приезжал! — с досадой воскликнул я.
— А установить это — ваша обязанность,— довольно сухо ответил начальник.— Можете попросить товарища Гордеева помочь вам. Если он уверен, что дама, с которой встречался ваш подопечный, его жена, он имеет право спросить, о чем они говорили в гостинице, затем в кафе и в его доме. Но для нас значительно важнее выяснить, где «Мадонна Благородная». В вещах Брегмана, сданных на аэровокзале, ее не было, хотя иностранец передал Брегману при встрече какой-то сверток, похожий по форме на альбом или книгу большого размера, примерно in quarto.
— Почему же этот предмет не изъяли? — спросил я.
— А если это был просто чистый холст? Или картина самого Брегмана, возвращенная за ненадобностью? Или предложенная на реставрацию картина из частной коллекции этого господина? Альбом рисунков? Книга по искусству? Если заходить в своих подозрениях так далеко, так ведь и навестившая Брегмана дама имела в руках довольно объемистую сумку из этих ультрамодных, величиной с добрый чемодан. Следовательно, она тоже могла унести разыскиваемый предмет... Прикажете обыскать и ее? Думайте-думайте, тут я вам помочь ничем не могу...
Мы ушли от начальника расстроенные, огорченные, я бы сказал, злые. Только на улице мы осмелились обменяться взглядами,— все казалось, что у другого легче на душе. Нет, Александр Николаевич чувствовал себя не лучше.
— Поедемте ко мне,— вдруг жестко сказал он.— Я должен поговорить с Мартой.
Мне подумалось, что в таком разговоре третий всегда лишний. Но в то же время стало жаль Марту Кришьяновну. Гордеев мог наговорить много ненужного. Я ответил согласием.

10

Марта встретила нас несколько растерянно, но сразу захлопотала с обедом, принялась накрывать на стол. Она входила и выходила из столовой, где мы сидели, успевая переброситься со мной и мужем непринужденной шуткой, вопросом, не обращая внимания на нашу мрачность, а я мучительно думал, с чего и как начнет Гордеев свой разговор. И в то же время было странно видеть эту женщину веселой, оживленной, нежной — словом, такой же, какой была всегда, хотя она только что предала мужа, если можно говорить такими высокими словами о супружеской неверности. Ведь она только что простилась с другим...
Я встал и принялся бродить по квартире, чтобы хоть как-то рассеять все возрастающую неловкость.

В кабинете Гордеева я перелистал несколько книг, поглядывая через распахнутую дверь на своего друга. Гордеев сидел в столовой у журнального столика в глубоком кресле, тяжело опустив голову. На вопросы Марты он отвечал односложно.

Ставя какую-то книгу на полку, я нечаянно взглянул на стену и увидел портрет Марты. Он висел в центре стены, одинокий, строгий, написанный в непривычной для Гордеева манере — яркими красками, не соответствующими друг другу по тону, небрежно, словно наспех, но в то же время прочно передающей сходство, как, скажем, негатив, в котором все тона даны наоборот, передает наше представление о формах предмета и о его характере. Эта импрессионистская работа была столь непривычна в чопорной, сдержанной атмосфере кабинета, где все, вплоть до переплетов книг и шкафов темного дерева, попахивало академией, что я невольно воскликнул:

— С каких это пор, Александр Николаевич, вы стали модернистом?

Гордеев воспользовался поводом, чтобы оставить Марту, и прошел ко мне.

— Ложные подозрения! — ворчливо ответил он.— Никогда не увлекался модами.

— А портрет Марты Кришьяновны?

— Мне с ее портретами не везет. Сколько ни принимался, все получается не то...

— Как? И этот вас не устраивает?

Я так удивленно взглянул на стену, что Гордеев невольно поднял глаза. Увидев портрет, он сделал движение, словно намеревался сорвать его или хоть потрогать, чтобы удостовериться в реальности.

— Ее портрет! — словно все еще не веря глазам, произнес он.

И тотчас же из-за двери послышался милый, удивительно веселый возглас:

— Заметили наконец? Ну, как он вам нравится?

Марта встала на пороге, теребя кокетливый передничек. Она была взволнована, горда, счастлива. Не замечая взвинченного состояния мужа, она заговорила, торопясь насладиться своим торжеством:

— Я давно думала сделать это, но все както не получалось. То художник не нравился, то у самой не было настроения. Когда-то Герберт...— Тут она на мгновение запнулась, но набралась храбрости и продолжала в естественной манере: — Герберт сделал набросок, но так и не дописал. И вдруг сегодня позвонил, что уезжает надолго и что он закончил тот портрет по памяти и хотел бы подарить его. Я, конечно, согласилась...— Тут ее взгляд нашел глаза мужа. Очевидно, она увидела в них что-то неожиданное, отчего вдруг запнулась и уже смущенно нервно, как напроказивший ребенок, спросила: — Разве я поступила нехорошо? Этого не надо было делать? Но Герберт...— Она произнесла это имя с усилием и теперь уже добавила: — Герберт Оскарович сам попросил меня передать этот портрет тебе, как его личный подарок нам обоим. Да вот его письмо...— Она засуетилась, шаря по карманам передничка, достала конверт,— видно, она заранее подготовилась к этому милому семейному торжеству и теперь недоумевала, почему оно не удалось...

Гордеев разорвал конверт, пробежал глазами письмо, спросил у Марты: «Ты разрешишь?»,— показал глазами на меня и, хотя жена недоуменно пожала плечами, подал письмо мне.

Брегман писал, что дела не позволили ему засвидетельствовать свое почтение лично Александру Николаевичу, но в память о добром знакомстве он хотел бы преподнести супругам Гордеевым свой скромный дар. Единственная его просьба состоит в том, что если когда-нибудь состоится персональная выставка его работ, он мог бы экспонировать этот портрет, разумеется, с указанием владельца. Он льстит себя надеждой, что при всей незаконченности этого произведения оно все же достойно быть показанным зрителям.

Это было обычное, весьма милое письмо, каким положено сопровождать подарки...

Гордеев посмотрел на меня. Я поторопился расхвалить и художника и портрет. Портрет действительно стоил похвал. Даже кричащие его краски, асимметричность черт, глухая чернота тона не погубили его. Гордеев облегченно вздохнул, вдруг сделал короткое движение и прикоснулся губами к голове жены. Это было как символ примирения. Марта сразу успокоилась, снова расцвела, стала усиленно приглашать к столу.

Сидя за столом и поднимая первый тост за дорогих моему сердцу хозяев, я нечаянно взглянул в открытую дверь кабинета и снова увидел портрет. Теперь я видел его издалека, ярко освещенным, и он вдруг вызвал у меня какие-то странные ассоциации. Как будто я когда-то и где-то видел нечто подобное. Я неожиданно остановился на полуслове, и только нетерпеливое движение Гордеева вернуло меня обратно к действительности. Скомкав свое приветствие, я, едва пригубив, оставил рюмку и склонился было к столу, но портрет все время словно бы притягивал мой взгляд. Марта с портрета упрямо смотрела через мою голову куда-то вдаль, и мне хотелось обернуться, чтобы увидеть, что такое она там разглядывает. И непомерно удлиненное лицо ее было таким строгим, словно она жалела нас, живых, сидящих за этим столом, желая и в то же время не в силах предостеречь от чего-то очень трудного, что ожидает нас. Непонятная, но властная сила воспоминания волновала меня. Как будто все это уже было, как будто я уже видел и это лицо и этот взгляд, вот так же предупреждающий и предостерегающий. Ощущение было похоже на то необъяснимое, какое иногда овладевает человеком в новом, незнакомом месте: как будто ты когда-то уже был тут и точно знаешь, что за следующим бугром покажется знакомый тебе дом или пруд. Необъяснимое и таинственное чувство, всегда одинаково настораживающее человека!

Я вдруг встал из-за стола, словно управляемый таинственной силой взгляда нарисованной женщины, и, забыв о хозяевах, пошел к портрету. Чем ближе я подходил, тем быстрее улетучивалось чувство неизвестного, и вот передо мной уже опять была ординарная, в сущности, модернистская мазня, составленная из кричаще разных цветов, как будто художник нарочно задался целью соединить несоединимое.

И в то же время ощущение, что я где-то видел нечто похожее, не проходило.

Картина висела высоко.

Что-то словно толкнуло меня. Я взял стул и, забыв о бархатной обивке, встал на него и снял картину.

Сейчас я не мог бы объяснить, что заставило меня рассматривать картину со всех сторон. Она была включена в дубовую рамку и прикреплена с обратной стороны множеством гвоздиков, холст был новый, тщательно прогрунтованный. Ее следовало повесить на место; этого, я понимал, ожидали хозяева. А я все рассматривал ее, словно надеялся понять, что именно привлекало меня к ней.

Заметив на столе серебряный нож для разрезания бумаг, я принялся выдирать гвоздики, прикреплявшие холст к рамке. Нож легко входил под широкую шляпку гвоздя, и они выпадали один за другим, хотя серебряное лезвие и покрывалось царапинами. Но я уже отогнул угол холстины.

Тогда я увидел то, что бессознательно искал. В рамке было три холста: нижний — чистый, новый и еще пахнущий льном, второй — старый, ломкий, ставший похожим на промасленное дерево, и еще один — тоже новый, на котором был написан портрет. И когда я разъял уголки всех трех холстов, перед моими глазами и перед глазами беззвучно подошедших Гордеева и Марты предстало лицо «Мадонны Благородной»...

— Что это? — удивленным голосом, упавшим до шепота, спросила Марта.

— Подлинник Эль Греко. Вы, вероятно, слышали, что из Народного музея пропала картина Эль Греко «Мадонна Благородная»? Вот эта картина...

— Но... но как она попала сюда?

— Об этом надо спросить Брегмана. Кстати, где он писал ваш портрет?

— В реставрационной мастерской. Я тогда реставрировала «Голову Иоанна Крестителя»...— Она отвечала замедленно, но точно.— Брегман попросил меня попозировать немного, я достала ему пропуск.

— Когда это было?

— В конце февраля. Да, да, он еще шутил, что пришел в такой день, который повторится только через четыре года... Это было двадцать девятого февраля.

Я вынул из кармана снимки «Женщины в красном», фотографию той подделки, что осталась вместо «Мадонны Благородной», несколько снимков работы Брегмана в соборе.

— Вы видели эту картину? — Я показал снимок «Женщины в красном».

— Да, но это было позже. В середине марта...

— В тот день, когда Брегман помог вам закончить работу над «Головой Иоанна Крестителя»?

— Он не помогал! — Она даже испугалась.— Я предупредила, что мне придется смыть все, что он написал...

— И не смыли...

— Я была занята.

— А знаете ли вы, что двадцать девятого февраля Брегман подделал подпись вашего мужа и направил требование о высылке в мастерскую реставрации картины, которая не нуждалась в реставрации, а в середине марта, когда он торопил вас уйти из мастерской, эта картина была им украдена?

— Не надо так резко...— испуганно сказал Гордеев.

Я замолчал. Марта сидела без кровинки в лице. Гордеев дал ей воды и принялся успокаивать.

Я не слушал, что он говорил. Я думал, что на его месте постарался бы еще больше испугать ее; слишком долго она мучила мужа, чтобы быть доброй к ней. Разбросав снимки по столу, как пасьянс, я подозвал и ее и Гордеева.

— Вот так называемые «работы» Брегмана. Вы видите, они выполнены в одной манере. Возможно, что это даже талантливый мастер. Но он гнался только за деньгами и отдал свой талант для преступления. Одних этих снимков, без дополнительной экспертизы, достаточно, чтобы сказать: лицо, украшее «Мадонну Благородную», оставив на месте картины подделку, затем сделавшее несколько мазков на реставрированной «Голове Иоанна», позже расписавшее соборную живопись, написавшее несколько картин, хранящихся у его бывшей жены,— одно и то же лицо. И это лицо охотилось за работами особой ценности. Правда, благодаря этому мы узнали о существовании в наших музеях еще одной работы Эль Греко. Но обе эти картины были выкрадены для передачи за рубеж...

— Но как... как вы определили, что «Мадонна Благородная» спрятана под портретом? — робко спросила Марта.

— Брегман так хорошо изучил «Мадонну Благородную», что мог бы воспроизвести ее во сне. И он воспроизвел... И именно во сне... Когда писал вас...

— Так, значит, он...

— Нет, Марта! Вы были только бессознательной помощницей! Он не любил вас! Но когда понадобилось укрыть картину, он вспомнил о вас... А думал он только о «Мадонне Благородной». Взгляните на ваш портрет и сравните с картиной Эль Греко...

Марта гордо вскинула голову и вышла в столовую. В дверях она ядовито спросила:

— Надеюсь, меня не подозревают в сообщничестве? Я свободна?

Я не успел ответить. Она закрыла дверь за собой.

Квартира казалась вымершей.

Гордеев умелыми руками размонтировал соединенные картины. Портрет Марты он снова включил в рамку и повесил на то же место. «Мадонна Благородная» заслуживала другой рамы для своего возвращения на место. Я позвонил в управление, чтобы прислали охрану и специальный ящик для перевозки картины.

— Что теперь будет? — спросил Гордеев.

Я не ответил. Я не знал.

То есть в общих чертах я знал. Гордеев снова будет работать в мастерской. Марта останется с ним. Но никогда и никто не утешит ее. Она знает, что ее любили! И зачем только я сказал, что Брегман писал ее портрет, как во сне...

И когда-нибудь она уйдет. Уйдет искать настоящую любовь. Тут я ничем не мог помочь моему старому другу...

Виктор Капитонов и Ливио Трапе

В. ЯРОСЛАВИН

1

Стремительные, неутомимые пожиратели пространства — велогонщики стали авангардом римской Олимпиады. Это они первым олимпийским утром взяли старт в трудной командной гонке.

И вскоре над Римом прозвучали имена первых победителей. Это были итальянские спортсмены. Они выступали во главе с известным велосипедистом Ливио Трапе.

Их успех не вызвал удивления: гонщики Италии давно уже славятся своим искусством. Как должное был принят успех и велосипедистов объединенной немецкой команды. Но появление на постаменте почета третьих призеров — Виктора Капитонова, Евгения Клевцова, Юрия Мелехова и Алексея Петрова — было воспринято как неожиданность. Впереди же советских спортсменов ждало еще более трудное испытание — шоссейная гонка на 175 километров.

Ночью перед стартом Виктор Капитонов, как всегда, долго не мог заснуть.

Он вспоминал трудную командную гонку, а потом сверкающие в его закрытых глазах велосипедные спицы унесли его к старту другой гонки. Она состоялась четыре года тому назад в далеком Мельбурне. Там, в Австралии, на XVI Олимпийских играх Виктор впервые познакомился с итальянцем Ливио Трапе. За два круга до финиша удалось уйти вперед, и он был близок к победе, но попал в «завал», сломал машину и выбыл из борьбы. А через год на первенстве мира в Бельгии снова горькая неудача. За десять километров до финиша Капитонов вел гонку вместе с итальянцем Панбианки и вдруг услышал предательское постукивание обода колеса. Прокол! Проклятый прокол! Бич шоссейников!

Немало было таких досадных срывов в его жизни, когда победа внезапно, в самый последний момент ускользала! Неужели и теперь его ждет здесь, в Риме, новое разочарование? Мысленно он уже вел новую гонку по раскаленным улицам Рима...

2

В этой гонке, как и в предыдущей, с Капитоновым участвовали те же спортсмены, только вместо Алексея Петрова в команду был включен темпераментный мастер бурного финиша Гайнан Сайдхужин. И когда дан был старт и гонщики двинулись вперед, Виктор успел заметить момент, когда Гайнан, смирив свой пыл, пристраивался к колесу двукратного чемпиона мира немецкого гонщика Шура. Сам же Капитонов решил смело навязывать свою тактику гонки другим, а не плестись в хвосте. Для этого он чувствовал достаточно сил.

На первом же подъеме Капитонов испытал силы соперников. Леонид Михайлович Шелешнев, человек, которому Виктор был обязан своим мастерством, оценил бы этот его рывок лишь на «четверку». Сразу же увязались за ним несколько гонщиков. Тогда Капитонов сбавил ход, подпустил погоню поближе и снова рванулся вперед. Преследующие его спортсмены отстали, но затем снова стали приближаться. Так образовалась головная группа из десяти человек, но ненадолго. После длинной прямой началась гряда крутых подъемов, и там-то Виктор сделал свой третий рывок. На этот раз на «пятерку». Капитонов хорошо знал свою силу на горных участках дистанции. Трижды подряд в гонках мира удавалось ему завоевать «приз горных козлов». Встав на педали и помогая мышцам весом собственного тела, Капитонов мчался в гору. На вершине подъема ему удалось оторваться от ведущей группы метров на триста, а в конце длинного извилистого спуска просвет увеличился до километра. Капитонов несся вперед, пристально вглядываясь в полотно дороги. Не блеснет ли где-нибудь коварное стеклышко, причина многих его несчастий?

— Хорошо, Витя! — кричали ему товарищи и обливали его на ходу прохладной водой.— За тобой идет Трапе!

Капитонов оглянулся и увидел в полукилометре от себя гонщика в голубой майке, окруженного эскортом автомашин и мотоциклов. Это шел Ливио Трапе, любимец итальянцев, и за ним катился многоголосый вопль азартных итальянских болельщиков.

«Подожду,— решил Виктор.— Такого гонщика, как Трапе, лучше иметь не соперником, а партнером».

Капитонов сбросил скорость, подождал Трапе, а потом жестом предложил ему «сесть» на колесо и отдохнуть после трудной погони. Теперь их было двое, и они, помогая друг другу, старались как можно дальше оторваться от головной группы. Пока они были союзниками, но на финише их ждала ожесточенная борьба. Одинакового роста, атлетически сложенные, Капитонов и Трапе отлично дополняли друг друга, а итальянцы были в восторге от этого союза: ведь русский парень помогал бороться их надежде, их кумиру. Ну что же, он может вполне рассчитывать на серебряную медаль, золотая-то наверняка достанется Ливио. Кто может тягаться с ним на финише?..

3

Но у Капитонова были другие расчеты. Он не собирался отдавать итальянцу золотую медаль, и тот, конечно, понимал это. Чем меньше километров оставалось до финиша, тем все определеннее их содружество перерастало в ожесточенное соперничество, а когда лидеры пошли последний круг, Капитонов вдруг заметил, что Трапе словно переродился. Теперь он отказывался от чести вести гонку и только покрикивал Капитонову: «Темпо, темпо!»

За два километра до финиша оба они, и Капитонов и Трапе, как по команде, бросили совместную борьбу с преследующей их группой гонщиков и, теперь уже явно для всех, из единомышленников превратились в сторожащих друг друга соперников. А итальянский эскорт не переставал давать инструкции Трапе, и тот все более настороженно присматривался к каждому движению Капитонова. За плечами итальянского спортсмена были сотни стартов, много почетных побед, и он хорошо знал, как нужно себя вести, чтобы не дать сопернику обогнать себя на финише. А в это время гонщики, входящие в группу преследования, поняли, что происходит у лидеров, и до предела увеличили скорость. Просвет таял. И вскоре погоня увидела русского и итальянца. Заметил приближение погони и Виктор Капитонов и показал Трапе: «Пора работать!» Но Трапе по-прежнему не хотел первым бросаться в бой: он, видимо, понимал, что Капитонов сберег силы для решающего рывка.

Два спортсмена приближались к финишной черте, по-прежнему сторожа друг друга, и вдруг Трапе резко рванулся вперед. «Неужели оторвался? — подумал Капитонов.— Нет, не может быть»,— и в то же мгновение до предела увеличил скорость, не упуская итальянца дальше, чем на несколько сантиметров. И тогда Трапе, делая вид, что в пылу схватки теряет направление, резко пошел в сторону. Он, видимо, надеялся на то, что Капитонов проглядит его маневр и, зацепившись за колесо, или упадет, или хотя бы снизит темп. Но Капитонов был начеку, и этот маневр не застал его врасплох. По-прежнему они неслись почти рядом. Капитонов чуть позади, и итальянцы уже праздновали победу. Но тут-то всего в шестидесяти метрах от финиша Виктор вдруг поравнялся с Трапе, а метров с десяти просунул вперед свое колесо. И в этом завершающем усилии и родилась его победа.

← Виктор Капитонов, победитель групповой гонки на XVII Олимпийских играх.

Фото Дм. Бальтерманца.

«Комета-3» и ее хозяин Н. Шумилкин.

Баскунчак — спортивная арена

Озеро Баскунчак до сих пор было широко известно лишь как огромная природная кладовая соли. Но в этом году к нему было привлечено внимание всех автомобилистов. Здесь состоялись заезды на установление рекордов по автомобильному и мотоциклетному спорту.

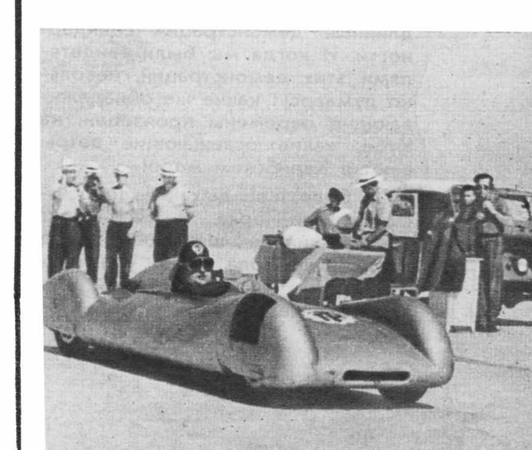
Ровная и твердая поверхность высохшего соляного озера представляет идеальную трассу для достижения наивысшей скорости. Гонки по дну соляного озера обеспечивают безопасность гонщиков.

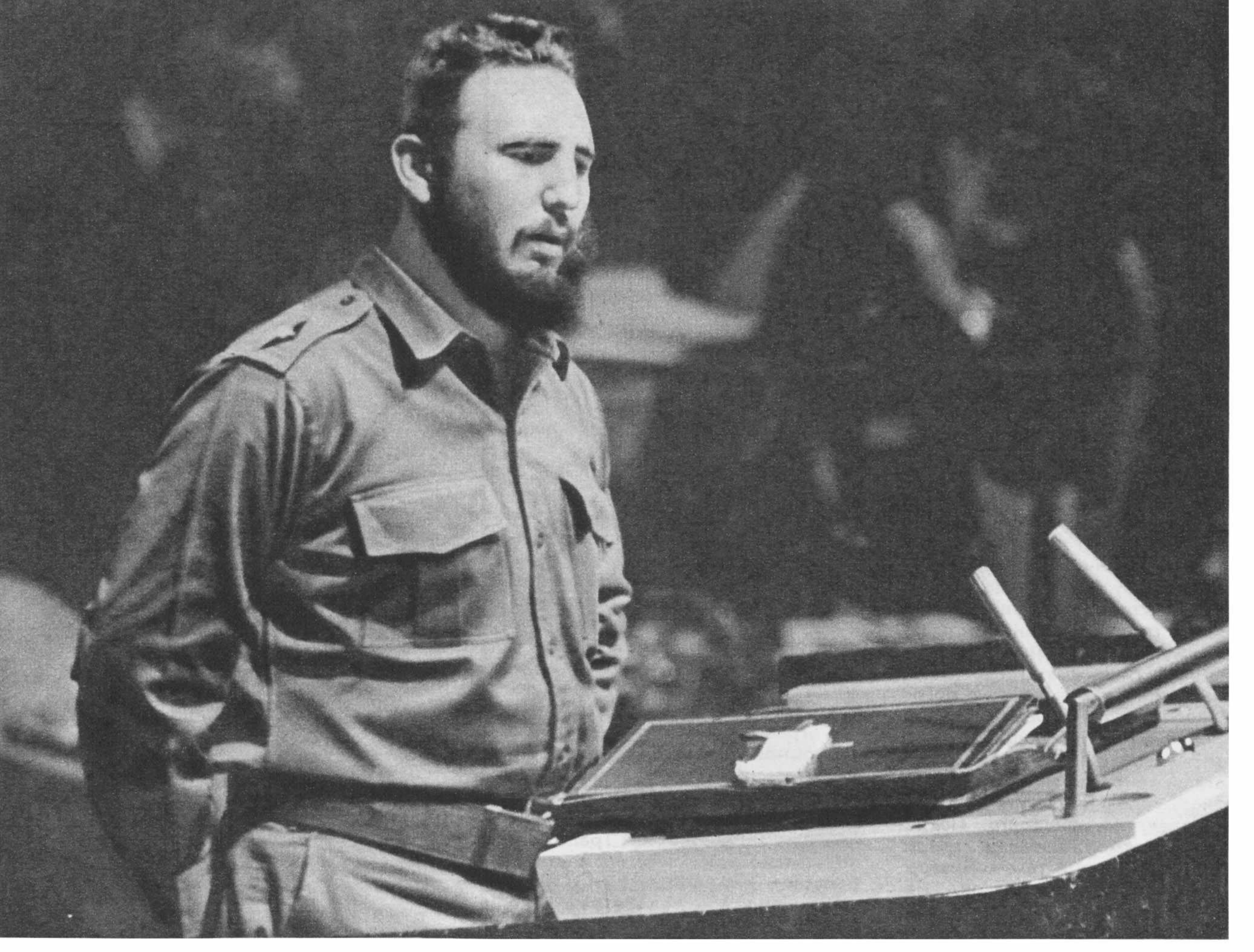
Наибольший успех выпал на долю заслуженного мастера спорта Э. Лорента, который на автомобиле собственной конструкции «Харьков Л-350» с рабочим объемом двигателя до 350 кубических сантиметров установил три международных рекорда. Дистанцию 1 километр с хода он прошел со средней скоростью 225,6 километра в час, а 5 километров — со средней скоростью 220 километров в час. Третий рекорд Лорент установил в классе до 250 кубических сантиметров. Пятикилометровую дистанцию с хода он прошел со средней скоростью 193,4 километра в час.

Выдающийся результат показал один из старейших гонщиков-мотоциклистов заслуженный мастер спорта Н. Шумилкин. На трехколесном мотоцикле «Комета-3» с двигателем класса до 500 кубических сантиметров он установил новый всесоюзный рекорд на дистанции 5 километров с хода. Ему удалось показать наивысшую скорость, когда-либо достигнутую на мотоцикле в СССР,— 228 километров в час.

А. САБИНИН

Гонщик Э. Лорент на старте.
Фото А. Леонтьева.

Говорит Фидель Кастро.

ПЛАМЕННЫЙ ГОЛОС КУБЫ

Д. ГОРЮНОВ,
В. КОНДРАШОВ

Фидель Кастро — в Нью-Йорке!

Он сразу столкнулся с возмутительными запретами государственного департамента и поселился в Гарлеме, где живут негры, пуэрториканцы, кубинцы, люди, которых капитализм бросил на дно каменного мешка, отравленного бензиновой гарью, и сделал их изгоями современной Америки.

Газеты в Нью-Йорке сообщали о «стычках между кубинцами». Но кубинцы кубинцам рознь. Горстка подонков, выброшенных народной революцией в сточные канавы Нью-Йорка,— это не Куба! Настоящие патриоты Кубы, которых судьба много лет назад занесла в город на Гудзоне, от всей души приветствовали Кастро, рукоплескали ему, устраивали в его честь подлинные демонстрации солидарности. И когда мы были свидетелями этих демонстраций, невольно думалось: какие же обнадеживающие перемены произошли на Кубе, какие освежающие ветры веют в Карибском море!

Их бодрящее дыхание доносится до Нью-Йорка. А Нью-Йорк? Грохочущий и шумящий город желтого дьявола давно убил дух пионерства, искания, который привел сюда первых переселенцев из Старого света, давно погрузил человека в бездушный, механизированный мир стандартов, простирающийся от жевательной резинки до грима модниц, от «литературы ужасов» до рекламных передач телевидения.

Представьте себе теперь, что в этом городе появился бунтарь. Человек, поднявший знамя революции на острове, который находится в каких-нибудь 90 милях от Флориды, этого фешенебельного «места отдыха» американских миллионеров. Человек, который дерзнул бросить вызов самой богатой стране западного мира, который впервые вырвал маленькую латиноамериканскую страну из когтей хищных монополий. Стоит ли говорить, что появление Кастро в Нью-Йорке было подобно землетрясению.

Газетчики подняли невероятную шумиху вокруг его приезда, вокруг его личности. Они не брезгали самой грубой клеветой. Но жизнь неумолима, и городу небоскребов пришлось смириться с появлением на его улицах народного трибуна, которого официальная Америка предала анафеме.

Целая буря разразилась, когда Н. С. Хрущев отправился в Гарлем, в небольшую гостиницу «Тереза», чтобы навестить там национального героя Кубы. В тот день нам не довелось встретиться с пламенным кубинцем. Но несколько дней спустя, когда Фидель Кастро пришел в гости в резиденцию главы Советского правительства, мы имели счастливый случай познакомиться с ним. На нем защитного цвета тужурка, подбитая искусственным мехом, такого же цвета рубашка с расстегнутым воротом... Молодое лицо обрамлено окладистой черной бородой. Глаза живые, горячие.

Он сидит рядом с Никитой Сергеевичем. Разговор становится все оживленнее, и Кастро заразительно смеется в ответ на остроумные замечания Н. С. Хрущева. Посланец революционной Кубы горячо поддерживает Никиту Сергеевича, когда речь заходит о важных проблемах современной международной жизни.

Фиделя Кастро окружают его сподвижники. Все они молоды, хотя окладистые бороды старят их. Один из них напоминает библейского пророка. Другой чем-то похож на мушкетера Дюма — он высок, строен, гибок и носит острую бородку. Это командующий войсками революционной Кубы. Третий, искрящийся энергией, — журналист, редактирует в Гаване газету «Революсьон».

Глуховатым голосом Кастро рассказывает о родной Кубе, о глубочайших изменениях, которые произошли на острове со времени революции.

Слушаешь его так, будто читаешь захватывающий роман. Ведь только подумать: на острове, до которого рукой подать от твердыни капиталистического мира, поля, плантации, принадлежавшие земельным магнатам, отданы крестьянам, созданы земледельческие кооперативы!

Кубинские предприятия всесильной «Юнайтед Фрут компани», погубившей Гватемалу и запустившей свои щупальца в другие латиноамериканские страны, национализированы. Вдвое снижена квартирная плата, уменьшены налоги на пользование телефоном, строятся школы и больницы, страна идет к ликвидации неграмотности.

Фидель Кастро обо всем этом рассказывает спокойным голосом, а когда ему хочется что-то подчеркнуть, он делает мягкий жест рукой.

Беседа его с Никитой Сергеевичем продолжалась более пяти часов. Корреспонденты, которые днюют и ночуют близ особняка советской резиденции на Парк-авеню, всполошились, они теряются в догадках. Когда Кастро в сопровождении Н. С. Хрущева появляется в подъезде, их забрасывают вопросами.

— Господин Хрущев, о чем вы говорили с господином Кастро?

— Мы говорили о мире.

И вот наступает час, когда Кастро поднимается на трибуну Генеральной Ассамблеи ООН. Надо знать зал пленарных заседаний, чтобы ощутить всю значительность момента: вождь кубинского народа обращается к всемирному форуму государств. Вместительны фойе, где обычно прохаживаются группами корреспонденты. Но сейчас фойе пусты. Галереи для прессы и гостей переполнены.

Вот Кастро начинает свою речь. Он не заглядывает в бумаги, поворачивается то к левой, то к правой стороне зала, временами нагибается к микрофону, а когда хочет задать вопрос, то закладывает руки за спину. В минуту горячности, волнения Кастро взмахивает руками, всем видом своим показывая негодование, возмущение угнетателями Кубы. Это — выступление страстного народного трибуна, который живет каждым словом своей речи, страдает и радуется вместе с миллионами кубинцев, от имени которых он говорит.

Кастро говорил, и перед мысленным взором слушателей вставала его прекрасная родина, ее мужественный народ. В зал как бы вторгся революционный энтузиазм, которым овеяна Куба наших дней. Обращаясь к представителям слаборазвитых стран, Фидель Кастро говорил о том, что хочет предупредить их о трудностях, с которыми им придется столкнуться, когда они будут отбирать землю у американских магнатов. Когда это было сказано, в зале, привыкшем, казалось бы, к чопорному дипломатическому этикету, вдруг загремели аплодисменты. Это представители стран,

где еще царствуют иностранные монополии, где земля еще принадлежит помещикам и иностранному капиталу, рукоплескали национальному вождю Кубы, чей народ покончил с засильем чужеземцев.

Голос Фиделя Кастро гневно гремел, когда он говорил о том, как Соединенные Штаты встретили в штыки реформы, осуществленные революционной Кубой.

Он вспоминает, что в ту пору, когда кубинское правительство не имело еще ни дипломатических, ни торговых отношений с Советским Союзом, американские империалисты уже называли Кубу «красной»; они обвиняли ее в том, что она находится в «красных клещах», — ту самую Кубу, которая отделена тысячами миль от берегов Европы, от Советского Союза и которую в США открыто считали вотчиной американских монополий.

Какую великую силу обретает народ, когда он берет судьбу в собственные руки! Раньше отношения между Соединенными Штатами и Кубой были подобны, по яркому выражению Фиделя Кастро, отношениям акулы с сардинкой. Американские самолеты летали над островом как им заблагорассудится. Американские линкоры бороздили воды Карибского моря, заходя в кубинские порты, как в свои собственные. Тысячи кубинцев пали жертвами военных провокаций Соединенных Штатов. И все это оставалось безнаказанным.

— Теперь с этим раз и навсегда покончено. Нет больше отношений акулы с сардинкой!

Голос Фиделя Кастро все крепнет. Закинув руки за спину и наклонившись к микрофону, он ставит вопрос: знает ли американский народ, что правительство США лжет, утверждая, что оно не потакает провокационным полетам над Кубой?

Это крик души патриота, верного сына своего народа. И это захватывает аудиторию. Ассамблея аплодирует. Рукоплещут даже те, кто отнюдь не принадлежит к числу друзей новой Кубы. Зал аплодирует и тогда, когда Фидель Кастро начинает разоблачать демагогию американцев, пытающихся соблазнить слаборазвитые страны различными планами «помощи».

Кастро заявляет, что это не помощь, которая дала бы возможность слаборазвитым странам стать на ноги, а крохи, постыдная благотворительность.

И когда Кастро предлагает заставить колониальные державы вернуть хотя бы часть добра, награбленного в колониях, зал вновь разражается бурей оваций.

Наступает еще один момент, когда Кастро дает волю своему негодованию. Он рассказывает об угрозе некоего американского адмирала, который нагло заявил, что Соединенные Штаты нанесут удар по Кубе, если кубинский народ посягнет на американскую военную базу Гуантанамо.

Кастро выбрасывает руки вперед и говорит:

— Разве адмирал не представляет себе, в какой век мы живем? Даже великий Данте не описал тех мук, которые могут постичь человечество, если разразится атомная война!

Кастро разъясняет не в меру разошедшимся адмиралам, что мировые проблемы разрешаются не страхом, не угрозами. В напряженной тишине вождь кубинского народа предлагает убрать американскую базу из Гуантанамо на основе требований международного права. И снова зал преображается. Аплодируя, встает кубинская делегация, встает Н. С. Хрущев, встают делегации Украины, Белоруссии, Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, Албании и многие другие.

Председательствующий Болэнд сидит красный от гнева. Он ждет лишь случая, чтобы прервать оратора, хотя бы на время прекратить дерзкую речь кубинца. Ему кажется, что такой случай подвернулся: Фидель Кастро цитирует заявление кандидата в президенты США Кеннеди о необходимости «обуздания Кубы». Тяжелый молоток Болэнда трижды опускается на стол. Председатель говорит оратору, что тот якобы непочтительно отзывается о государственных деятелях Америки...

Фидель Кастро продолжает говорить. Он говорит страстно и убежденно, его голос то поднимается, то затухает. Возможно, он привычнее чувствовал себя в горах родного острова, сражаясь против наемников Батисты, чем на трибуне ООН. Но и здесь, во дворце Объединенных Наций, он тот же Кастро — борец, сражающийся за счастье своего народа.

Четыре с лишним часа подряд продолжалась его речь. Она потрясла Нью-Йорк больше, чем ураган «Донна», который недавно пронесся над Нью-Йорком. И когда Кастро кончил говорить, то новая «Донна» забушевала в зале Ассамблеи. Но несла она на сей раз с собой не разрушения, а светлые надежды на мир, который можно и должно отстоять в мужественной борьбе.

Вечером того же дня, да и весь другой день в кулуарах Ассамблеи и за пределами здания Объединенных Наций, среди журналистов и простых американцев только и было разговоров, что о речи Кастро. Национальный герой Кубы сорвал маску с колониализма и показал всему миру его хищное и злобное лицо. И вместе с тем в его речи ярко и зримо встал благородный облик народа, решившего до конца отстаивать свою честь и свободу.

Еще день спустя нам пришлось побывать на завтраке, устроенном редакцией газеты «Нью-Йорк таймс». Представителей советской печати принимали Сульцбергер-старший, Сульцбергер-средний, Сульцбергер-младший, зять Трумэна Даниэль Клифтон, известный обозреватель Рестон. Это были видавшие виды журналисты, которых трудно удивить сенсацией. Но когда речь зашла о Кастро, то и они утратили свою обычную самоуверенность и наигранный скептицизм. Они признавались, что речь Фиделя Кастро на Генеральной Ассамблее — событие выдающегося значения.

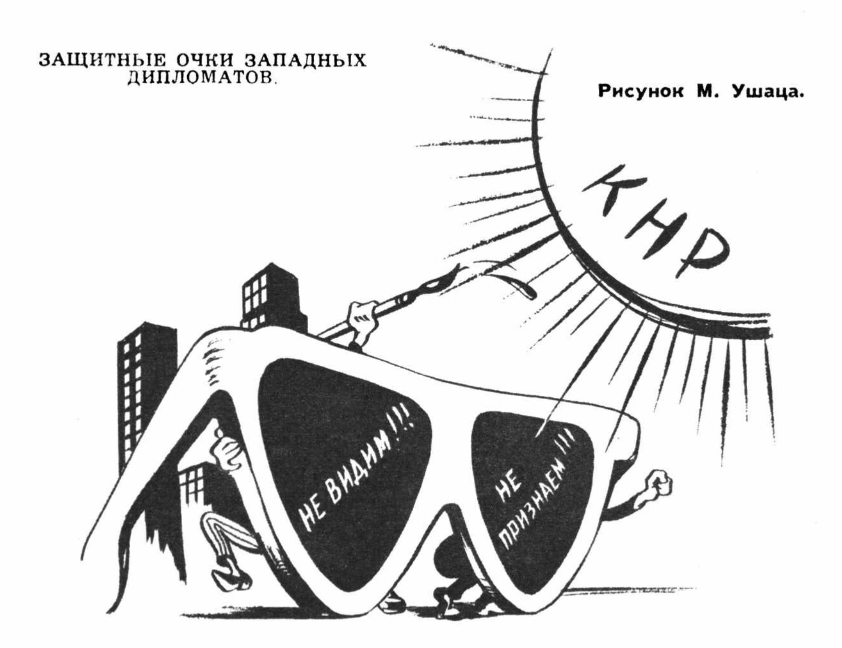
Дела звали Кастро обратно на Кубу. Он улетел туда, провожаемый рукоплесканиями своих соотечественников, живущих в Нью-Йорке, приветствиями представителей тех государств, которые прибыли на берега Гудзона, чтобы помочь миру обрести спокойствие. Он улетел на родину, бросив вызов городу небоскребов и напомнив миру, что еще не прошло то время, когда бурная романтика революций зажигает сердца и покоряет душу каждого честного человека.

Нью-Йорк.

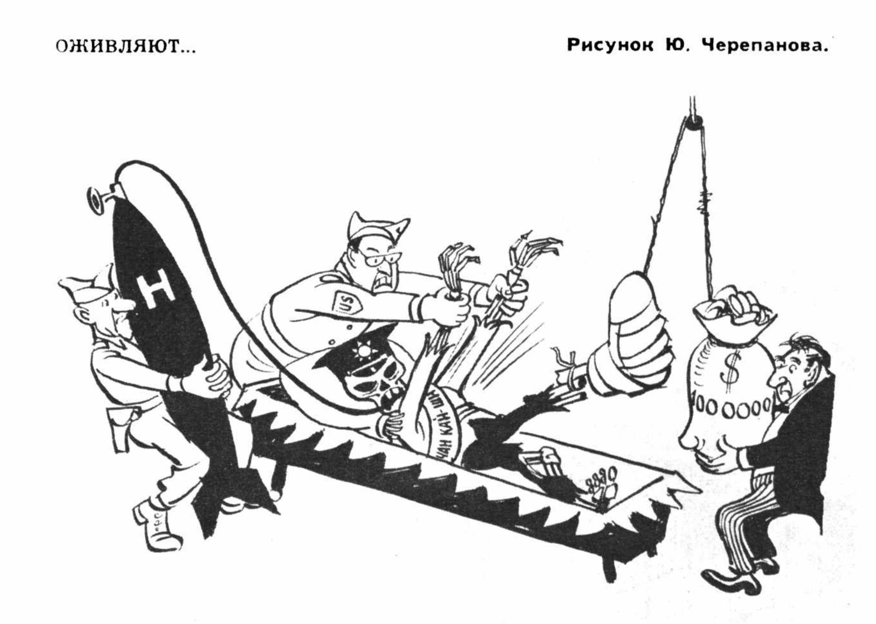
ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ ОТСТАИВАЕТ ХАММАРШЕЛЬД.

Рисунок М. Абрамова.

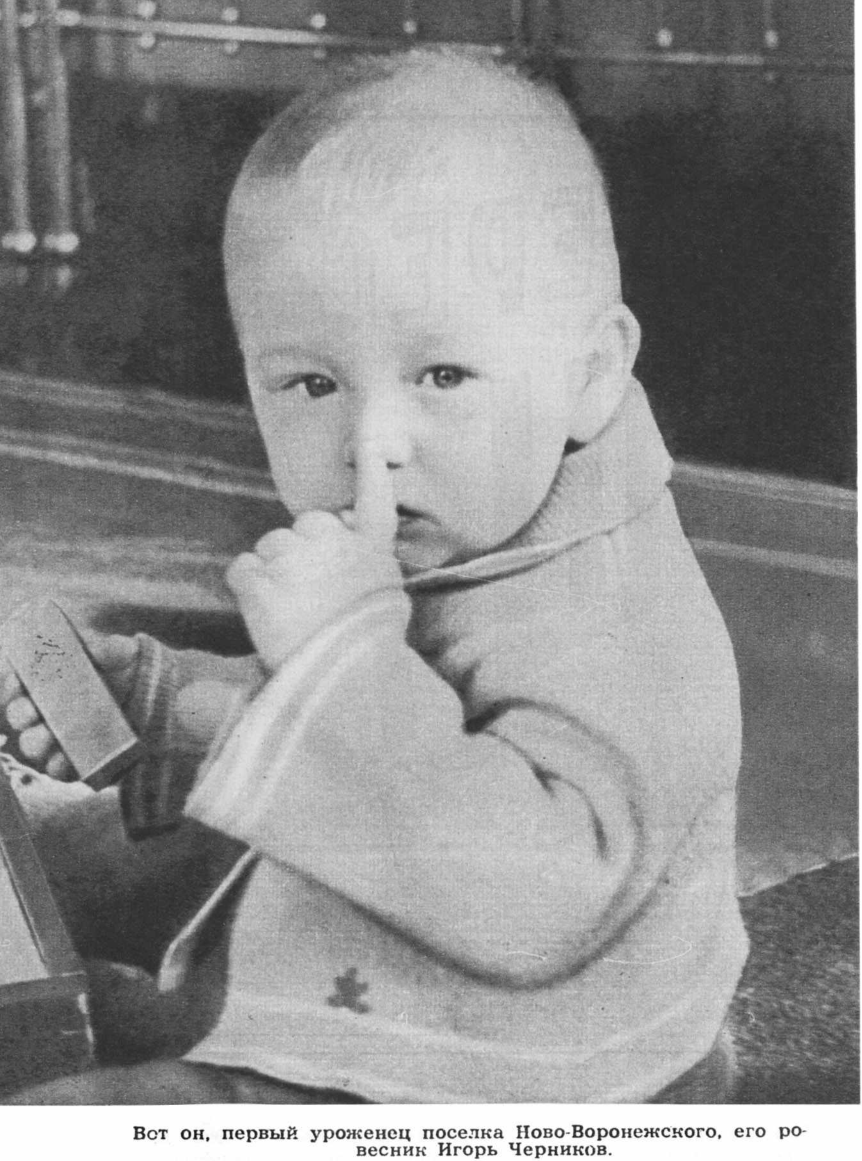
ЗАЩИТНЫЕ ОЧКИ ЗАПАДНЫХ ДИПЛОМАТОВ.

Рисунок М. Ушаца.

ОЖИВЛЯЮТ...

Рисунок Ю. Черепанова.

Вот он, первый уроженец поселка Ново-Воронежского, его ровесник Игорь Черников.

ПУСТЬ БУДЕТ АТОМ РАБОЧИМ,

Раннее утро... Давно проснулся поселок. Ребята стайками со всех сторон стекаются в школу. Малышей несут в ясли, ведут в детский сад. Все взрослые спешат в одном направлении — на стройку. Со станции отошел специальный поезд — он везет рабочих. По шоссе тяжело движутся грузовики с железобетоном...

И все-таки эта стройка необычная. Здесь сооружается первая в нашей стране промышленная атомная электростанция — Ново-Воронежская.

Она почти вся еще ажурная, фасад главного корпуса только наполовину одет в бетон. Стройка настолько велика, что она «укрывает» тысячи людей.

Павел Петрович Попов — старший инженер планово-технического отдела — ведет нас по коридорам в машинный зал. Как часовые, стоят здесь мощные железобетонные колонны. Это фундаменты для турбогенераторов.

Рядом с машинным залом сооружается реакторный.

— Посмотрите,— говорит Павел Петрович, когда мы поднимаемся по лестнице,— движется целая стена.

Огромный кран держит блестящий на солнце квадрат.

— Эти стены готовят на специальной монтажной площадке. На высоте только стыкуют и бетонируют. Каждая стена весит 10—15 тонн,—лаконично объясняет Павел Петрович.

Поднимаемся выше. Здесь нас знакомят еще с одной новинкой — тяжелым бетоном. Все должно быть абсолютно безопасно.

На семнадцатой отметке — иначе говоря, на высоте 17 метров — бригада Владимира Забельникова заканчивала контрольную сборку бака биологической защиты. Это монтаж первого оборудования станции.

На высоте нас познакомили с Иваном Григорьевичем Жихаревым — бригадиром слесарей-монтажников — и Павлом Петровичем Плотниковым — инженером-геодезистом. Плотников и строитель Лев Терентьевич Иванов первыми приехали на строительную площадку. Вокруг на многие сотни метров ничего, кроме песка, не было.

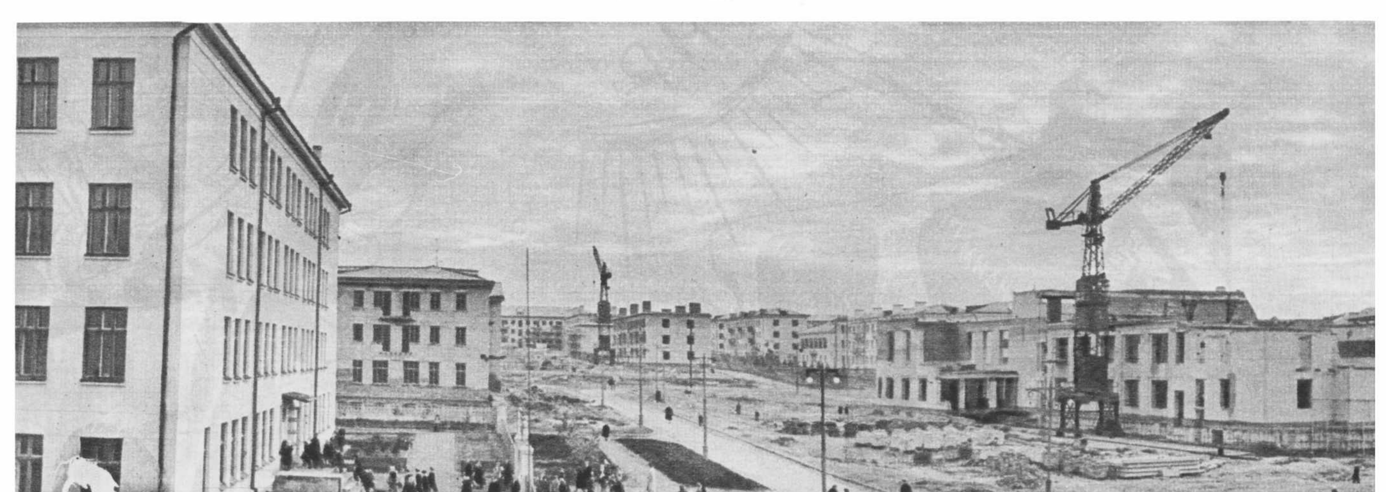
Иван Жихарев давно работает на стройках, а такой не видел.

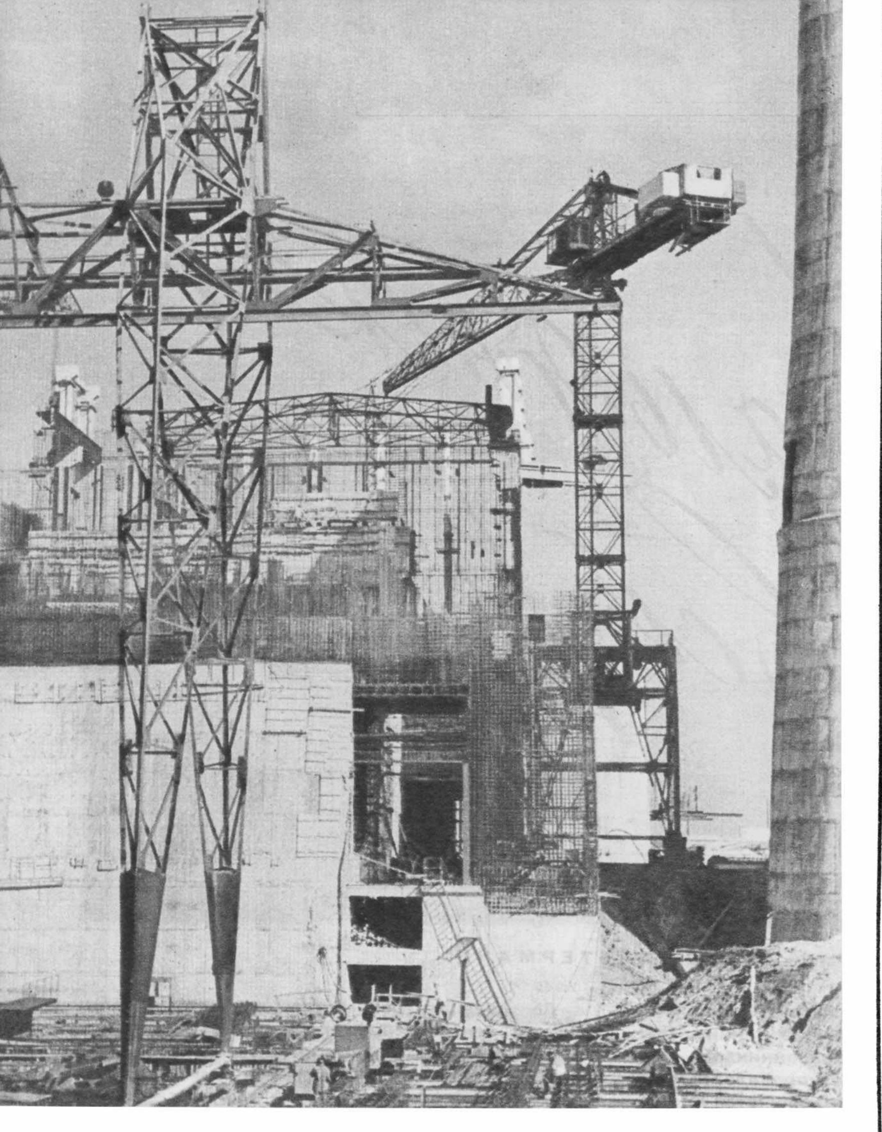
По лестнице быстро спускается худощавый паренек в брезентовом костюме, с широким поясом и цепью — непременном «вооружении» верхолазов. Это Александр Амбаров, Саша, как его все здесь называют. Приехал на стройку, как и сотни других юно-

Монтаж оборудования атомной электростанции.

Новый поселок строителей и рабочих станции.

Ново-Воронежская атомная электростанция.

А НЕ СОЛДАТОМ!

шей и девушек, по комсомольской путевке. Он участвовал в укладке первых кубометров бетона. Но манили его огоньки сварки. И Амбаров стал электросварщиком. Да еще каким: в Москве окончил курсы по сварке.

— Приняли бы наше предложение о разоружении,— мечтает Александр,— сколько таких мирных станций можно было построить!

Все, с кем вы ни разговоритесь на стройке, мечтают о мире, работают на мир и для мира. В конторе начальника 6-го участка Сергея Ивановича Чернигина — старого, опытного строителя — мы познакомились с бригадиром комплексной бригады плотников-бетонщиков Николаем Николаевичем Рудневым. Он воевал недалеко от этих мест. Видел разбитые города, гибель товарищей. И, когда его направили на строительство атомной станции, был горд и доволен.

Строители сложили замечательные стихи: «Пусть будет атом рабочим, а не солдатом!». Как девиз, как страстное желание каждого человека Советской страны начертаны эти слова на главном корпусе атомной электрической станции.

...Пройдет немного времени, и эксплуатационники, как эстафету, примут у строителей первую промышленную атомную станцию. Ее опоры станут рядом с опорами Сталинградской ГЭС. Ток, выработанный мирным атомом, пойдет на заводы и фабрики, в совхозы и колхозы. Мирный атом должен всегда оставаться рабочим.

А. РУБИНА

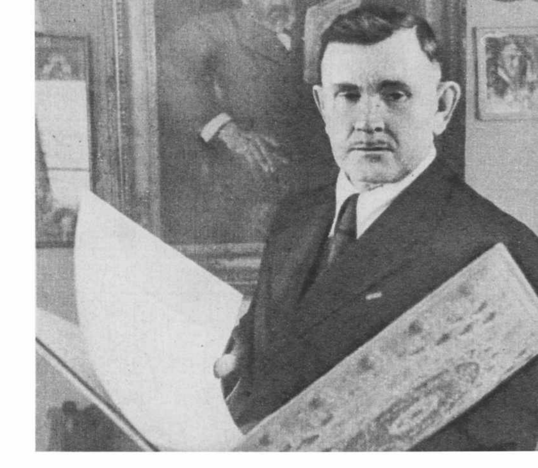
Фото А. ГОСТЕВА.

Молодожены Люба и Владимир Самсоновы в своей новой квартире.

НЕСОКРУШИМО МОЛОДОЙ

С именем Сергея Герасимова у меня связаны далекие воспоминания. Примерно в 1910 году, возможно, немного раньше, на ученической выставке Училища живописи, ваяния и зодчества меня поразили две акварели: «Розы» и «Мужской портрет». Они разительно отличались от всего экспонированного там зрелым мастерством и художественным обаянием, которое могло быть присуще только замечательному художнику. Первая работа трогала, если можно так сказать, «колористической романтикой», вторая — глубиной портретной характеристики. Автором их был ученик этого училища — куда я в то время так мечтал попасть,— Сергей Герасимов. Мастерство этого начинающего художника было уже тогда на уровне К. Коровина, а его «Мужской портрет» приближался к лучшим акварельным портретам В. Серова.

С тех пор прошли многие годы. Сергей Васильевич Герасимов, как и следовало ожидать, стал гордостью советского искусства, создал ряд замечательных произведений, вошедших в сокровищницу советской живописи.

Герасимов — подлинный большой советский художник. В его работах вас поражает великолепное чувство композиции, колористический глаз, острый рисунок, а главное, чувство современности и горячая любовь к Родине.

Диапазон его художественных возможностей необычайно велик. Он мастер замечательных многофигурных композиций, превосходный пейзажист, изумительный иллюстратор. Стоит только вспомнить о таком шедевре иллюстрации, как «Дело Артамоновых» М. Горького.

Когда я смотрю на этого все еще молодого, необычайно организованного человека, я чувствую, что ему все «по плечу»: и большая педагогическая работа, которую он ведет десятки лет, и общественная — в нее он органически врос с первых лет революции, — и, само собой разумеется, непосредственно творчество художника.

Что пожелать ему в день его 75-летия? Оставаться многие десятилетия таким же «несокрушимо молодым», как сейчас, и, конечно, здоровья на долгие годы.

А это обеспечит появление новых шедевров замечательного советского художника Сергея Герасимова.

Б. ИОГАНСОН,
народный художник СССР

Народы не забыли этого

Гватемала... Это слово вновь звучит сегодня с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, повторяется в комментариях обозревателей, встает со страниц прессы Запада и Востока. «Кубе не быть новой Гватемалой!» — говорят кубинские патриоты, и смысл этой фразы хорошо понятен людям, чьи сердца и разум на стороне справедливой борьбы угнетавшихся колониализмом народов.

Мы говорим «Гватемала» — и в нашей памяти возникают трагические события, которые разыгрались шесть лет назад в этой маленькой латиноамериканской стране.

Над Гватемалой занималась заря новой жизни. Крестьянам-индейцам уже становился привычным труд на собственных земельных наделах, полученных по закону об аграрной реформе. Закон был принят по инициативе демократическим путем избранного президента Гватемалы Хакобо Арбенса.

Но прогрессивные преобразования нового гватемальского президента пришлись явно не по вкусу финансовым воротилам США. Еще бы! Президент Арбенс осмелился поднять руку на то, что десятилетиями считалось неприкосновенным,— на владения, захваченные «Юнайтед фрут компани» и другими североамериканскими монополиями.

В день 17 июня 1954 года в небе мирной страны появились самолеты с американскими опознавательными знаками. Они обрушили на мирные селения тонны смертоносного груза. Так началась интервенция, вошедшая в позорную историю современного колониализма под названием «операция Гватемала».

Теперь уже никто не сомневается в том, кто был организатором и вдохновителем реакционного мятежа наемника американских монополий Кастильо Армаса. Это те же, кто ныне плетет в США сеть заговоров и интриг против Кубы.

Приемы, примененные в те дни для расправы с Гватемалой, как две капли воды напоминают нынешний провокационный заговор американских империалистов против молодого кубинского государства. Как и сейчас в отношении Кубы, госдепартамент США поставил тогда перед участниками конференции американских государств провокационный вопрос о «коммунистической угрозе» со стороны Гватемалы.

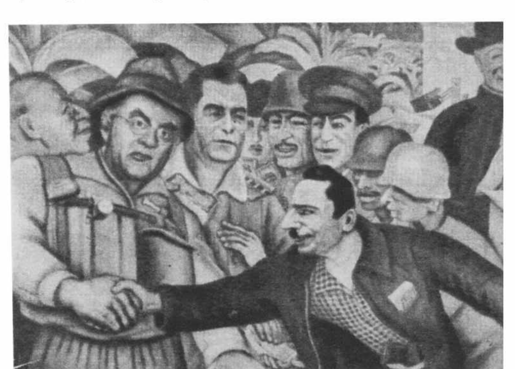
За дело взялись братья Даллесы, Джон Фостер и Аллен. В Гондурасе и Никарагуа на деньги банановых компаний были сколочены наемные банды под началом продажного гватемальского офицера Кастильо Армаса. Эти банды, поддержанные американской авиацией, пересекли гватемальскую государственную границу. И через несколько дней молодчики Кастильо Армаса при прямом участии американского посла в Гватемале Перифуа устроили в столице вооруженный переворот. Президент Хакобо Арбенс вынужден был уйти в отставку. Узнав об этом, Джон Фостер Даллес цинично воскликнул: «Западный мир одержал в Гватемале блестящую победу над коммунизмом!».

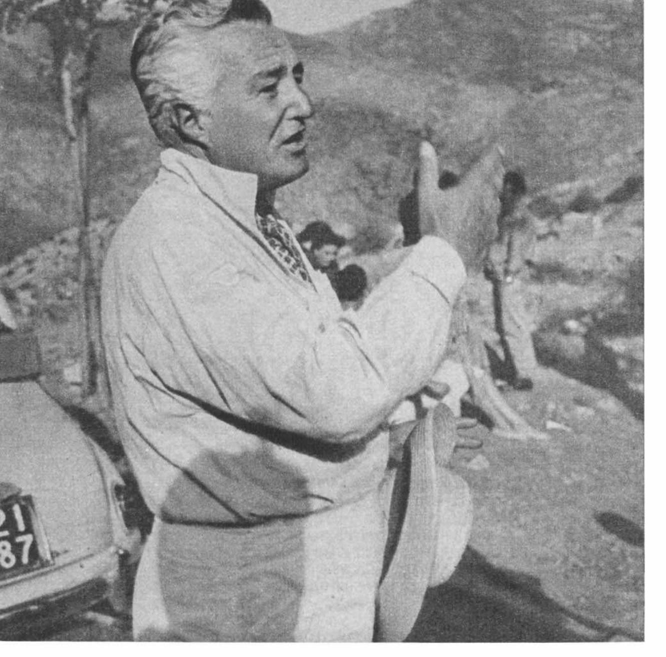
Новый гватемальский диктатор, североамериканская марионетка Армас, приступил к расправе. Начались массовые расстрелы патриотов. Крестьянам, получившим землю по аграрной реформе, было приказано вернуть наделы их прежним хозяевам. Отвечающая народным интересам конституция 1945 года была отменена.

Известно, что диктаторский режим Кастильо Армаса просуществовал недолго. Передовая гватемальская общественность выступила в защиту конституции 1945 года и земельной реформы Хакобо Арбенса. Летом 1957 года антиимпериалистическое движение гватемальских патриотов привело к падению диктаторского режима Армаса. Сам тиран был убит солдатом из его личной охраны.

В наши дни мир стоит перед опасностью повторения «операции Гватемала», на этот раз на одном из островов Антильского архипелага, на Кубе. Не допустить этого — долг всех честных людей мира.

Фрагмент картины Диего Ривера «Блестящая» победа». На картине изображен Джон Фостер Даллес, пожимающий руку наемнику США Армасу, палачу народа Гватемалы.

Витторио де Сика на съемках фильма «Чочара».

Итальянские встречи

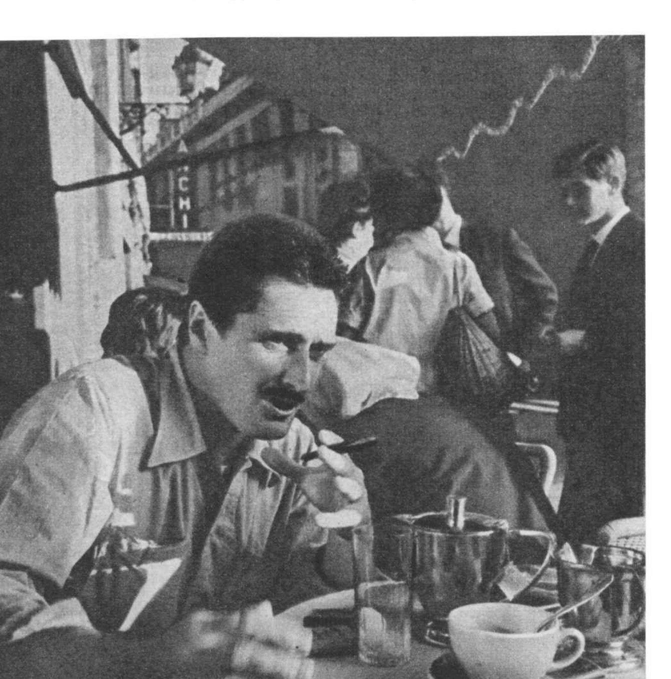
Джиованни КРИНО

Дмитрий БАЛЬТЕРМАНЦ

Джульетта Мазина — исполнительница главной роли в фильме «Ночи Кабирии».

Пьетро Джерми охотно рассказал нам о себе.

В Италии актеры, режиссеры, сценаристы и вообще все люди, работающие в кино, стараются избежать встреч с поклонниками, охотящимися за автографами. Как правило, номера телефонов и адреса артистов держатся в секрете, их нет в справочниках. О встречах нужно подолгу хлопотать. Но Сильвана Пампанини, узнав, что от нее хотят получить интервью для советского журнала «Огонек», сразу же предложила приехать к ней на квартиру. Мы, разумеется, отправились, не теряя времени. Синьора Сильвана живет вместе с родителями. Актриса радушно встретила нас и рассказала о себе, о своей жизни. Она внучка знаменитой в свое время певицы Розетты Пампанини, которая пожинала лавры в городах всей Европы. С детства Сильвана училась музыке и пению, окончила Римскую консерваторию. В 1947 году с успехом участвовала в конкурсе красоты на избрание «Мисс Италии», состоявшемся в курортном городе Стрезе. Это открыло ей путь в кино.

Из фильмов, в которых артистка снималась, самой ей больше всего нравится «Дайте мужа Анне Заккео». В СССР эта картина шла под названием «Утраченные грезы». До сих пор актриса получает из Советского Союза десятки писем об этом фильме.

В квартире Сильваны множество сувениров, полученных от друзей из разных стран, и среди них немало — из Страны Советов. Сильвана попросила нас снять ее с подарками советских друзей.

А потом нам удалось узнать номер телефона Пьетро Джерми. Это автор, режиссер и исполнитель главной роли в фильме «Машинист». Телефон его дал нам известный художник-коммунист Клаудио Астролого. Однако он предупредил нас, что добиться встречи с Пьетро Джерми очень трудно: этот своеобразный человек к своей работе относится с максимальной серьезностью, любит уединение и не любит, когда нарушают его покой.

Когда мы сказали Джерми по телефону, что хотим побеседовать с ним, голос в ответ прозвучал весьма сухо. Но и Джерми, узнав, что речь идет о советском журнале, сразу дал согласие встретиться. И вот мы в кафе «Канова», которое углубляется в залитую солнцем Пьяцца дель Пополо. Джерми уже ждал нас на пороге главного входа, нисколько не обращая внимания на любопытные взоры завсегдатаев, удивленных крайне редким явлением — его приходом. Он был одет очень просто, почти как обыкновенный рабочий. Мы уселись за столик на площади, и Пьетро Джерми, обычно такой необщительный, рассказал о себе.

До двадцатитрехлетнего возраста Джерми жил в Генуе. В шестнадцать лет он начал серьезно изучать русский язык... Говоря об этом, Джерми вдруг предложил нам послушать его и без особого труда произнес по-русски:

— Один очень бедный человек увидел в своей комнате жулика и сказал ему: «Что вы ищете ночью в моем доме, когда я сам днем ничего не могу найти в нем».

Мы были приятно удивлены, а Джерми как ни в чем не бывало продолжал рассказывать:

— Я до глубины души ненавидел фашизм и провел не одну бессонную ночь над произведениями Маркса и Энгельса. Я строил самые фантастические планы, мечтая во что бы то ни стало бежать в Россию...

— Вы никогда не были в России?

— Нет, не пришлось.

— А какие советские фильмы видели?

— Много. Выше всего ставлю «Балладу о солдате» за большую ее человечность... Некоторые считают этот фильм несколько сентиментальным. Но какая там сентиментальность! Меня тоже упрекают в сентиментальности, а я даже не понимаю, что это означает! Не нравится мне все это сложное и запутанное, которое теперь стало таким модным. Человечность — вот что главное...

— Над чем вы сейчас работаете? — спрашиваем мы.

Джерми говорит, что обдумывает постановку нового фильма. Это будет сатира, и притом весьма забавная: «Честь девятого калибра».

— Литературный сценарий,— сообщает Джерми,— уже написан мною в сотрудничестве с Альфредо Джаннетти. Это мой постоянный сотрудник. А теперь я работаю над режиссерским сценарием. В нем высмеивается самое "верное" и самое «экономичное» средство развода в такой стране, как Италия,— убийство жены «по мотивам чести»!

Мы смеемся и поднимаемся навстречу официанту, чтобы заплатить. Однако Джерми, с угрожающим видом взглянув на официанта, восклицает: «Именем закона приказываю не брать ни одной лиры у этих синьоров! Иначе вы меня больше никогда здесь не увидите».

...Теперь на «очереди» у нас был Витторио де Сика, занятый экранизацией одного из лучших романов Моравиа — «Чочара», опубликованного в СССР в 1958 году.

Чочара — это живописный район в провинции Лацио. Мы ехали туда вдоль морского побережья, все время поднимаясь вверх по крутым склонам, вплоть до Цирцейского мыса,

Сильвана Пампанини с подарками советских друзей.

и наконец увидели бивуак, где «жарились» на солнце около пятидесяти автомобилей. Режиссер и актеры были погружены в послеобеденный сон. Нам пришлось подождать, пока не появился Витторио де Сика — необыкновенно симпатичный человек с седеющей шевелюрой, в светло-голубом костюме, с широкополым соломенным сомбреро.

Де Сика просил нас передать сердечный привет Бондарчуку, к которому он питает огромное уважение и симпатию. Фильм Бондарчука «Судьба человека» поразил его. Де Сика надеется в скором времени посетить Россию, а пока он зарабатывает деньги, чтобы иметь возможность ставить фильмы, которые его захватывают. Скоро он займется постановкой фильма «В 18 часов начнется Страшный Суд». Вот вкратце его содержание.

— Таинственный голос, — рассказывает нам де Сика, — объявляет: в 18 часов будет Страшный Суд. Все приходят в ужас: ведь сколько у каждого грехов! Каждый хочет прийти очищенным на последний суд! Но вот наступил объявленный таинственным голосом час и... прошел. А между тем ничего не случилось. И люди вновь возобновили прежнюю грешную жизнь: они охотятся за наслаждениями, мошенничают, изменяют...

Де Сика смеется. Он предвкушает удовольствие экранизации этой символической басни... Распрощавшись с нами, он прямой, молодой походкой направляется к месту съемок.

...После де Сика мы встретились с Джульеттой Мазиной. Она и ее муж — режиссер Федерико Феллини, создавший картину «Сладкая жизнь», — занимают большую квартиру на последнем этаже дома современной конструкции: выходя из лифта, оказываешься прямо в квартире, обставленной красивой мебелью, старинной и современной.

Джульетта Мазина провела около месяца в Москве и Ленинграде. Она говорит о России и о советских людях с неподдельной теплотой, как о близких друзьях. Родители Джульетты — педагоги, мать — преподавательница литературы, а отец — учитель музыки. Сама она училась в университете и закончила факультет литературы и философии, все время играла в студенческом драматическом кружке. С тех пор и началась ее артистическая карьера и знакомство с Федерико Феллини. Тогда Феллини писал короткие комедии для радио, Мазина в них участвовала.

— Со времени нашей женитьбы, — рассказывает актриса, — прошло уже семнадцать лет. А теперь я больше не намерена сниматься в фильмах. Теперь я стала «домашней хозяйкой»! Правда, — сообщила Мазина, — у меня есть самая заветная мечта: исполнить роль Катюши из «Воскресения». Мы ведь все горячо любим русскую литературу.

...На улице Латина мы встретились с режиссером Джузеппе де Сантисом. Он был занят монтажом своего нового фильма — «Гарсоньерка». Этот фильм снимался в павильоне без единой натурной съемки. В главных ролях заняты Элеонора Росси Драго, Раф Валлоне и югославская киноактриса Лоретана Милетич.

Де Сантис встретил нас словами:

— Все мои лучшие друзья — в Советском Союзе! Я побывал там несколько раз и скоро буду опять!

Де Сантис — человек с очень выразительным лицом и столь же выразительной жестикуляцией. Он говорит с живостью, быстро устанавливая контакт с собеседником. Он тоже восхищен «Балладой о солдате». Фильм произвел на него большое впечатление высоким настроением, большой чистотой и проблемностью содержания.

— Были ли у вас случаи, — задаем мы ему вопрос, — когда вы не могли поставить фильма так, как вам хотелось бы?

— Можно сказать, что единственный фильм, который я поставил в полном соответствии с моими желаниями, — это «Дорога длиною в год». Здесь я имел полную свободу действий. Во всех же остальных фильмах я вынужден был идти на компромиссы.

Де Сантис считает, что проблемы, трактуемые многими итальянскими фильмами, близки и понятны русскому народу потому, что в большинстве своем эти фильмы проникнуты человечностью. Советские же фильмы де Сантис критикует за то, что в них, по его мнению, недостаточно затрагивается любовь.

Мы прощаемся с де Сантисом, актрисой Милетич и уходим. Наступает ночь, но кругом светло, лишь древние монументы Рима погрузились во мрак. На Джаниколо ярко светит маяк для самолетов и светятся антенны вышек телевидения.

Джузеппе де Сантис репетирует с Лоретаной Милетич.

Хапуга хочет быть чис

Фельетон

Е. ВЕЛТИСТОВ

Рис. И. Массины.

Прежде чем выбрать кандидатуру для фельетона, автор рассмотрел ряд преступных фигур. Был среди них неудачливый игрок на бегах, который делал ставки из чужого бумажника, строитель, оформлявший наряды на возведение воздушных замков, и даже взяточник-поджигатель, который, опасаясь разоблачения, спалил контору. Но как ни просились на бумагу зловещие блики пожара и топот ипподромных рысаков, их отодвинуло на второй план заявление одного торгового работника, которого я считал в этой пестрой компании заурядным жуликом.

— Я этого дела так не оставлю! Я добьюсь их наказания!

— Кого их?

— Прокуратуры, следователей!

Его горящие уши говорили о решимости. И я как можно внимательней познакомился с жизненной кривой «обыкновенного взяточника».

Аккуратная внешность и прирожденная скромность Сергея Егоровича Коновалова, директора Советского райпищеторга Москвы, ставились в пример всем сотрудникам. Сослуживцы Сергея Егоровича всегда побеждали в спорах о начальстве: «Наш-то на работу и с работы пешком ходит!» Сотрудники были доверчивы, как дети, и не подозревали, что личная машина поджидала Коновалова в трех кварталах от конторы. «Наш» демонстрировал свою солидарность с пешеходами до угла, а дальше трусил рысцой к знакомому задку зеленой «Победы».

Уходя с работы, Коновалов говорил:

— Ох, и жарко же в городе! Завидую тем, кто живет на даче.

И, провожаемый сочувственными взглядами, шагал до заветного угла, и потом личный шофер вез Коновалова по Можайскому шоссе в поселок Ново-Дарьино, где в зелени кущ стояла двухэтажная дача о пяти комнатах и двух террасах.

Чего же так стеснялся гражданин Коновалов? Как-то вечером взял он бумагу и занялся арифметикой. В результате несложных действий родился такой баланс: директорская заработная плата за два года составляла 62 350 рублей, расходы на автомобиль и дачу — 50 400.

— Прекрасно! — воскликнула жена.— Два года мы как раз и жили на эту разницу в 11 тысяч 950 рублей.

— А плата шоферу? А новая мебель? А рестораны? — грустно возразил Коновалов.

Учитывая скромность Сергея Егоровича, на эти вопросы ответит автор. Проанализировав ряд поступков Коновалова, автор пришел к выводу, что этот гражданин давно уже любил чужие деньги. Но как, скажите, как мог он сознаться в своей страсти сослуживцам? Не вызывать же их в кабинет и требовать: «Гони монету!» Метод наглого грабежа Коновалов не одобрял. Будучи человеком образованным, он выбрал более тонкий прием, напоминающий, как ни странно, классические любовные ситуации.

Свидание было назначено чудесным летним днем в душном кабинете директора магазина Г. И. Салопа. Чтобы не напугать внезапным признанием предмет своих ухаживаний, Коновалов заговорил на отвлеченную тему:

— Знаешь ли ты, Салоп, что такое иметь в наше время автомобиль?

— Не совсем.

— А я только недавно понял, что автомобиль — это вторая жена! Его надо все время одевать. А баллоны, брат, подороже шелковых платьев стоят.

Что толкнуло директора магазина торопливо полезть в сейф? Возможно, он мысленно представил дородную супругу начальника и автомобиль с дырявыми шинами. Крутой женский нрав и капризы современной техники. Не слишком ли это много на одного хорошего человека?

Отдав деньги, чувствительный директор стал жалеть себя. Он догадался, что больше никогда не увидит свою тысячу. Расстроенный взор Г. И. Салопа остановился на селедочных хвостах, и с этого момента тощие селедки поднялись в цене на два рубля сорок копеек — весьма примитивное жульничанье. Когда сотрудники УБХСС поймали директора за руку, от нее еще пахло рассолом.

Зная, что стойкий рыбный запах может привести следователей в кабинет директора райпищеторга, Коновалов поспешил на помощь. Он не только выручил Г. И. Салопа от наказания, но и произвел некоторый переворот в его мировоззрении. Г. И. Салоп-торговец знать не хотел теперь былого Г. И. Салопа-слесаря и Салопа-воина, ушедшего добровольцем на фронт,—словом, честного человека. Салоп-торговец стал всерьез полагать, что при служебном рукопожатии люди должны обмениваться небольшими ценными свертками, а конец рабочего дня отмечать, как и праздник, откупориванием винных бутылок. Так, привязав к себе Салопа, взяточник Коновалов одержал первую победу над обществом.

Он мог, например, сказать так:

— Сегодня ты будешь не Салоп, а Коновалов.

И Салоп сразу понимал иносказание: надо платить. Очередную сумму он внес в кассу авторемонтной мастерской за настоящего хозяина зеленой «Победы». Но человеку свойственно помнить свое имя. И когда подставному Коновалову сообщили о неверном расчете и выдали назад более трехсот рублей, он от радости свою роспись начал с привычной буквы «С». Как потом оказалось, настоящий Коновалов не знал о случившемся, а то, наверное, потребовал бы эти три сотни: ведь его фамилия венчает квитанцию!

В последующих поступках С. Е. Коновалова, увы, исчезли прежняя изысканность и тонкость в обращении. Сергей Егорович уже не просил с волнением в голосе «помочь перед отпуском», не пускался в теоретические разговоры о сухой ложке и сухом рте, а требовал с подчиненных директоров мзду по случаю наступающих праздников, по случаю окончания года и просто без всякого случая. Брал и «борзыми щенками»: колбаса так колбаса, курица так курица. Увидел как-то стройматериалы — приказал отвезти на дачу. И отвезли...

Но, представьте себе, нашелся-таки человек, который отказался давать деньги только за «красивые глаза». Что сделал с ним Сергей Егорович? Уволил. Играючи взял да уволил директора магазина Г. С. Шмелева. И это был еще один плевок гражданина Коновалова в сторону общества. Общество этого не заметило, что очень ободрило директоров-взяткодателей. Директора поклялись отныне держаться друг за друга и карать отступников.

Когда же Коноваловым заинтересовалась милиция, директора струсили и, громко стуча в грудь, принялись наперебой вспоминать: что, где и когда. Совпадало абсолютно все: и что, и где, и когда. Сам гражданин Коновалов так искренне каялся и плакался, что жена его Зинаида Кондратьевна, явившаяся на свидание в казенный дом после спевки (она поет в церковном хоре Петра и Павла), упрекнула супруга мужественным, слегка охрипшим басом:

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Синтетическое волокно. 7. Герой романа Л. Леонова «Русский лес». 8. Озеро в Экваториальной Африке. 9. Датский художник-карикатурист. 11. Пилот безмоторного летательного аппарата. 14. Резкое различие, противоположность. 17. Река в Северной Америке. 19. Часть квартиры. 20. Атмосферное явление. 21. Название отряда Гарибальди. 22. Газетный жанр. 24. Химический элемент. 26. Исполнительница на струнном инструменте. 28. Актер и режиссер, ученик К. С. Станиславского. 31. Скульптурное изображение. 32. Охотничья собака. 33. Басня И. А. Крылова. 34. Народная песня на стихи Н. А. Некрасова.

По вертикали:

1. Легкая постройка. 2. Ценная рыба. 3. Вид спорта и промысла. 4. Ягода. 6. Город в Красноярском крае. 7. Цветочно-декоративное растение. 10. Симфония Бетховена. 12. Предсказание погоды. 13. Изобретатель лампочки накаливания. 15. Африканское животное, открытое в начале XX века. 16. Грызун, распространенный в Азии. 17. Матрос, герой Севастопольской обороны. 18. Непривитое плодовое деревцо. 22. Хребет Южного Урала. 23. Герой греческой мифологии. 25. Сорт яблок. 27. Пресноводная инфузория. 29. Спутник Сатурна. 30. Основатель Латвийской консерватории.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

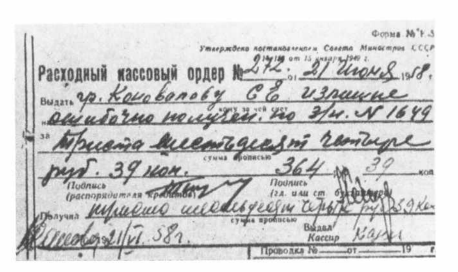
По горизонтали:

4. Реферат. 5. Флексатон. 6. Палитра. 11. Точка. 13. Гарус. 16. Сейнер. 17. Алатау. 18. Алгебра. 19. Витрина. 20. «Либерал». 21. Верблюд. 23. Шадрин. 24. Алупка. 25. «Гудок». 26. Номер. 28. Антенна. 31. Корректив. 32. Малахит.

По вертикали:

1. Венера. 2. Шекспир. 3. Партер. 6. Почка. 7. Аорта. 8. Дендрарий. 9. Гваделупа. 10. Левитан. 11. Тренинг. 12. Ангарск. 13. Гобелен. 14. Санитар. 15. Гагарка. 21. Водла. 22. Дамба. 27. Перевал. 29. Нарзан. 30. Натрий.

ТЕНЬКИМ

Форма № Р-3
Утверждено постановлением Совета Министров СССР № 1419 от 15 января 1949 г.

Расходный кассовый ордер № 272. 21 июня 1958 г.

Выдать гр. Коновалову С. Е. излишне ошибочно получен. по з/н. № 1649

за Триста шестьдесят четыре руб. 39 коп. (сумма прописью) 364 р. 39 коп.

Подпись (распорядителя кредитов)

Подпись (гл. или ст. бухгалтера)

Получил триста шестьдесят четыре руб. 39 коп. (сумма прописью)

21/VI. 58 г.

Выдал Кассир

Проводка № — от — 19 г.

Расписка Г. И. Салопа за С. Е. Коновалова.

— На этом складе,— свидетельствует шофер И. М. Сидоров,— я взял тес и толь...

...и привез на дачный участок Коновалова.

— Не будь бабой, Сергей! Мы что-нибудь предпримем!

Вскоре те же директора, так же гулко бия себя в грудь, стали все отрицать. Директора вспомнили свою клятву и застыдились. Они начали ругать друг друга за отступничество и пугать «влиятельными друзьями» Коновалова. А поскольку все тот же Г. С. Шмелев не захотел отказаться от своих показаний, к нему на работу начали звонить неизвестные анонимы и убеждать со страстью и гневом:

— Как ты смеешь выносить сор из избы?

Директора принципиально решили оставаться взяткодателями.

Некоторым работникам прокуратуры почему-то понравилась такая принципиальность. Они распорядились прекратить дело на пятом томе и положили его в архив. А Коновалов взял да и подвел мягкосердечных стражей закона. Его не устраивала архивная тишина. Он стал обливать помоями добросовестных следователей и отрицать даже результаты экспертизы:

— Меня оклеветали! Меня запугали! Я гуманный и благородный человек. Только теперь я говорю чистую правду. Поймите же, товарищи!

Но товарищи не хотят понимать. Товарищи, наоборот, недоумевают: почему должно прощаться государственное преступление, какими суммами убытков оно бы ни измерялось?! Товарищам, мягко выражаясь, вообще неприятно видеть воинствующего взяточника Коновалова, человека без всякого признака совести. Ведь он не стыдится смотреть в глаза, требуя восстановления в партии.

— Кто научил вас наглости? — спросили у Коновалова прямо.

Коновалов не ответил на вопрос. Он напоминал сорняк, который выдернули и отбросили в сторону, но неудачно: он уцепился за землю и снова пустил корни, набрался сил, зазеленел. Что питало воинственность Коновалова? Безнаказанность? Тайные «влиятельные друзья», которыми пугали друг друга директора? А может, то и другое вместе?

Хапуга хочет быть чистеньким. Он взывает к справедливости. Так давайте же будем справедливы и достанем его дело из темного архива на солнечный свет! Тогда все увидят мерзкую руку взяточника, и станет очевидно, что ни одного грязного дела прощать нельзя.

На первой странице обложки: Н. С. ХРУЩЕВ и Фидель КАСТРО.

Фото В. Лебедева.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление И. Михайлина.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06444. Подписано к печати 5/X 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. № 1562. Заказ 2694.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

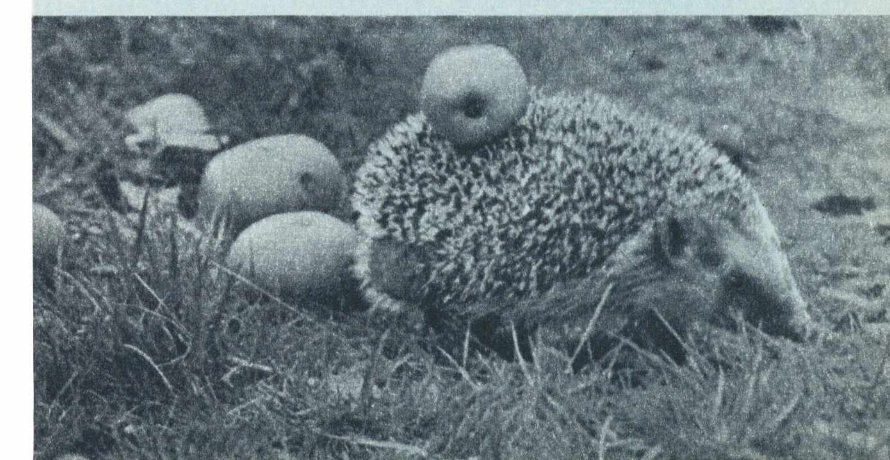
НЕ БОЮСЬ!

ШАЛУНЫ.

Фото В. Пескова.

ЕЖ-ЗАГОТОВИТЕЛЬ.

КОРАБЛИ ОБРЕТАЮТ КРЫЛЬЯ

Над водной гладью стремительно летит белый, как чайка, корабль. 80 километров в час! Еще несколько лет назад, когда по Волге лениво шлепали колесами старомодные пароходы, такая скорость казалась немыслимой. А нынче от «Ракеты» отстают даже автомобили. Сормовские конструкторы под руководством Ростислава Алексеева поставили на суда подводные крылья. И теперь речной транспорт переживает своего рода техническую революцию — скачок скорости в 4—5 раз. Сегодня крылья получили пассажирские и прогулочные корабли, а уже в будущем году по Волге и Енисею, Лене и Днепру повезут грузы скоростные «Метеоры» и «Спутники».

США, Франция и еще два десятка государств изъявили желание приобрести у Советского Союза лицензию на строительство крылатых кораблей.

К. ВЛАДИМИРОВ

Фото А. Гостева.

Цена номера 3 руб.